
ВХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

ОБЩЕСТВО ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

*

под общей редакцией
Р. В. Дуганова

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

*

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

ДРАМЫ

СЦЕНЫ

1904–1922

*

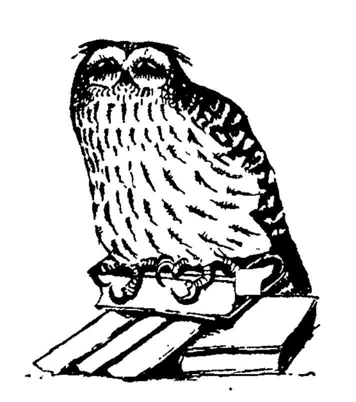
МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

Составление, подготовка текста
и примечания
Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова

Приносим глубокую благодарность Д.К.Бернштейну, Л.Л.Гервер, В.П.Григорьеву, Вяч.Вс.Иванову, М.П.Митуричу-Хлебникову, А.М.Пономареву, С.В.Старкиной, Н.С.Шефтелевич, а также всем сотрудникам рукописных и книжных фондов ГЛМ, ИМЛИ, РГАЛИ, РГБ, РНБ, оказавшим помощь в подготовке настоящего тома ценными материалами и благожелательным содействием.

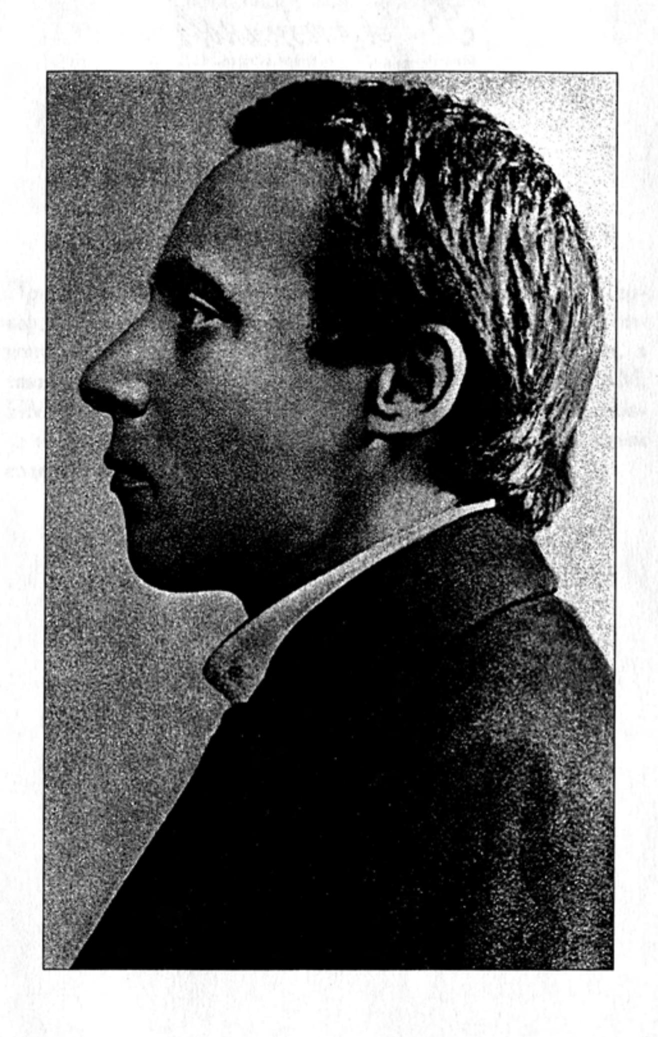
ISBN 5-9208-0021-6
ISBN 5-9208-0157-3

В. Хлѣбниковъ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

В.В.Хлебников. Фотография. 1912.

I

ЛЮБОВНИК ЮНОНЫ

1

Бежим, дитя, бежим за ели,
Где вороны овна заели.

2

Тетенька, милая, тетенька, тише,
Здесь камни, здесь больно, мне трудно и выше.

3

Здесь озеро блещет
И волнами плещет.

4

О, сын мой любимый, сыноня,
Или стал милым Юноне?
Он кроток и тих. Какая в нем ко́рысть?
Уж лучше взяла бы трясуха иль хворость.

5

Кто это там? Опять твоя мать?
Она не устанет меня проклинать.

6

. . . .

7

Здесь золотые цветут травы
И белые купавы.

8

Прекрасная тетя, зачем ты снимаешь?
Не надо, не надо, родная.

9

Красный ребенок, не понимаешь —
Смою я грязь, в воде погружая.

10

Всё же снимай. Видишь, и я —
Чиста, прекрасна, как влаги струя.

11

Домой ты придешь, и нас будут бранить,
Если не вымоем каждую нить.

12

Я сделаю все, что ты хочешь!
Тетя, русалка, — зачем ты щекочешь?
Не надо, не надо, родимая,
Я слезы на личице вымою.

13

. . . .
. . . .

Чьи жемчуг-зубки сделал токарь,
Ты бел и нежен, как этот осокорь.

14

Сюда, сюда, куда веду,
В вилы и косами встретьте
Шлюху ту гордую, что на беду
Сына завабила в сети.

15

О, проклята, проклята буди,
Пусть хворью покроются вечные груди!

16

Кто это там? опять твоя мать?
Она не устанет по сыну рыдать.

17

Где зеркальный водоем
Весь сокрыт в плакучих ивах,
Там Юнона и сын мой вдвоем
Предаются делу красивых.

18

То к нам уже идут, то к нам уже идут.
Мальчик, нам хорошо тут?

19

С дрекольем идите все сразу и вместе,
Вперед образа́.

Да не дрогнет рука.
Так хочет дело мести.

20

Сюда идите! Здесь вон они
Между осинок, в роще, в тени.

21

Она из облаков спустилась
И, за руку схватив, бежать пустилась.
Коса по ветру развевалась,
И ноги пыли пальцами касались.
Он жалобно просил ее идти потише,
Но она не слушалась,
И скоро в роще ближней,
Хищно озираясь, скрылась.
Сегодня среда, и хоть грех убивать,
Да нужно!
Вот где их стонов и воплей кровать!
Ну же, друзья мои, сразу и дружно,
Дрекольями дружно коли!
А вы: раз, два — пли!

22

Сына целует бедная мать,
К плечам прижала седым.
Но мертв он. Вотще подымать,
Веки бессильны, как дым.

23

А сквозь ругань, крик «ура» —
Высокомерна и красива,
К небу вздымалось, меньше пера,
Голубооблачное диво.

<1908>

вокругъ русскій сборъ славянства.

славянскій напругъ на нѣмцъ.

Напругъ на нѣмцъ.

Запругъ на замокъ.

прати на западъ : наше [illegible] Дома.

Славянское собореніе. собореніе вокругъ Руси.

Славянское орало.

Славянская ораль.

и всей славянской окрестности

Напоръ слава на нѣмцъ.

Что прочитъ славянскимъ народамъ.

Вѣсть Міру

«Весть миру». Страница рукописной тетради. 1908.

ВНУЧКА МАЛУШИ

Шуточная поэма

I

Скакала весело охота,
Вздымала коней на дыбы,
И конник и пехота,
Дружина и рабы.
Дрожал, смеясь, веселый рог,
Ему звенел поющий лес
И улыбался всем Сварог.
Смеясь, на землю Леший слез.
Олень, предсмертно взвившись в высоту,
Вдоль поля поскакал,
И люди с бешенством стонали: «Голубушки, ату!»
С их щек пот ярости стекал.
Дичь за плечами всех ясна:
И вепри есть и козы.
Скакала весело княжна.
Звенят жемчужные стрекозы.

II

Белун стоял, кусая ус,
Мрачно беседуя с собой:
«Ну что же, русских бог, ну что же, ну-с!

Я уж истомлен упорною борьбой».
К нему по воздуху летит Стрибожич,
О чем-то явственно тревожась.
«Ну что же, мальчик, какие вести?» —
Молвил Белун, взгляд глаз вперяя долгий.
Тот залепетал ему о праве мести
И о славян священном долге.
«В знати и черни
Колышет тела
Призыв вечерний
— Колокола.
От смердича и до княгини
Старая вера
Везде, видел я, гинет.
— Кера! Кера!»
Пылали глаза
Священной угрозой.
Медлит гроза.
Право мороза.
Взор ледяной, недвижный лун,
Вонзает медленно Белун.
И думает: «Робичичем быть побежденным?
Признать рожденн<ого> рабой?
Нет! Кем бы мы ни побеждены,
Мы еще померяемся с судьбой!»

III

Сухой путиной, то водой
В лесу буй-тур бежал гнедой.
Глаз красный мощно кровавéл,
В мохнатой спрятан голове,
И в небо яро тур ревел,
Полузавешенный в траве.
Скакал вблизи хозарский хан,
Собой благоухан.

На нем висела епанча,
Край по земле слегка влача.
Лицо от терниев холя,
Сияли мехом соболя,
И сабля до земли
Шептала грохотом: внемли!
Владавец множества рабов,
Полужилец уже гробов,
Он был забавен в шутках, мил
И всех живучестью томил.
Слезливых старчески бурка́л,
Взор первой младости сверкал,
Из-под стариковато-мягких волосенок
Лицо сияло (остренький мышонок).
Таков был князь хозарский, хан,
Коня ездою колыхан.

IV

Красные волны
В волнах ковыля —
То русскими полны
Холмы и поля.
Среди зеленой нищеты,
Взлетая к небу, лебедь кычет,
И бьют червленые щиты,
И сердце жадно просит стычек.
Позвал их князь
Идти на врага.
И в сушь, и в грязь
Шагай, нога!
Так нежен шаг пехот,
Так мягок по́скок конниц,
Идем в поход, идем в поход!
На шум гречанских звонниц.
Под звуки дуд

Так билось ретивóе.
Вперед идут, вперед идут
В кереях вольных вои.
Вперед идут
Побед сыны.
В душе звук дуд,
Глаза сини.
За ними поющие села
И возглас играющих жен.
И возглас раздался веселый:
— Враг окружён!
О, есть ли что мечей поюнней?
Но, чу! везде полет Воюний.
О, этот миг друг с другом сечи,
Меча с мечами звонкой речи
И страшной общей встречи.
Кому врага в <ага> бою побити?
То знает лишь Табити.
И русский бьет врага копьём.
Тот, падая, дрожит.
«Из черепов мы воду пьем», —
Тому он скажет, кто лежит...
Так длился бой...
Дыханье затаив, смотрели боги
на кровь, пролитую борьбой.

V

Кня<жна>. В Ирпень, друзья, студеный
Купаться, нежные, бежим!
Наш труд уже окончен дённый.
Отдайтесь воле волн дружин.
Кувшинов длинногорлых
Струю лия на грудь,
Забудьте бег проворный,
За вепрем дикий путь.

Мы водяному деду стаей,
Шутя, почешем с смехом пятки.
Его семья простая
Была у нас на святки.
Что сладостней лобзаний,
Когда уста — волна,
Когда душа сказаний
Боится и полна?

Водяной. О, дочка Владимира,
Внучка рабы,
Вспомни, родимая.
Мощь Барыбы.
В волне прочти предтечу
Связанной вечно встречи.
Ведь только, только бывший снег —
Та, что знойней знойных нег.
Так священно-белые в игре зим
Мы только грезим, мы только грезим
О том, что летом мощный тать,
Мы вправе властно испытать.
А впрочем, — Леший: он власт могучим
русским языком.
Пойди к нему, с тобой он, кажется, знаком?

Княжна. Мне скучно, дедушка, среди подруг,
И я ищу, кто мог бы стать «мой друг».
Со мной один лишь хозарский хан,
Собой благоухан.

Водяной. Пойди, пойди и расскажи все это ему,
Он знает знаний уйму.

Берегини и лешие. Мы в себе видим
Вихрь сил вселенной.
В смерть, род ли и́дем,
Мы — нетленны.

VI

«Скажи, любезная Людмила, —
Промолвил важно Леший, —
Правда ли, что тебя земная явь томила?
Правда ли, что ты узнать хотела вещи?
Здесь есть приятель мой, волхв,
Христом изгнан из стран Владимира,
Он проскакал здесь недавно, как серый волк,
Он бы помог тебе, родимая».

Княжна.

Любезный Леший, я готова
Советам следовать твоим.
Найди мне друга, но не такого,
Как хан хозарский, жид Хаим.
Он весь трясется, как осина.
И борода его колюча.
Ах! Ах! от него несет крысиной!
Противный, злой, несносный, злючий!

И слезы брызнули мгновенно,
Мешая с влагой горечь горя,
Когда слез смехом перемена
Блистала, скорая, радостно во взоре.

Спасибо, Леший, я согласна
С советом благостным твоим.
Скажи, однако, не опасно
Повздорить с молодым?
Ему заметно отдают
И угол, и уют,
Богов родимых имена,
Ему покорны племена.

Леший.

О, этот молодой человек
Шагает далеко!

Но взор скрывай под тяги век,
Попасться-то легко!
Молодчик
Что-то скоро пошел по чужой земле,
И наших много вотчин
В его руке,
Много очень.

Был Леший искренно озабочен.

Песнири. Всадник — мой соотчич.
Белый конь топочет,
До веселья охочий.
Кто-то в деревне хохочет.
Он лучезарней тел из солнц,
В его глазах нам свято небо.
Он благословляет дланью хлебы.
О, гнед-буй-тур, гнед-буй-тур, красавец!
Лети дорогою святой,
Лети, мятежный небесавец,
Хвостом маши, гнедо-з<ла>той!

Леший. Изволь, представлю: гнед-буй-тур,
Он будет радостный слуга.
Устами белый балагур,
Несет в высокие луга.

Песнири. Шею овьет рука княжны,
К лицу прильнет княжна младая,
Ей слуги мощные нужны,
Над всем живущие владая.
Ты полетишь под облаками,
Где ветры облачные рвут,
И ты опустишься, как камень,
Где жив могучий Вейдавут.

Древяница. Я дщерь, любимая в лесу,
Тебе бессмертие несу.
Возьми его, венка как бремя,
Конца не знающее время.
Сквозь листья строгий взор сквозя,
Ты будешь нежная стезя.

VII

Их провожает старая Табити,
Прошамка<в>: «Берегитесь!
Здесь бродит около <Христос>».
Они восходят на утес,
Ждать часа, когда туч сизари,
Златом озарены зари,
Час возвестят святой поры
Восхода солнца из-за горы,
В лучах блаженственной игры.
Чернь смотрит жадно чудеса.
Они поднялись в небеса.
«А я?» —
Промолвил жалобно Хаим.
Они летели, смех тая.
Им было весело двоим.
Какое дело мощной радости
До обезумевших старикашек,
До блох и мух, и всякой гадости:
Козявок, тли, червя, букашек?
Среди толпы, взиравшей жадно
На них, летевших в высоту,
Хан едет хмурый, беспощадно
Коня терзая красоту.
И вдруг, — сосед, направо глянь-ка, —
Он вынул из кармана склянку
И в рот поспешно — бух!
О чудо: коня не стало и седока, их двух.

А вместо них, в синей косоворотке,
С смеющейся бородкой,
Стоял еврейчик. Широкий пояс.
Он говорил о чем-то оживленно, беспокоясь,
И, рукоплескания стяжав,
Желания благие поведав соседственных держав
....
Упомянув, пошел куда-то.
Его провожая, вышел друг брадатый.
Хан был утешенный в проторях и потерях
И весело захлопнул двери.
Пронзая с свистом тихим выси,
Касаясь головой златистой тучки,
Летит, сидя на хребте рыси, внучка
Малуши, <дочь> Владимира.
Старинных не стирая черт,
Сквозь зорю шевелился черт.
Он ей умильно строил рожи,
Чернявых не скрывая рожек.
И с отвращеньем в речи звонко
За хвостик вышвырнула гаденка.
Послушен, точен оборо́тень
Людмилы воли поворотам.
Сидит, надувши губки,
Княжна в собольей шубке.
Уж воздух холоден, как лед,
Но дальше мчит их самолет.
Далеко внизу варили пиво.
Звонко пропел в деревне пивень.
Пахло солодом.
И думает Людмила:
«Прощайте, девушки, поющие в Киеве.
О, веселые какие вы...
Вы пели: "Сени, мои сени".
И ваши души были весенни».
Стало холодно.

За гриву густую зверя
Впились, веря,
Ручки туже.
Они слегка синели.
И, чтоб спастись от стужи
Морозной выси,
Из рыси
Он стал медведем.
Она ему: «Куда мы едем?»
Он отвернулся и в ветер бурк:
«Мы едем в Петербург».
Летят в слое ледяной стужи.
О доле милом дева тужит.
К холоду нежна
Скукожилась княжна.
«Напрасно черного петушонка
Стрибогу в жертву не дала.
Могла бы сообразить, девчонка,
Что здесь ни печки, ни кола».
И вот летят к земле турма́ном,
Туда, где золотом Исакий манит,
И прямо сверху, от солнечного лучбища
Они летят в дом женского всеучбища.
С осанкой важной, величава,
Она осматривает (всех окружающих забава)
Во-первых: помещение,
Воздух,
Освещение,
И все, что город умный создал.
И заключает: «Я б задохнулась,
Лиса лесная в силке,
В сем прескучном уголке.
Но что вы делаете?»
— «Мы учимся! —
Согласно девы отвечали, —
Стремимся к лучшему». —

«Вы учитесь... Чему?» —
Ее глаза блистали
Лучами гнева вначале.
«Приятно, весело в лесу
Сознать первичную красу.
Над вами <ж> веет Нав* сугроб».

Училицы. Она права! Она права!
В ее словах есть рокот бури.
К венцу зеленые права,
Бежим, где зелены поля,
Себя свободными узнав,
Свои учебники паля!
Мы учителей дрожим: в них Нав.
О, солнце там, о, солнце тут!
— Их два! — Их два!
В нас крылья радости растут
— Едва, едва!
Мы оденем, оденемся в зелень,
Побежим в голубые луга,
Где пролиться на землю грозе лень,
Нас покинет училищ туга.
И прострим мы зеленую вайю** в высоту,
И восславим, священные, ваю*** красоту.

<Княжна Людмила.> Приятно в нежити дубравной
Себя сознать средь равных равной.
Приятно общность знать племен,
Потерян в толпе древяниц,
И перед не имеющим имен,
Благоговея, падать ниц.
Но что приятного, ответьте,
О девушки младые, —
Вот стены каменные эти
И преподаватели глухие?

* Нав — олицетворение смерти.

** Вайя — ветка.

*** Ваю — род. пад. двойственного числа от «вы».

Их лысины сияют,
Как бурей сломленные древа,
А из-под их слов о красоте зияют
За деньги нанятые чрева.
В зубах блистают зерна злата,
Сердце налила жидким ртуть.
Они над ужасом заплата,
Они смехучей смерти суть.
Вапно покрыло лавки, стол.
На славу вапнен желтый гроб.
Я вас спасти от смерти сол.

Училицы.

Слава, слава тебе, поборовшей века,
Нам принесшей заветы Владимира!
Наша цель, наша цель далека,
Мы тобою пойдем предводимые!

Бегущие с огнями.

О гей-э, гей-э, гей-э!
Загорайтесь буйно, светы,
Зажигайте дом учин*.
Смолы, лейтесь с веток,
Шире, выше свет лучин!
Вон учителя бегут толпой,
С обезумелыми телами
И с тоскою на лицах тупой,
Бурно плещимы жара лозами.
Сюда, сюда несите книги,
Слагайте радостный костер.
Они — свирепые вериги,
Тела терзавшие сестер.
Вон, златовея медным шлемом,
Пожарных мчится гордый стан.
Девы, гинем мы
И раним раной древних ран.
Сюда, училицы младые,
В союз с священными огнями,

* Учиться — ученье.

Чтоб струи хлябей золотые
От нас чужие не отняли.
Слагайте черных трупов прелесть,
В глазницах черный круглый череп,
И сгнившую учебночелюсть,
И образцы че́рев,
И мяс зеленых древлемерзость,
И давних трупов навину́*.
В этом во всем была давно когда-то дерзость,
Когда пахали новину.
Челпанов, Чиж, Ключевский,
Каутский, Бебель, Габричевский,
Зернов, Пассек — все горите!
Огней словами — говорите!

И огнеоко любири́
Приносят древние свирели...
При воплях: «Жизни сок бери!»
Костры багряные горели...

1909

* Навина — владение смерти.

И и Э

Повесть каменного века

I

«Где И?
В лесу дремучем
Мы тщетно мучим
Свои голоса.
Мы кличем И,
Но нет ея.
В слезах семья.
Уж полоса
Будит зари
Все жития,
Сны бытия».

II

Сучок
Сломился
Под резвой векшей.
Жучок
Изумился,
На волны легши.
Волн дети смеются,
В весельи хохочут,
Трясут головой,

Мелькают их плечики,
А в воздухе вьются,
Щекочут, стрекочут
И с песней живою
Несутся кузнечики.

III

«О, бог реки,
О, дед волны!
К тебе старики
Мольбой полны.
Пусть вернется муж с лососем,
Полновесным, черноперым,
Седой дедушка, мы просим,
Опираясь шестопером.
Сделай так, чтоб, бег дробя,
Пали с стрелами олени,
Заклинаем мы тебя,
Упадая на колени».

IV

Жрецов песнопений
Угас уже зой.
Растаял дым.
А И ушла, блестя слезой.
К холмам седым
Вел нежный след ее ступеней.
То, может, блестела звезда
Иль сверкала росой паутина?
Нет, то речного гнезда
Шла сиротина.

V

«Помята трава.
Туда! Туда!
Где суровые люди
С жестоким лицом.
Горе, если голова,
Как бога еда,
Несется на блюде
Жрецом».

VI

«Плачьте, волны, плачьте, дети!
И, красивой, больше нет.
Кротким людям страшны сети
Злого сумрака тенет.
О, поставим здесь холмы
И цветов насыпем сеть,
Чтоб она из царства тьмы
К нам хотела прилететь,
От погони отдыхая
Злых настойчивых ворон,
Скорбью мертвых утихая
В грустной скорби похорон.
Ах, становище земное
Дней и бедное длиною
Скрыло многое любезного
Сердцу племени надзвездного».

VII

Уж белохвост
Проносит рыбу.
Могуч и прост,
Он сел на глыбу.

Мык раздался
Неведомого зверя.
Человек проголодался.
Взлетает тетеря.
Властители движени<я>,
Небесные чины
Вести народ в сражени<я>
Страстей обречены.
В бессмертье заковав себя,
Святые воеводы
Ведут, полки губя
Им преданной природы.
Огромный качается зверя хребет,
Чудовище вышло лесное.
И лебедь багровою лапой гребет,
Посланец метели весною.

VIII

И. «Так труден путь мой и так долог,
И грудь моя тесна и тяжка.
Меня порезал каменный осколок,
Меня ведет лесная пташка.
Вблизи идет лучистый зверь.
Но делать что теперь
Той, что боязливей сердцем птичек?
Но кто там? Бег ужель напрасен?
То Э, спокойствия похитчик.
Твой вид знакомый мне ужасен!
Ты ли это, мой обидчик?
Ты ли ходишь по пятам,
Вопреки людей обычаю,
Всюду спутник, здесь и там,
Рядом с робкою добычею?
Э! Я стою на диком камне,
Простирая руки к бездне,

И скорей земля легка мне
Будет, чем твоей любезной
Стану я, чье имя И.
Э! Уйди в леса свои».

IX

Э. «О, зачем в одежде слез,
Серной вспрыгнув на утес,
Ты грозишь, чтоб одинок
Стал утес,
Окровавив в кровь венок
Твоих кос?
За тобой оленьим лазом
Я бежал, забыв свой разум,
Путеводной рад слезе,
Не противился стезе.
Узнавая лепестки,
Что дрожат от края ног,
Я забыл голубые пески
И пещеры высокий порог.
Лесную опасность
Скрывает неясность.
Что было со мной
Недавней порой?
Зверь с ревом, гаркая
(Страшный прыжок,
Дыхание жаркое),
Лицо ожег.
Гибель какая!
Дыхание дикое,
Глазами сверкая,
Морда великая...
Но нож мой спас,
Не то я погиб.
На этот раз
Был след ушиб».

X

И.

«Рассказать тебе могу ли
В водопада страшном гуле?
Но когда-то вещуны
Мне сказали: он и ты,
Вы нести обречены
Светоч тяжкой высоты.
Я помню явление мужа.
Он, крыльями голубя пестуя
И плечами юноши у́же,
Нарек меня вечной невестою.
Концами крыла голубой,
В одежде огня золотой,
Нарек меня вечной вдовой.
Пути для жизни разны.
Здесь жизнь святого, там любовь.
Нас стерегут соблазны,
Зачем предстал ты вновь?
Дола жизни страшен опыт,
Он страшит, страшит меня!
За собой я слышу топот
Белоглавого коня».

XI

Э.

«Неужели лучшим в страже,
От невзгод оберегая,
Не могу я робким даже
Быть с тобою, дорогая?
Чистых сердец святая нить
Все вольна соединить,
Жизни все противоречья!
Лучший воин страшных сеч я,
Мне тебя не умолить!»

XII

И. «Так отвечу: хорошо же!
Воин верный будешь мне.
Мы вдвоем пойдем на ложе,
Мы сгорим в людском огне».

XIII

Э. «Дева нежная, подумай,
Или все цветы весны
На суровый и угрюмый
Подвиг мы сменить вольны?
Рок-Судья! Даруй удачу
Ей в делах ее погонь.
Отойду я и заплачу,
Лишь тебя возьмет огонь.
Ты на ложе из жарких цветов,
Дева сонная, будешь стоять.
А я, рыдающий, буду готов
В себя меча вонзить рукоять.
Жрец бросает чет и нечет
И спокойною рукой
Бытия невзгоды лечит
Неразгаданной судьбой.
Но как быть, кого желанья
Божьей бури тень узла?
Как тому, простерши длани,
Не исчезнуть в сени зла?
Слишком гордые сердца,
Слишком гневные глаза,
Вы, как копья храбреца,
Для друзей его гроза,
Там, где рокот водопада,
Душ любви связует нить,
И, любимая, не надо

За людское люд винить.
Видно, так хотело небо
Року тайному служить,
Чтобы клич любви и хлеба
Всем бывающим вложить,
Солнце дымом окружить».

XIV

Угас, угас
Последний луч.
Настал уж час
Вечерних туч.
Приходят рыбари
На радости улова.
В их хижинах веселье.
Подруги кроткие зари,
Даруя небу ожерелье,
На небосвод восходят снова.
Уже досуг
Дневным суетам
Нес полукруг,
Насыщен светом.
Кто утром спит,
Тот ночью бесится.
Волшебен стук копыт
При свете месяца.
Чей в полночь рок греметь,
То тихо блистающим днем.
Шатаясь, проходит великий медведь,
И прыгает травка прилежным стеблем.
Приносит свободу,
Дарует истому,
Всему живому
Ночью отдых.

XV

И.

«Мы здесь идем. Устали ноги
И в жажде дышит слабо грудь.
Давно забытые пороги,
О, сердце кроткое, забудь!
Сплетая ветки в род шатра,
Стоят высокие дубы.
Мы здесь пробудем до утра.
Послушно жде<м> удар судьбы».

XVI

Жрец.

«Где прадеды в свидании
Надменно почивали,
Там пленники изгнания
Сегодня ночевали.
Священным дубровам
Ущерблена честь.
Законом суровым
Да будет им Месть.
Там сложены холмы из рог
Убитых в охотах оленей.
То теней священных урок,
То роща усопших селений».

XVII

Толпа.

«Пошли отряд
И приведи сюда.
Сверши обряд,
Пресекши года».

XVIII

Жрец.

«О, юноши, крепче держите
Их! Помните наши законы.

Веревкой к столбу привяжите.
И смелым страшны похороны.
И если они зачаруют
Своей молодой красотой,
То помните, боги ликуют,
Увидев дым жертв золотой».

XIX

Вот юный и дева
Взошли на костер.
Вкруг них огонь из зева
Освещает жриц-сестер.
Как будто сторож умиранью,
Приблизясь видом к ожерелью,
Искр летающих собранье
Стоит над огненной постелью.
Но спускается Дева
Из разорванных радугой туч.
И зажженное древо
Гасит сумрака луч.
И из пламенной кельи,
Держась за руку, двое
Вышли. В взорах веселье.
Ликует живое.

XX

И. «Померкли все пути,
Исполнены обеты.
О, Э! Куда идти?
Я жду твои ответы!
Слышишь, слышишь, лес умолк
Над проснувшейся дубровой?
Мы свершили смелый долг,
Подвиг гордый и суровый».

XXI

Толпа родичей.

«Осужденных тела выкупая,
Мы пришли сюда вместе с дарами.
Но тревога, на мудрость скупая,
Узнает вас живыми во храме.
Мы славим тех,
Кто был покорен крику клятвы,
Кого боялся зоркий грех,
Сбирая дань обильной жатвы,
Из битвы пламеней лучистой
Кто вышел невредим,
Кто поборол душою чистой
Огонь и дым.
Лишь только солнце ляжет,
В закате догорая,
Идите нами княжить,
Страной родного края».

Послесловие

Первобытные племена имеют склонность давать имена, состоящие из одной гласной.

Шестопер — это оружие, подобное палице, но снабженное железными или каменными зубцами. Оно прекрасно рассекает черепа врагов. Зой — хорошее и еще лучше забытое старое слово, значащее эхо.

Эти стихи описывают следующее событие середины каменного века. Ведомая неясной силой, И покидает родное племя. Напрасны поиски. Жрецы молятся богу реки, и в их молитве слышится невольное отчаяние. Скорбь увеличивается тем, что следы направлены к соседнему жестокому племени; о нем известно, что оно приносит в жертву всех случайных пришельцев. Горе племени велико. Наступает утро, белохвост приносит рыбу; проходит лесное чудовище.

Но юноша Э пускается в погоню и настигает И; происходит обмен мнениями. И и Э продолжают путь вдвоем и останавливаются в священной роще соседнего племени. Но утром их застают жрецы, уличают в оскорблении святынь и ведут на казнь. Они вдвоем, привязанные к столбу, на костре. Но спускается с небес Дева и освобождает пленных.

Из старого урочища приходит толпа выкупать трупы.

Но она видит их живыми и невредимыми и зовет их княжить.

Таким образом, через подвиг, через огонь лежал их путь к власти над родными.

<1909–1910>

Пощечина Общественному Вкусу.

Въ 1908 году вышелъ «Садокъ Судей». Въ немъ **генiй—великiй поэтъ** современности—**Велимиръ Хлѣбниковъ** впервые выступилъ въ печати. Петербургскie Мѣтры считали **Хлѣбникова** сумашедшимъ". Они не напечатали, конечно ни одной вещи того, кто несъ собой **Возрожденiе Русской Литературы**. Позоръ и стыдъ на ихъ головы!..

Время шло... В. Хлѣбниковъ, А. Крученыхъ, В. Маяковскiй, Б. Лившицъ, В. Кандинскiй, Николай Бурлюкъ и Давидъ Бурлюкъ въ 1913 году выпустили книгу: «Пощечина Общественному Вкусу».

Хлѣбниковъ теперь былъ не одинъ. Вокругъ него сгруппировалась плеяда писателей кои, если и шли различными путями, были **объединены однимъ лозунгомъ:** «Долой слово средство, да здравствуетъ **Самовитое, самоцѣнное Слово!**» Русскiе критики, эти торгаши, эти слюнявые недоноски, дующiе въ свои ежедневныя волынки, толстокожiе и не понимающiе красоты, разразились моремъ негодованiя и ярости. Неудивительно! — Имъ ли, воспитаннымъ со школьной скамьи на образцахъ Описательной поэзiи, понять Великiя откровенiя Современности.

Всѣ эти безчисленные скюкающiе Измайловы, Homunculus'ы, питающiеся объѣдками падающими со столовъ реализма—разгула Андреевыхъ, Блоковъ, Соллогубовъ, Волошиныхъ и имъ подобныхъ—утверждаютъ (какое грязное обвиненiе), что мы „декаденты"—послѣднiе изъ нихъ—и что мы не сказали ничего новаго—ни въ размѣрѣ, ни въ рифмѣ, ни въ отношенiи къ слову.

Развѣ были оправданы въ русской литературѣ наши приказанiя чтить **Права поэтовъ:**

на увеличенiе словаря въ его объемѣ произвольными и производными словами!

на непреодолимую ненависть къ существовавшему языку!

съ ужасомъ отстранять отъ гордаго чела своего, изъ банныхъ вѣниковъ сдѣланный вами, вѣнокъ грошевой славы!

стоять на глыбѣ слова «мы» среди моря свиста и негодованiя!

Фрагмент листовки, выпущенной в феврале 1913.

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ.

Читающимъ наше Новое Первое Неожиданное.

Только *мы—лицо нашего* Времени. Рогъ времени трубитъ нами въ словесномъ искусствѣ.

Прошлое тѣсно. Академія и Пушкин непонятнѣе іероглифовъ.

Бросить Пушкина, Достоевскаго, Толстого и проч. и проч. съ Парохода современности.

Кто не забудетъ своей первой любви, не узнаетъ послѣдней.

Кто же, довѣрчивый, обратитъ послѣднюю Любовь къ парфюмерному блуду Бальмонта? Въ ней ли отраженіе мужественной души сегодняшняго дня?

Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажныя латы съ чернаго фрака воина Брюсова? Или на нихъ зори невѣдомыхъ красотъ?

Вымойте Ваши руки, прикасавшіяся къ грязной слизи книгъ, написанныхъ этими безчисленными Леонидами Андреевыми.

Всѣмъ этимъ Максимамъ Горькимъ, Купринымъ, Блокам, Соллогубамъ, Ремизовымъ, Аверченкамъ, Чернымъ, Кузьминымъ, Бунинымъ и проч. и проч. — нужна лишь дача на рѣкѣ. Такую награду даетъ судьба портнымъ.

Съ высоты небоскребовъ мы взираемъ на ихъ ничтожество!...

Мы приказываемъ чтить права поэтовъ:

1) На увеличеніе словаря въ его объемѣ произвольными и производными словами (Слово—новшество),

2) На непреодолимую ненависть къ существовавшему до нихъ языку.

3) Съ ужасомъ отстранять отъ гордаго чела своего, изъ банныхъ вѣниковъ сдѣланный Вами Вѣнокъ грошевой славы.

4) Стоять на глыбѣ слова „мы" среди моря свиста и негодованія.

И если пока еще и въ нашихъ строкахъ остались грязныя клейма Вашихъ „Здраваго смысла" и „хорошаго вкуса", то все же на нихъ уже трепещутъ впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоцѣннаго (самовитаго) Слова.

Д. Бурлюкъ,
Александр Крученыхъ,
В. Маяковскій,
Викторъ Хлѣбниковъ.

Москва. 1912. Декабрь.

Коллективный манифест из одноименного сборника. 1912

СОДЕРЖАНІЕ.

Сборник «Садок судей II». 1913.

Николаю Ивановичу Кульбину от изд[?]телей М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро.

Находя всѣ нижеизложенные принципы цѣльно выраженными въ І-мъ «Садкѣ Судей» и выдвинувъ ранѣе пресловутыхъ и богатыхъ, лишь въ смыслѣ Метцль и К°, футуристовъ,—мы тѣмъ не менѣе считаемъ этотъ путь нами пройденнымъ и оставляя разработку его тѣмъ, у кого нѣтъ болѣе новыхъ задачъ, пользуемся нѣкоторой формой правописанія, чтобы сосредоточить общее вниманіе на уже новыхъ открывающихся передъ нами заданіяхъ.

Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои намъ ясны въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Мы перестали разсматривать словопостроеніе и словопроизношеніе по грамматическимъ правиламъ, ставъ видѣть въ буквахъ лишь направляющія рѣчи. Мы расшатали синтаксисъ.

2. Мы стали придавать содержаніе словамъ по ихъ начертательной и фонической характеристикѣ.

3. Нами осознана роль приставокъ и суффиксовъ.

4. Во имя свободы личнаго случая мы отрицаемъ правописаніе.

5. Мы характеризуемъ существительныя не только прилагательными (какъ дѣлали главнымъ образомъ до насъ), но и другими частями рѣчи также отдѣльными буквами и числами:

а) считая частью неотдѣлимой произведенія его помарки и виньетки творческаго ожиданія.

в) въ почеркѣ полагая составляющую поэтическаго импульса.

с) въ Москвѣ поэтому нами выпущены книги (автографовъ) «само-письма».

6. Нами уничтожены знаки препинанія,—чѣмъ роль словесной массы—выдвинута впервые и осознана.

7. Гласныя мы понимаемъ какъ время и пространство (характеръ устремленія) согласныя,—краска, звукъ, запахъ.

8. Нами сокрушены ритмы. Хлѣбниковъ выдвинулъ поэтическій размѣръ - живого разговорнаго слова. Мы перестали искать размѣры въ учебникахъ—всякое движеніе:—рождаетъ новый свободный ритмъ поэту.

9. Передняя риѳма—(Давидъ Бурлюкъ) средняя, обратная риѳмы (Маяковскій) разработаны нами.

10. Богатство словаря поэта—его оправданіе.

11. Мы считаемъ слово творцомъ миѳа, слово, умирая, рождаетъ миѳъ и наоборотъ.

12. Мы во власти новыхъ темъ: ненужность, безсмысленность, тайна властной ничтожности—воспѣты нами.

13. Мы презираемъ славу; намъ извѣстны чувства, не жившія до насъ.

Мы новые люди новой жизни.

Давидъ Бурлюкъ, Елена Гуро, Николай Бурлюкъ, Владиміръ Маяковскій, Екатерина Низенъ, Викторъ Хлѣбниковъ, Бенедиктъ Лившицъ, А. Крученыхъ.

«Садок судей II». Предисловие. Дарственный инскрипт М.В.Матюшина и Е.Г.Гуро Н.И.Кульбину (ГЛМ).

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

I

«Мы боги, — мрачно жрец сказал
И на далекие чертоги
Рукою сонно указал. —
Холодным скрежетом пилы
Распались трупы на суставы,
И мною взнузданы орлы,
Взять в клювы звездные уставы.
Давно зверь, сильный над косулей,
Стал без власти божеством.
Давно не бьем о землю лбом,
Увидя рощу или улей.
Походы мрачные пехот,
Копьем убийство короля,
Послушны числам, как заход,
Дождь звезд и синие поля.
Года войны, ковры чуме
Сложил и вычел я в уме.
И уважение к числу
Растет, ручьи ведя к руслу.
В его холодные чертоги
Идут изгнанницы тревоги.
И мы стоим миров двух между,
Несем туда огнем надежду.
Все ж самозванцем поцелуйным,

Перед восшествием чумы,
Был назван век рассудком буйным.
Смеется шут, молчат умы.
Наукой гордые потомки
Забыли кладбищей обломки.
И пусть нам поступь четверенек
Давно забыта и чужда,
Но я законов неба пленник,
Я самому себе изменник,
Отсюда смута и вражда.
Венком божеств наш ум венчается,
Но кто в надеждах жил, отчается.
Ты — звездный раб,
Род человеческий! —
Сказал, не слаб,
Рассудок жреческий. —
И юность и отроки наши
Пьют жизнь из отравленной чаши.
С петлею протянутой столб
И бегство в смерти юных толп.
Всё громче, неистовей возгласы похоти
В словесном мерцающем хохоте.
О, каменный нож
Каменных доск!
— Пламенный мозг,
— То молодежь!
Трудился я. Но не у оконченного здания
Бросаю свой железный лом!
Туда, к престолу мироздания,
Хочу лететь вдвоем с орлом!
Чтобы, склонив чело у ног,
Сказать: устал и изнемог!
Пусть сиротеет борозда,
Жреца прийми к себе, звезда!»

II

Рабыня.

Юноша светел
Небо заметил.
Он заметил, тих и весел,
Звезды истины на мне.
Кошелек тугой привесил,
Дикий, стройный, на ремне.
К кошельку привесил ножик,
Чтоб застенчиво и впредь
С ним веселых босоножек
Радость чистую смотреть.
С ним пройдуся я, скача,
Рукавом лицо ударив,
Для усмешки отроча,
Для веселых в сердце зарев.

Жрец.

Косы властны чернотой,
Взор в реснице голубой,
Круг блистает золотой,
Локоть взяв двойной длиной.
Кто ты
С взором незабудки?
Жизнь с тобой шутила шутки.

Рабыня.

Твои остроты,
Жрец, забавны.
Ты и я — мы оба равны.
Две священной единицы
Мы враждующие части,
Две враждующие дроби.
В взорах розные зеницы.
Две как мир старинных власти,
Берем жезл и правим обе.
Ты возник из темноты,
Но я более, чем ты.

Любезным сделав яд у ртов,
Ты к гробам бросил мост цветов
К чему, товарищ в час резни?

Жрец. Поостерегися... не дразни...
Зачем смеешься и хохочешь?

Рабыня. Хочешь?
Стань палачом,
Убей меня, ударь мечом!
Рука подняться не дерзает?
На части тотчас растерзает
Тебя рука детей, внучат,
На плечи, руки и куски.
И кони дикие умчат
Твой труп разодранный в пески.
Ах, вороным тем табуном
Богиня смерти, гикнув, правит.
А труп, растоптан скакуном,
Глазами землю окровавит.
Ведай, знай: сам бог земной
Схватит бешено копье
И за честь мою заступится.
Ты смеешься надо мной,
Я созвучие твое,
Но убийцы лезвие,
Наказание мое,
Пеной страшною окупится.
Узнает город ста святош,
Пред чем чума есть только грош.
Замажешь кровью птичьи гнезда,
И станут маком все цветы.
И молвят люди, скажут звезды,
Был справедливо каран ты.
След протянется багровый,
То закон вещей суровый.

Узнай, что вера — нищета,
Когда стою иль я иль та.
Ты, дыхание чумы,
Веселишь рабынь умы!
С ним же вместе презираю
Путь к обещанному раю.
Ты хочешь крови и похмелий!
Рабыня я ночных веселий!

Жрец. Довольно,
Лживые уста!

Рабыня. Мне больно, больно!
Я умираю, я чиста.

Жрец. Она, красива, умерла
Внутри волос златых узла.
И, как умершая змея,
Дрожат ресницы у нея.
Ее окончена стезя.
Она мечом убита грубым.
Ни жить, ни петь уже нельзя,
Плясать, к чужим касаться гу́бам.
Меч стал сытым кровью сладкой
Полоумной святотатки.
Умирающей загадкой
Ткань вопросов стала краткой.
Послушный раб ненужного усилья!
Сложи, о коршун, злые крылья!
Иди же в ножны, ты не нужен,
Тебя насытил теплый ужин,
Напился крови допьяна.
Убита та, но где она?
Быть может, мести страшный храм?
Быть может, здесь, быть может, там?
Своих обид не отомстила

И, умирая, не простила.
Не так ли разум умерщвляет,
Сверша властительный закон,
Побеги страсти молодой?
Та, умирая, обещает
Взойти на страстный небосклон
Возмездья красною звездой!

III

Прохожий. Точно кровь главы порожней
Волны хлещут, волны воют
Нынче громче и тревожней.
Скоро пристань воды скроют.
И хаты, крытые соломой,
Не раз унес могучий вал.
Свирельщик так, давно знакомый,
Мне ужас гибели играл.
Как будто недра раскаленные
Жерл огнедышащей горы
Идут на нас валы зеленые,
Как люди вольны и храбры,
Не как прощальное приветствие,
Не как сердечное «прости»,
Но как военный клич и бедствие.
Залились водами пути.
Костры горят сторожевые
На всех священных площадях,
И вижу — едут часовые
На челнах, лодках и конях.
Кто безумно, кто жестоко
Вызвал твой, о море, гнев?
Видно мне чело пророка,
Молний брошенный посев.
Кто-то в полночь хмурит брови,

Чей-то меч блеснул, упав.
Зачем, зачем? Ужель скуп к крови
Град самоубийства и купав?
Висит — надеяться не смеем мы —
Меж туч прекрасная глава,
Покрыта трепетными змеями,
Сурова точно жернова.
Смутна, жестока, величава
Плывет глава, несет лицо.
В венке темных змей курчаво
Восковое змей яйцо.
Союз праха и лица
Разрубил удар жестокий,
И в обитель палача
Мрачно ринулись потоки.
Народ, свой ужас величающий,
Пучины рев и звук серчающий,
И звезды — тихие свидетели
Гробницы зла и добродетели.
Город гибнет. Люди с ним.
Суша — дно. Последних весть.
Море с полчищем своим
Всё грозит в безумстве снесть.
И вот плывет между созвездий,
Волнуясь черными ужами,
Лицо отмщенья и возмездий,
Глава, отрублена ножами.
Повис лик длинно-восковой
В змей одежде боковой.
На лезвии лежит ножа,
Клянусь, прекрасная глава,
Она глядит, она жива,
Свирель морского мятежа.
На лезвии ножа лежа,
В преддверьи судеб рубежа,
Глазами тайными дрожа,

Где туч и облака межа,
Она пучины мести вождь.
Кровавых капель мчится дождь.
О, призрак прелести во тьме!
Царица, равная чуме!
Ты жила лишенной чести,
Ныне ты богиня мести.
О ты, тяжелая змея,
Над хрупким образом ея.
Отмщенья страшная печать
И ножен мести рукоять.
Змей сноп, глава окровавленная,
Бездна, месть ее, зеленая.
Под удары мерной гребли
Погибает люд живой,
И ужей вздыбились стебли
Над висячею главой.
О город, гибель созерцающий,
Как на бойнях вол, спокойно.
Валы гремят, как меч бряцающий,
Свирели ужаса достойно.
Погубят прежние утехи
Моря синие доспехи.
Блеск, хлещет ливень, свищет град,
И тонет, гибнет старый град!
Она прической змей колышет,
Она возмездья ядом дышит.
И тот, кто слушал, слово слышит:

<Рабыня.> «Я жреца мечом разрублена,
Тайна жизни им погублена,
Тайной гибели я вею
У созвездья Водолея.
Мы резвилися и пели,
Вдруг удар меча жреца!
Вы живыми быть сумели,

Сохранив красу лица.
И забыты те, кто выбыли!
Ныне вы в преддверьи гибели.
Как вы смели, как могли вы
Быть безумными и живы!
Кто вы? Что вы? Вы здоровы?
Стары прежние основы.
Прежде облик восхищения,
Ныне я богиня мщения».

Вверху ужей железный сноп,
Внизу идет, ревет потоп.
Ужасен ветер боевой,
Валы несутся, всё губя.

Жрец с опущенной головой:
«Я знал тебя!»

<1911–1912>

Леон Бакст. Terror antiquus. 1908. (Фрагмент).

<РАЗГОВОР ДУШ>

I

Тень в саду *(поет).*

Любовь приходит страшным смерчем
На слишком ясные зерка́ла.
Она вручает меч доверчивым
Убийства красного закала.
Она летит, нежней, чем голубь,
Туда, где старая чета,
Как рок, приводит деву в пролубь
И сводит с жизнию счета.
Ее грома клянут отторженные
От всех забав, от всех забот,
С ней бродят юноши восторженные
В тени языческих дубров.
Она портниха ворожбы,
Волшебной радостной божбы.
Ее шагам в сердца «ау» —
Кружок голубеньких полосок,
Венком украсивших главу,
Свирели вешней отголосок.
Она внимает звонкой клятве,
Резва, как лань, в сердечной жатве.
Мудрец, богине благодарствуй,
Скажи: «Царица! Нами царствуй.
Иди, иди! Тобой я грезил,
Тебе престолы я ковал,
Когда, ведом тобой, как жезел,

Ходил, любил иль тосковал.
Я, песни воин прямодушный,
Тебе, стыдливой и воздушной,
Во имя ранней красоты
Даю доспехи и мечты».
Тогда бродили страсти голо
В земле славянского глагола,
И, звонкой кривдой не сочтешь,
Была красивей молодежь.
Из цветов сплетенный меч,
Ты дал силу мне воззвать —
Всем алчущим сна лечь
На дикую кровать.
И, молвы презрев обузы,
Верноподданных союзы
Царства вечной основать.
И наша жизнь еще прелестней
К огням далеким потечет,
Когда воскликнем: «Нет небесней!» —
Тебе творя за то почет.
Чтоб, благодушно отвечая,
Ты нам сказала, не серчая:
«Да, вашей рати нет верней!
Равно приятны сердцу все вы.
Любите, нежные, парней,
Любимы ими будьте, девы!»
И, быть может, засмеется
Надевающий свой шлем,
Захохочет, улыбнется,
Кто был раньше строг и нем.
Как прекрасен ее лик!
Он не ведает вериг.
Разум — строгая гробница,
Изваяние на ней —
Сердце, жизни вереница,
Быстрый лёт живых теней.
(*Кончает играть*).

II

Голос из сада. За мной, знамена поцелуя,
И, если я паду сражен,
Пусть, поцелуй на мне оснуя,
Склонится смерть, царица жен.
Она с неясным словарем
Прекрасных жалоб и молений
Сойдет со мной, без царств царем,
В чертоги мертвых поколений.

III

Другой голос. Мы потоком звезд одеты.
Вокруг нас ночная тьма.
Где же клятвы? Где обеты?
Чарования ума?
Скорый почерк на записке,
Что кольцом ладони смята.
Знаю, помню, милый близко.
Ночь покровом сердцу свята.
Милый юноша, ужели
Гневный пламень уст потух?
Я стою здесь. Посвежели
Струи ночи. Чуток слух.

IV

Первый голос. Порок сегодня развевает
Свои могучие знамёна
И желтой тканью одевает
Ночные тусклые времёна.
Божниц в ресницах образа,
С свирелью скорбные глаза,
Вы мне знакомы с молодечества,
Я это вам везде ответствовал.

И взоров скорбное отечество,
Когда страдал, любил и бедствовал.
О, это вам, прекрасно-жгучим
Послушны мы, порокам учим.
Как дуновенье поздних струй
И сна обещанный покой,
Твой обетован поцелуй
Твоей объемлемый рукой.

V

<Два голоса.> Воды тихи; воздух красен,
Чуть желтеет он вверху,
Чуть журчит ветвями ясень,
Веткой дикою во мху.
Хоть и низок Севастополь,
Целый год крепился он.
Я стройна, как гордый тополь,
Неприступна с всех сторон.

Ах, Казбек давно просился
Под владычество Москвы,
Но позднее оросился
Кровью снег его главы.
На усердных богомолов
Буду Дибич и Ермолов.
Дева, бойся указаний
Кремля белого Казани.
Стены, воином пробиты,
Ведь не нужны для защиты.
Были ведомы ошибки
И под Плевной и на Шипке.
Я их встречу, как Кутузов
Рать нестройную французов.
Ты, что прелести таила,
Право, хрупче Измаила.

Нет, как воин у Царьграда,
Страх испытывая около,
Не возьмешь того, что надо,
Резвой волей в сердце сокола.
Нет, на строгой битве взоров
Буду воин и Суворов!
И красавцу Святославу
Дам и Нарву, и Полтаву!

Я же, выявив отвагу,
У Варшавы возьму Прагу!
Ныне я и ты, мы воины,
Перестанем, успокоены.
Нет, цветущие сады
Старой тайны разум выжег.
В небесах уже следы
От подошвы глупых книжек.

VI

Второй голос. Кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Останься, странник. Посох брось!
Земного шара хочет ось,
Чтоб роковому слову «смерть»
Игрушкою была в час полночи твердь.
Там сумрак, тень, утес и зной,
Кусты, трава, приюты гаду.
И тополь тонкий и сквозной
Струит вечернюю прохладу.
Стоит священный знойный день,
Журчит ручья руки кистень.
Через каменный дневник,
Одеваем в тени тучею,

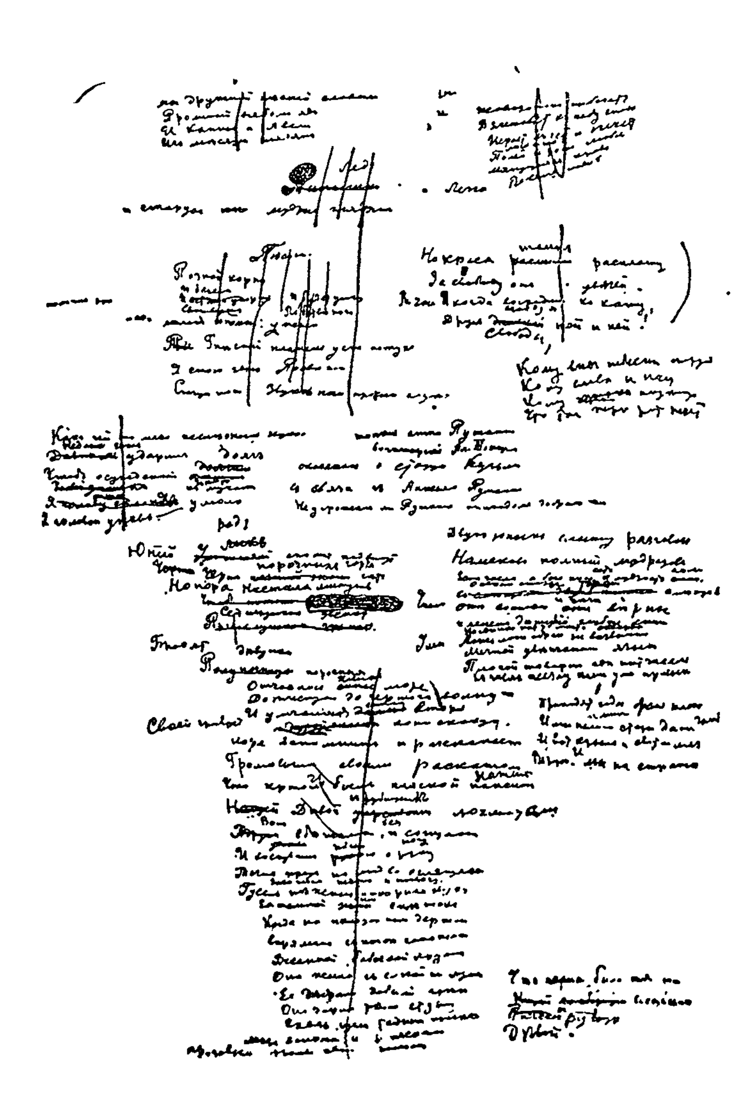
В кружев снежный воротник
Ты струей бежал гремучею.
Ты, как тополь стеклянный,
Упав с высоты,
О, ручей, за поляной
Вод качая листы.
Здесь пахнут травы-медоносы
И дальни черные утесы,
И рядом старый сон громад,
Насупив темное чело.
Числа твоих брызг, водопад,
Само божество не сочло!
И синий дрозд
Бежал у камений,
И влажный грозд
Висит меж растений.
Казалось мне, что словом разностопным
Ручей пел славу допотопным
Спутникам прошлых миров,
Жизнь их, веселие, ужасы, гибели,
Те<м>, что от пиршеств столов
В дебри могильные скопами выбыли.
Ах, диким конем в полуденный час
Катился ручей, в ущелии мчась!
Вы, жители нашей звезды,
Что пламень лишь в время ночей.
Конем без узды
Катился ручей.
Вся книга каменного дна
Глазам понятна и видна.
Вверху прозрачная уха
Из туч, созвездий и светил,
Внизу столетий потроха,
По ним валы ручей катил.
Деревьев черные ножи
На страже двух пустынь межи.

Ладьи времен звук слышен гребли,
И бьет зеленые млат стебли.
Под стеклянной плащаницей
Древних мощей вереница.
На этом кладбище валов,
Ручья свобод на ложе каменном,
Носился ящер-рыболов
С зрачком удава желтым пламенным.
И несся рык,
Блестели пасти.
Морских владык
Боролись страсти
За право воздуха глотка,
За право поцелуя.
Теперь лежат меж плитняка,
Живою плотию пустуя.
Сих мертвых тел пронзая стаю,
Я предостережение читаю
Вам, царствам и державам,
Коварствам, почестям и славам.
Теперь же всё кругом пустынно,
Вверху, внизу утесов тына,
Под стеклянным плащом
Меж дубровы с плющом.
Из звезд морских, костей и ниток,
И ракообразных, и улиток,
Многосаженных ужей,
Подводных раков и ежей
Могильным сводом дикий мост
Здесь выгнула земля,
Огнув кольцом высокий рост
Утесов стройного кремля.
Давно умершее жилище,
Красноречивое кладбище,
Где высок утесов храм
Старой крепостью лучам.

Неутомимая работница,
Гробов задумчивая плотница,
То тихий отдых, то недуг,
Своим внимательная взором,
По этим пажитям усталым
Свой провед<у> усталый плуг,
Давно обманут кубком малым,
Давно разбит<ый> в бурях спором,
Давно храню отчаянья звук!
Приход твой славит, кто устал,
Кто прахом был и прахом стал!

VII

Первый голос. Слушай: отчаялось самое море
Донести до чертогов волну
И умчалося в пропасти, вторя
В вольном беге коню-скакуну.
Оно вспомнит и расскажет
Громовым своим раскатом,
Что чертог был пляской нажит
Дщерью в рубище лохматом.
Вдруг вспорхнула и согнулась,
И, коснувшись рукою о руку,
Точно жрец, на других оглянулась,
Гусель гулких покорная звуку.
Не больше бел зимы снежок,
Когда, на пальцах ног держась,
Спрямит с землею сапожок,
Весенней бабочкой кружась.
Она легка; шаги легки.
Она и светоч и заря.
Кругом ночные мотыльки,
В ее сиянии горя.
Море вспомнит и расскажет

Страница черновика поэмы <«Разговор душ»>.

Грозовым своим глаголом,
Что чертог был пляской нажит,
Пляской в капище веселом.
Синеет река,
От нас далека.
В дымке вечерней
Воздух снует.
Голос дочерний
Земля подает.
Зеленых сосен
Трепет слышен.
И дышит осень.
Ум возвышен.
Рот рассказов,
Взор утех.
В битве азов
Властен грех.
Я еще не знаю, кто вы,
Вы с загадочным дерзанием,
Но потоки тьмы готовы
Встретить вас за всё лобзанием.
Но краса таит расплату
За свободу от цепей.
В час, когда взойду я к кату,
Друг свободы, пой и пей!
Вспомни, вспомни,
Как погиб!
Нет укромней
Стройных лип.
Там за этой темной кущей
Вспомни синий тот ручей,
Он, цветуще-бегущий,
Из ресниц бежит лучей.
Две богини нами правят!
Два чела прически давят!
Два престола песни славят!

Хватая ба́бра за усы
В стране пустынь златой красы,
На севере соседим
С белым медведем.

VIII

<Воин песни.> Как чей-то меч железным звуком,
Недавно здесь ударил долг.
И, осужденный к долгим мукам,
Я головой упал, умолк.
На берега отчизны милой
Бросал я пену и буруны.
Теперь поник главою хилой,
Тростник главою желтострунный.
Храбрее, юноши! Недаром
Наш меч. Рассудком сумрак освещай
И в битвах пламенным ударом
Свой путь от терний очищай.
Я видел широкого буйвола рог
И умирающий глаз носорога.
А поодаль стоял весь в прекрасном пророк
И твердил: «В небесах наступает тревога!»
Он твердил: «Тот напиток уж выпит,
Что рука наливала судьбы,
И пророчества те, что начертит Египет,
Для всеобщего мира грубы».
Он мне поведал: «Забудутся игры,
Презрение ляжет на кротость овцы,
В душах возникнут суровые тигры,
Презреньем одеты свободой вдовцы».
Я видел — бабр сидел у рощи
И с улыбкой дышал в ствол свирели.
Ходили, как волны, звериные мощи,
И надсмешкою брови горели.
И с наклоном изящным главы

Ему говорила прекрасная дева,
Она говорила: «Любимцы травы!
Вам не хватает искусства напева!»
Ужель не верх земных достоинств
Быть единицей светлых воинств?
Вас, презираемых мечом,
Всех, не окровавленных войной,
Бичуй, мой слог, секи бичом,
Топчи и конь мой вороной.
И поток златых кудрей
Окровавленного лика
Скажет многих книг мудрей:
Жизнь прекрасна и велика.
Нет, не одно тысячелетье
Гонитель туч, суровый Вырей,
Когда гнал птиц лететь своею плетью,
Гуси тебя знали, летя над Сибирью,
Твой лоб молнии били, твою шкуру секли ливни,
Ты знал свисты грозы, ведал ревы мышей,
Но, как раньше, блистают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.
И ты застыл в плащах космато-рыжих,
Как сей страны нетленный разум,
И лишь тунгуз бежит на лыжах,
Скользя оленьим легким лазом.
О, дикое небо, быть Ермаком,
Врага Кучума убивать,
Какой-то молнии куском
Бросать на темную кровать!
Перед тобою, Ян Собеский,
Огонь восторга бьется резкий.
И русские вы оба,
Пускай и «нет» грохочет злоба.
Юный лик спешит надвинуть
Черт порочных чёрта сеть.
Но пора настала минуть

Погремушкою греметь!
Пояс казацкий с узорной резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Иль вспыхнувший грозно в час ночи разбой —
То полнило душу мою, человек.
То к свету солнца Купальского
Я пел, ударив в струны,
То, как конь Пржевальского,
Дробил песка буруны.
И, как сквозь белый порох, стен
Блестят иконы Византии,
Так не склоню пред вами я колен,
Судители России.
Смотрите, я крылом ширяю
Туда, в седой мглы белый дол,
И вас полетом примиряю,
Я, встрепенувшийся орел.
Мы — юноши. Мечи наши остро отточены.
Раздавайте смело пощечины.
Юношей сердца смелей,
Отчизны полей королей!
Кумирами грозными, белыми,
Ведайте, смелы мы!
Мы крепнем дерзко и мужаем
Под тяжким бедствий урожаем.
Когда в десне судьба резцом прорежет,
Несется трусов вой и скрежет.
Меч! Ты предмет веселый смеха,
Точно серьги для девиц,
Резвых юношей утеха,
Повергая царства ниц.
О мире вечном людской брехни
Поклоннику ты скажешь:
Сейчас умрешь! Еще вздохни! —
И холодно на горло ляжешь.
Учитель русского семейства,
Злодей, карающий злодейство.

Блажен, кто страсть тобой владеть
Донес до долга рокового.
Промолвит рок тебе: ответь! —
Ты року скажешь свое слово.
А страницы воли звездной
Прочитает лязг железный.
Он то враг, то брат свободы,
Меч, опоясавший народы.
Когда отчизна взглядом гонит,
Моей души князь Понятовский
Бросался с дерзостью чертовской,
Верхом плывет и в водах тонет...
Военная песнь, греми же всё ближе!
Греми же! Звени же!

IX

<Второй голос.> Из отдыха и вздоха
Веселый мотылек
На край чертополоха
Задумчиво прилег.
Летит его подруга
Из радуги и блеска,
Два шелковые круга,
Из кружева нарезка.
И юных два желанья,
Поднявшихся столбом,
Сошлися на свиданье
И тонут в голубом.
На закон меча намек
Этот нежный мотылек.
Ах, юнак молодой,
Дай тебе венок надену!
Ты забудешь разбой,
Ты забудешь измену.

Издат. ЕУЫ;

1-й изборник В. Хлѣбникова:

«РЯВ» перчатки

1908–1914 гг.

рис. Д. Бурлюкъ и К. Малевича, ц. 60 к.

(произведенія этого изборника не вошли въ 2-й—)

2-й изборник В. Хлѣбникова:

„ИЗБОРНИК стихов 1907–1914 гг.“

ц. 70 коп.

Объявление в книге В.Хлебникова «Изборник». 1914.

МЫ УСТАЛИ

ЗВѢЗДАМ

ВЫКАТЬ

МЫ УЗНАЛИ СЛАДОСТЬ

РЫКАТЬ

Страница из книги В.Хлебникова «Ряв!» 1914.

X

<Воин песни.> Но пусть свобод твоих становища
Обляжет сильных войск змея.
Так из чугунного чудовища
Летит высокая струя.
Мы жребия войн будем искать,
Жребия войн, земле неизвестного,
И кровью войны будем плескать
В лики свода небесного.
Ведь взоры воинов морозны,
А их уста немы и грозны.
Из меди и стали стянут кушак,
А на голове стоит шишак.
Мы устали звездам выкать,
Научились звездам тыкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Пусть в ресницах подруг,
Как прежде, блистает таинственное.
Пусть труды и досуг
Юношей — страсть воинственная.
Все ходит сокол около
Прямых и гладких стен.
В походке странной сокола
Покой предчувствием смятен.
Он ходит, пока лов
Не кончен дикой смерти,
И телом мертвых соколов
Покой темницы смерьте.

1911–1912

ЛЕСНАЯ ТОСКА

Вила.

Пали вои полевые
На речную тишину.
Полевая, в поле вою,
Полевую пою волю,
Умоляю и молю так
Волшебство ночной поры,
Мышек ласковых малюток,
Рощи вещие миры:
Позови меня, лесную,
Над водой тебе блесну я,
Из травы сниму копытце,
Зажгу в косах небеса я
И, могучая, босая,
Побегу к реке купаться.

Лешак.

Твои губы — брови тетерева,
Твои косы — полночь падает.
О тебе всё лето реву,
Но ничто, ничто не радует.
Светлых рыбок вместо денег
Ты возьмешь с речного дна,
В острых зубках, как вареник,
Вдруг исчезнула одна.
Без сметаны она вкусна,
Хрупко бьется на зубах.
На стене сырой, где клятва,
Я слезами стены вымою.

Где ручьями сырость капает,
Над призраком из сырости,
Словам любви, любимая,
Тогда ужель не выросги —
Булавка нацарапает.

<Вила.>

Ты это, ветер, ты?
Верю, ветер любит ни о чем
Грустить неучем,
После петь путь
Моих ветреных утренних пят,
Давать им лапти легких песен,
А песен опасен путь.
Мой мальчик шаловливый и мятежный,
Твои таинственные нити
Люблю ловить рукою нежной,
Ковры обманчивых событий.
Что скажешь ты?

Ветер.

На обрыве, где гвоздика,
Возле лодки, возле весел,
Озорной, босой и весел,
Где косматому холопу
Стражу вверила халупа,
Парень неводом частым отрезал,
Вырезав жезел,
Русалке-беглянке пути.
Как билась русалка, страдая!
Сутки бьется она в сетке,
Где течения излом,
Вместе с славкой ястребиной,
Желтоокой и рябой.
Рыбак, — он силой чар ужасных
Богиню в невод изловил
И на руках ее прекрасных
Веревки грубой узлы вил.

Вила. Беру в свидетели потомство
И отдаленную звезду,
С злодеем порвано знакомство,
На помощь девушке бегу.

Ветер. Что же, волосы развеяв,
По дороге чародеев
Побеги меж темных елей.
Ах, Вила, Вила!
Ты простодушьем удивила
Меня, присяжного лгуна,
Не думал я, что сразу
Поверишь ты рассказу.
Разве есть тебя резвей
В сердце простодушном,
Каждой выдумке послушной?

<Вила.> Зачем ты обманул?

Ветер. А без проказ совсем уснул,
И злые шалости — моя свобода.

Старик. Как черный ветер колыхается,
Из красных углей ожерелье.
Она поет и усмехается,
Костер ночной — ее веселье.
Она поет, идет и грезит,
Стан мошек волосом разит.
Как луч по хвойным веткам лезет
И тихо к месяцу скользит.
То в сумраке себя ночном купает,
То в облаке ночном исчезла,
То молчаливо выступает
В дыму малинового жезла.
Она то молнией нагой
Блеснет одна в дуброве черной,

То белодымною ногой
Творит обряд упорный.

Русалка.

Всюду тени те,
Меня тянете!
Только помните —
Здесь пути не те,
Здесь потонете!
Жмурился вечер,
Жмуря большие глаза,
Спрячась в озерах во сне голубых.
Тогда я держала в руках голубей,
Сидя на ветке шершавой и старой,
И опрокинутой глыбой
Ко́сы веселий
Висели.
В осине осенней
То было.

<Лешак.>

Час досады, час досуга,
Час видений и ведуний,
Час пустыни, час пестуний,
Чтоб пышней, длинней и далее
Золотые косы дали ей.
Виноваты вы не в этом,
Вы греховны тем, что нынче
Обещались птицы звонче.
Полотенцем моей грезы
Ветру вытру его слезы.
Ветер — ветреный изменник,
Не венок ему, а веник.
Вы помните, страстничал вечер
Громадами томных
Расширенных глаз над озером.

Ветер.

Там не та темнота.
Вы ломите мошек стада,

Арнольд Бёклин. Zwei fischende Pane. 1874.

Вы ива своего стыда,
Где мошек толкутся стада.
Теперь, выходя из воды,
Вы ива из золота,
Вы золота ива.
Чаруетесь теми,
Они сосне
Восклицали: сосни!
Чураетесь теми,
Она во сне
Заклинала весну.
Явен овен темноты.
Я виновен, да, но ты?
Вы ива у озера,
Чьи листья из золота.

Русалка.

Лени друг и враг труда,
Ты поклялся, верю чуду,
Что умчимся в никогда
И за бедами забуду,
Что изменчив, как вода.

Рыбак.

Вышел к сетям — мать владычица!
Что-то в сетях тупо тычется.
Изловили ли сома,
Да таких здесь не видать!
Или спятил я с ума!
А глаза уж смотрят слабо.
Вышел парень:
«Водяная бьется баба!»
И сюда со мной бегом,
Развязаться бы с грехом.

Ветер.

Чары белые лелею,
Опрокинутые ивами.
Одоленом одолею
Непокорство шаловливое.

Голубой волны жилицы,
Купайтесь по ночам.
Кудри сонные струятся
Крученым панычом.
Озаренные сияньем,
Блещут белым одеяньем
По реке холодной беженки,
На воде холодной неженки.
Я веселый, я за вами,
Чтоб столкнуть вас головами.

Русалка. Слышишь, ветер, слышишь ужас?
Ветра басня стала делом.
В диких сетях обнаружась,
Бьется Вила нежным телом.
Режут листья, как мечи,
Кожу неги и услад,
Водяной бугай, мычи,
Жабы, вам забить в набат!
Пышных кос ее струя,
По хребту бежит змея.
И натянутые клетки,
Точно тени зимней ветки,
Сот тугой и длинной сетки —
Режут до крови рубцы.
И на теле покрасневшем
Отпечатана до мяса
Сеть вторая — на руках,
Точно тени на снегу
Наклоненных низко веток.
И, запутанная в соты,
Дичь прекрасная охоты
Уж в неволе больше часа,
Раскраснелась и в слезах,
Слезы блещут на глазах.
Дрожат невода концы.

Холить брось свои усы,
Злой мальчишка и пророк,
Это злой игре урок.
Вила лесным одуванчиком
Спускалась ночью с сосны,
Басне поверив обманщика,
Пленница сеток, не зная вины.
Ну, берись скорей за помощь,
Шевелись, речной камыш!

Ветер. Цапля с рыбою в зобу
Полетела за плотину.
Вила милая, забудь
Легкой козни паутину.
Я в раскаяньи позднем
Говорю «прощайте» козням.

Вила. Удалого рыболова
Плеском влаги испугаю.
Чу, опять пронесся снова
Водяного рев бугая.
Сестры, подруги,
Зубом мышиным
Рвите тенета.
Ветер, маши нам.
После поймете!

Девы. Ля! Ля! Ля!
Девушки, ля!
Рвет невода
Белая жинка.
Всюду заминка,
Льется вода.
Спят тополя.
Синяя доля
Ранней зари.

Сказку глаголя,
Шли рыбари.
В руках уда,
Идут сюда.

Утро.

Поспешите, пастушата!
Ни видений, ни ведуний,
Черный дым встает на хате,
Всё спокойно и молчит.
На селе, в далекой клуне
Цеп молотит и стучит.
Скот мычит, пастух играет,
Солнце красное встает.
И, как жар, заря играет,
Вам свирели подает.

1919, 1921

ВЗЛОМ ВСЕЛЕННОЙ

Чудесавль

I

Ученик (*захлопывая книгу и закрывая глаза*).
Я вижу странный сон.
Девушка несет на ладони мой народ
И бросает его в пропасть.
Он походит на красного жучка
С слабыми рябыми крыльями.
Он мал и ничтожен и близок к смерти.
Мать приказала из окна
Вымыть руки и бросить на землю.
Дочь отвечает: «Я сделаю это, о мать!..
Он упал в воду около окна».
Она села у окна и плетет косу.
И пьет квас.
Близко паденье моего народа!
Тяжелый сон, учитель!

Старший. Всё волны. Мы не на гребне,
А в упадке.
Когда пространство Лобачевского
Сверкнуло на знамени,
Когда стали видеть
В живом лице
Прозрачные многоугольники,

А песни распались, как трупное мясо,
На простейшие частицы,
И на черепе песни выступила
Смерть вещего слова,
Лишь череп умного слова,
Вещи приблизились к краю.
А самые чуткие
Горят предвидением.
Утром многие голоса поют на крышах.
Вот оно восходит,
Солнце падения моего народа!
И темными лучами
Первыми озарило
Горы и меня.
Горы и мы
Светимся зеркалом
Великого солнца смерти.
А спящие долины
Еще собирают колосья.

Сын. Слушай! Когда многие умерли
В глубине большой воды,
И родине ржаных полей
Некому было писать писем,
Я дал обещание,
Я нацарапал на синей коре
Болотной березы
Взятые из летописи
Имена судов,
На голубоватой коре
Начертил тела и трубы, волны, —
Кудесник, я хитр, —
И ввел в бой далекое море
И родную березу и болотце.
Что сильнее, простодушная береза
Или ярость железного моря, кипящего от ядер?
Я дал обещание всё понять,

Чтоб простить всем и всё,
И научить их этому.
Я собрал старые книги,
Собирал урожаи чисел кривым серпом памяти,
Поливал их моей думою, сгорбленный, сморщенный,
Ставил упершиеся в небо
Столбы, для пения на берегу моря.
Поставил и населил пением и жизнью молодежи
Белые храмы времени, вытесанные из мертвого моря.
Я нашел истины величавые и прямые,
И они как великие боги вошли в храмы
И сказали мне: «Здравствуй!», —
протянув простодушные руки,
Наполнили дыханием
Пустынные белые храмы.
Мой разум, точный до одной энной,
Как уголь сердца, я вложил в мертвого
пророка вселенной,
<Стал> дыханием груди вселенной.
И понял вдруг: нет времени.
На крыльях поднят как орел,
я видел сразу, что было и что будет,
Пружины троек видел я и двоек
В железном чучеле миров,
Упругий говор чисел.
И стало ясно мне,
Что будет позже.
И улыбался улыбкою Будды,
И вдруг застонал, увидев молнии и подымая руку,
И пена пошла из уст, и <молнии>
растерзали меня.
Ты видишь зажженную спичку
У черного порохового погреба,
Раньше забором закрытого,
Гремучей смеси,
Труда и бар,
Царей и яростных

Охотников на них.
Смотри: огромный толкнет нас,
Мы полетим со стульев земного шара
В пропасть звезд.
Готов ты окунуться в смерть?
Тогда, пловцы по водам смерти,
Смело грянем в воды
И будем разбивать жестокою рукой
Реку смерти.
Купанье всегда освежает,
Хотя трудно в начале.
Идем, учитель!

Учитель. Думай.

Ученик. Думаю; решил и ухожу.

Старший. По-прежнему зеленые листья
На дереве сидят, как бабочки,
И каждое дерево,
Как зеленый рыбак,
Раскинуло зеленый невод
В бесконечную синь моря неба
И ловит солнце трудолюбивей.

II

Молодой вождь. Товарищи!
Вы видите умный череп вселенной
И темные косы Млечного Пути,
Батыевой дорогой зовут их иногда.
Поставим лестницы
К замку звезд,
Прибьем как воины свои щиты, пробьем
Стены умного черепа вселенной,
Ворвемся бурно, как муравьи в гнилой пень,
с песней смерти к рычагам мозга,

И ее, божественную куклу с сияющими
по ночам глазами,
Заставим двигать руками
И подымать глаза!
Там, где маховики, капая маслом,
Двигают мозгом,
Где колеса и куксы,
Вы увидите меня на ремне,
Распиливающим первую волю,
Священником взлома и воровства,
Ломающим священные запоры.
Напильник и небо! Какая встреча,
Какое свидание на балу слов!
Мы обратим ее в куклу!
Мы заставим ее закатывать глаза
И даже говорить «папа» и «мама».
На приступ главных рычагов!
Мы сделаем из неба
Говорящую куклу.
Дети великого замысла,
За мной!

III

Крепи!
Крепи!
Ставь выше!
Ведьме в ухо!
Еще, еще!
Ставь к правому виску.
Теперь уж не сорвется.
У правого виска
Поставлены лестницы. Долота в дело!
Трепещут за плечами каждого
Моря из гордости и смелости.
Сюда поставить буравы и сверла.

Гремучие шашки, ваше слово!
К виску вселенной!
Смелые как муравьи,
Незаметные как ночь,
Спрыгнем по ту сторону черепа
И начнем нашу работу.
Солнце, играя на волосах,
Дает багровые шлемы воинов нам всем.
Последняя ступень! Озарена мировой зарей.
Уже! я встал на проломленный череп.
Я щупаю небо.
Один за одним
Прыгаем вниз,
Точно веревкой обвязанные.
Мы отделены от земли
Многими годами бега своего.
Мы взлетим на небо
И через многие тысячи лет
Вернемся на землю
Непонятным прахом.
И снова между рычагов
Белеет полотно для теней.
Всё то же лицо на голубом жемчуге.
Как! та самая, державшая
Жука на ладони,
Опять сидит у темного окна.
И полна колебаний. «Да» и «нет» помавают крылами.
Вот надпись человеческими знаками
И рядом ручка. Мне что-то здесь главное…
«Пришелец! ты ворвался
В этот мир
И, если ручку повернешь,
Спасешь любимую тобой коровку божью.
Может быть, красное существо — ваш народ
И ваша родина. Тогда умом и только мыслью

Спасенье народу принесешь.
Сейчас он тонет в воде.
Вот ручка моей воли.
Поверни! Направь. Так просто».

Младший воин.

Повернул. Готово.
Опять всё то же в мире теневом.
Но жук положен на цветок.
И, если это родина моя,
Она вновь спасена
Движением нехитрой рукояти.
Слава нам! Слава нежданному другу!

Мама! у меня был сон тяжелый,
И кто-то был сильней меня,
И волю мою изменил.
И божию коровку я спасла.
Пусть высохнет и летит куда захочется.

1921

НОЧНОЙ ОБЫСК

$3^6 + 3^6$

На изготовку!
Бери винтовку.
Топай, братва.
Направо, 38.
Сильнее дергай!
— Есть!
На изготовку!
— Лезь!
— Пожалуйте,
Милости просим!
— Стой, море!
Врешь, мать,
Седая голова,
Ты нас, море, не морочь.
Скинь очки.
Здесь 38?
— Да! Милости просим,
Дорогие именинники!
Трясется голова,
Едва жива.
— Мать!
Как звать?
Живее веди нас, мамочка!
Почтенная
Мамаша!

Напрасно не волнуйтесь,
Всё будет по-хорошему.
Белые звери есть?
Братишка! Стань у входа.
— Сделано — чердак.
— Годок, сюда!
— Есть!
— Топаем, море,
Закрутим усы!
Ловко прячутся трусы.
Железо засунули,
Налетели небосые,
Расхватали все косые,
Белые не обманули их.
А ты, мать, живей
Поворачивайся.
И седые люди садятся
На иголку ружья.
А ваши мужья?
Живей неси косые,
Старуха, мне, седому
Морскому волку!
Слышу носом, —
Я носом зорок, —
Слышу верхним чутьем:
Белые звери есть.
Будет добыча.
Брат, чуешь?
Пахнет белым зверем.
Я зорок.
А ну-ка, гончие-братва!
«Вот — сколько есть —
И немного жемчужин».
— Сколько кусков?
— Сорок?
Хватит на ужин!

Что разговаривать!
Бери, хватай, братва, налетай!
И только! Не бары ведь!
Бери,
Сколько влезет.
Мы не цари,
Сидеть и грезить.
Братва, налетай, братва, налетай!
Эй, море, налетай! Налетай орлом!
— Даешь?
Давай, сколько влезет!
Стара, играй польку,
Что барышня грезит.
Голос:
«Мама, а мама!»
— Мать, а мать!
Держи ответ.
Белой сволочи нет?
«Завтра — соберется совет.
А я стара, гость!
Алое, белое,
Белая кость.
Где тут понять?
И белые волосы уже у меня.
Я — мать».

Птах! Птах!
Выстрел, дым, огонь!
— Куда, пострел?
Постой! оружье, руки вверх!
— В расход его, братва!
— Стань, юноша, у стенки.
Вот так! Вот так!
Волосики русики,
Золотые усики.
— У печки стой, белокурый,

Скидай с себя людские шкуры!
«Гость моря, виноват
За промах:
Рука дрожала.
Шалунья пуля.»
— Смеется, дерзость или наглость?
Внести в расход?
«Даешь в лоб, что ли,
Товарищи братва,
Морские гости?
О вас молва: вы — великодушны».
— Можно!
Вполне свободно
Эту милость может
Море оказать!
Старуха, повернись назад.
— Даем в лоб, что ли,
Белому господину?
«Моему сыну?»
— Рубаху снимай, она другому пригодится,
В могилу можно голяком.
И барышень в могиле — нет.
Штаны долой
И поворачивайся.
И всё долой! Не спи —
Заснуть успеешь, — сейчас заснешь, не просыпаясь!
«Прощай, мама,
Потуши свечу у меня на столе».
— Годок, унеси барахло. Готовься! Раз! Два!
«Прощай, дурак! Спасибо за твой выстрел».
— А так!.. За народное благо.
Трах-тах-тах!
                Трах!
— Спасибо, а какое:
С голубиное яйцо
                Или воробьиное?

Вот тебе и загадка!
Готов голубчик,
Ноги вытянул.
А субчик был хорош,
И маска хороша.
Еще два выстрела:
Вот этот в пол,
А этот в Бога!
Вот так! Сюда!
Пошлем его к чертям собачьим.
Мы, с летучим морем
За веселыми плечами
Над рубахой белой,
Над рубахой синей,
Увидим — бабахнем!
Штаны у меня широки,
В руке торчит железо,
И не седой бобер,
А море синее
Тугую шею окружило
И белую рубашку.
      Богу мать!
— Браток, что его, поднимать?
Нести?
Оставить — некрасиво.
— Плевать! Нам что!
      «Мама!»
— А это что за диво?
И будто семнадцати лет,
А волосы — снег!
И черные глаза
Живые!
«Море приносит с собою снег.
Я в четверть часа поседела.
Если не нравится смотреть на старуху,
Не смотрите, отвернитесь!

Владимир! Володя! Владимир!
Мама! он голый!»
— Барышня!
Трупы холода не знают!
И мертвые сраму не имут.
Дела! Дела! Вольно!
— Подлец! Смеется после смерти!
А рубашек таких
Я не нашивал — хороша!
И пятен крови нет.
Полотно добротное.
Вошел и руку на плечо.
— Годок! я гада зарубил!
Лежит на чердаке.
У пулемета.
— Эге-ге!
— Где мать?
— Очень белая барышня,
Так вы побелели
Еще до нашего прихода?
Морского ветра еще и не дуло,
Морем и ветром еще и не пахло,
А здесь уже выпал снег
На чердак и на головы.
Торчало пулеметов дуло
Из-под перины?
Ничего, ничего.
Это ранней весной
Вишневый цвет
Упал вам на голову снегом.
Встряхнитесь, осыпятся листья,
Милая барышня.
Покрывало для гроба
Из цветов хорошее.
— Это и только!
— Браток!

Что ты ее мучаешь?
— А ну-ка,
Милая барышня в белом,
К стенке!
«Этой? Той?
Какой?
Я — готова!»
— А ну, к чертям ее!
— Стой!
Довольно крови!
Поворачивайся, кукла!
— Крови? Сегодня крови нет!
Есть жижа, жижа и жижа
От скотного двора людей.
Видишь, темнеет лужа?
Это ейного брата
Или мужа.
«Владимир!
Мама!»
— Ты бы сказала «папа»,
Это было бы веселее!
Где он, в бегах?
В орловских рысаках?
Дал рыси и прибавил ходу?
А может, скаковой любимец?
И обгоняет в скачках?
Ну, кукла, уходи,
Пошла к себе!
Глаз не мозоль!
Здесь будет попойка.
— Не плачь, сестрица,
Здесь не место вольным.
У нас есть тоже сестры
В деревнях и лесах,
А не в столицах.
Иди себе спокойно, человек,

Своей дорогой.
— Раз зеркало, я буду бриться!
И время есть.
Криво стекло,
Косая рожа.
Друзья, в окно
Всё это барахло —
Ему здесь быть негоже.
И сделаем здесь море,
Чтоб волны на просторе.
Да только чайки нет.
А зеркало, его долой,
Бах кулаком!
— Себя окровянил.
Склянка красных чернил это зеркало.
— Вояка с зеркала куском!
— Порой жестоки зеркала. Они
Упорно смотрят,
И судей здесь не надо —
Поболее потемок!
Годок!
Дай носовой платок!
«Владимир!
Володя!»
— Он вымер! Он вымер
Сегодня!
Вымер и вымер!
Тебя не услышит!
Согнутый на полу
Владеет миром.
И не дышит.
— А это что? Господская игра,
Для белой барышни потеха?
Сидит по вечерам
И думает о муже.
Брянчит рукою тихо.

И черная дощечка
За белою звучит
И следует, как ночь
За днем упорно.
Кто играет из братвы?
— А это можем...
Как бахнем ложем...
Аль прикладом...
Глянь, братва,
Топай сюда,
И рокот будет, и гром, и пение...
И жалоба,
Как будто тихо
Скулит под забором щенок.
Щенок, забытый всеми.
И пушек грохот грозный вдруг подымается,
И чей-то хохот, чей-то смех подводный и русалочий.
Столпились. Струнный говор,
Струнный хохот, тихий смех.
— Прикладом бах!
Бах прикладом! Смейся, море!
Море, смейся! Большой кулак бури.
Сегодня ходи по ладам...
В окопы неприятеля снарядом... раз!
В землянках светлый Богоматери праздник,
Где земляки проводят тихо.
Нужду сначала кормят
Белым телом,
А потом червей.
Две смены, две рубашки,
Одна другой тесней.
Одно и то же кушанье двум едокам.
Ишь, зазвенели струны!
Умирать полетели.
Долго будет звенеть
Струнная медь.

— Вдарь еще разок,
Годок!
Гудит как пчелы,
Когда пчеляк отымет мед.
Бах! Бах!
Ловко, моряки.
Наше дело морское:
Бей и руши!
Бей и круши!
Ломите, ломайте,
Гр<о>бьте и грабьте,
Морские лапти!
Смелей! Не робь!
Не даром пухли.
Чинить найдутся,
А эту рухлядь,
Этот ящик, где воет цуцик,
На мостовую
За окно!
Пугать соседок
Эдак!
Это дело подходящее.
Море, бурное оно.
Это по-нашенски,
А не по-нищенски.
Вдребезги,
Ббаам-паах!
Нынче море разгулялось,
Море расходилось,
Море разошлось.
Экая сила.
Никого не задавило?
— Никак нет.
Только трех муравьев,
Вышедших на разведку.
Пылища. Силища!

— Где винтовка, детка?
Годок, сними того грача!
— Сейчас!
Тах!
Готов.
— Попал?
— Упал.
Мертв.
— А где старуха?
Мать, ты здесь?
Жратвы!
Вина и лососины!
И скатерть белую.
Цветы. Стаканы.
Будет пир как надо.
Да чтоб живей
И мясо и жаркого,
Не то согнем в подкову!
Годочки, будем шамать,
Ашать, браточки, кушать.
Жрать.
Сейчас пойдет работа-мама!
И за скулою затрещит.
А всё же пахнет.
От мертвых дух идет.
«Владимир!»
— Владимира ей надо — стонет!
А нас забыла, нас не хочет!
Давайте все морочить:
— Мы здесь!
— Я здесь, Оля!
— Я здесь, Нина!
— Я здесь, Верочка!
Мяу!
— Вот смехота!
Тонким голосом

Кричи по-бабьему.
— Ребята, не балуйтесь
У гроба, у смерти.
— А ловко ты
Прикладом вдарил.
Как оно запоет,
Зазвенит, заиграет
И птицей, умирая, полетело.
Аж море в непогоду.
Слушай, там в дверях
Дощечка
«Прошу стучать».
Браток поставил «ка» — вышло
«Прошу скучать».
На дверях гроба молодого,
Где сестры мертвого и вдовы.
Ха-ха-ха!
Какое дышло.
— И точно, есть о ком
Скучать той барышне-вдове
С седыми волосами.
Мы, ветер, принесли ей снег.
Ветер моря.
Море так море!
Так, годочки,
Мы пройдем как смерть
И горе.
С нами море!
С нами море!
Трупы валяются.
Море разливанное,
Море — ноздри рваные,
Да разбойничье,
Беспокойничье.
Аж грозой кумачовое,
Море беспокойничье,

Море Пугачева.
— Я верхним чутьем
Белого зверя услышал.
Олень! Слышу,
Пахнет белым!
Как это он бахнет!
За занавеской стоял,
Притаился маменькин сынок.
Дал промах
И смеется.
Я ему: «Стой, малой!»
А он:
«Даешь в лоб, что ли?» —
«Вполне свободно», — говорю.
Трах тах-тах!
Да так весело
Тряхнул волосами,
Смеется.
Точно о цене спрашивается,
Торгуется.
Дело торговое,
Дело известное,
Всем один конец,
А двух не бывать.
К богу мать.
А плевать.
«Вполне свободно», — говорю, —
Это можно,
Эту милость может
Море оказать».
Трах-тах-тах!
— Вот как было:
Стоит малой:
«Даешь в лоб, что ли?» —
«Вполне свободно», —
Отвечаю.

Трах-тах-тах! Дым! И воздух обожгло.
Теперь лежит златоволосый,
Чтобы сестра, рыдая, целовала.
«Киса, моя Киса,
Киса золотая».
— Девочка, куда?
Пропуск на кошку!
Стой!
— Годок, постой,
Нет пропуска на кошку.
В окошко!
— Как звать?
«Марусей.»
— Мы думали — маруха,
Это лучше.
«За стол садитесь, гости».
Прямая, как сосна,
Старуха держится.
А, верно, ей сродни Владимир.
Сын. Она угрюма и зловеща.
«Из-под дуба, дуба, дуба!»
Часам к шести.
— Налей вина, товарищи!
Чтоб душу отвести!
Пей, море,
Гуляй, море,
Шире, больше!
Плещись!
Чтоб шумело море,
Море разливанное!
«Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной... и хмельной»...
— Вот денечки.
Садись, братва, за пьянку!
За скатерть-самобранку.
«Из-под дуба, дуба, дуба!»

Садись, братва!
Курится?
— Петух!
— О боже, боже!
Дай мне закурить.
Моя-тоя потухла.
Погасла мало-мало.
Седой, не куришь — там на небе?
— Молчит.
Себя старик не выдал,
Не вылез из окопа,
Запрятан в облака.
Все равно. Нам водка — море разливанное,
А Богу — облака. Не подеремся.
Вон Бог в углу.
И на груди другой —
В терну колючем,
Прикованный к доске, он сделан,
Вытравлен
Порохом синим на коже.
Обычай морей.
А тот свечою курит...
Лучше нашей — восковая!
Да, он в углу глядит
И курит.
И наблюдает.
На самоварную лучину
Его бы расколоть!
И мелко расщепить.
Уголь лучшего качества!
Даром у него
Такие темно-синие глаза,
Что хочется влюбиться,
Как в девушку.
И девушек лицо у Бога,
Но только бородатое.

Двумя рядами низко
Струится борода,
Как сумрачный плетень
Овечьих стад у озера,
Как ночью дождь.
Глаза передрассветной синевы
И вещие и тихие,
И строги и прекрасны,
И нежные несказанной речью,
И тихо смотрят вниз
Укорной тайной,
На нас, на всю ватагу
Убийц святых,
На нашу пьянку
Убийц святых.
— Смотри, сойдет сюда
И набедокурит.
А встретится, взмахнет ресницами,
И точно зажег зажигалкой.
Темны глаза как небеса,
И тайна вещая есть в них
И около спокойно дышит.
Озера синей думы!
— Даешь в лоб, что ли?
Даешь мне в лоб, Бог девичий,
Ведь те же семь зарядов у тебя,
С большими синими глазами?
И я скажу спасибо
За письма и привет.
— Море! Море!
Он согласен!
Он взмахнул ресницами,
Как птица крыльями.
Глаза летят мне прямо в душу,
Летят и мчатся, машут и шумят.
И строго, точно казнь,

Он смотрит на меня в упорном холоде!
О ужасе рассказами раскрытые широко,
Как птицы мчатся на меня.
Летели птицами те синие глаза мне прямо в душу.
Как две морские птицы большие, синие и темные,
В бурю, два буревестника, глашатая грозы.
И машут и шумят крылами! Летят! Торопятся.
Насквозь! Насквозь! Ныряют на дно души.
— Так... Я пьян... И это правда...
Но я хочу, чтоб он убил меня
Сейчас и здесь, над скатертью,
Что с пятнами вина, покрытая стеклом.
Море!
— Шатия-братия!
Убийцы святые!
В рубахах белых вы,
Синея полосатым морем,
В штанах широких и тупых внизу и черных,
И синими крылами на отлете, за гордой непослушной шеей,
Похожими на зыбь морскую и прибой,
На ветер моря голубой,
И черной ласточки полетом над затылком,
Над надписью знакомой, судна именем.
О, говор родины морской, плавучей крепости,
И имя государства воли!
Шатия-братия,
Бродяги морские!
Ты топаешь тупыми носками
По судну и земле
И в час беды не знаешь качки,
Хоть не боишься ее в море.
Сегодня выслушай меня:
Хочу убитым пасть на месте,
Чтоб пал огонь смертельный
Из красного угла. Оттуда бы темнело дуло.
Чтобы сказать ему «дурак!»

Перед лицом конца.
Как этот мальчик крикнул мне,
Смеясь беспечно
В упор обойме смерти.
Я в жизнь его ворвался и убил,
Как темное ночное божество.
Но побежден его был звонким смехом,
Где стекла юности звенели.
Теперь я Бога победить хочу
Веселым смехом той же силы,
Хоть мрачно мне сейчас
И тяжко. И трудно мне.
Бог! я пьян...
— Назюзился... наш дядя...
А время на судно идти. — Идем!
— Я пьян, но слушай...
Дай закурим!
И поговорим с тобою по душам.
Много ты сделал чудес,
Только лишь не был отцом.
Что там! Я знаю!
Ты девушка, но с бородой.
Ты ходишь в ниве и рвешь цветы,
Плетешь венки
И в воды после смотришься.
Ты синеглазка деревень,
Полей и сел
С кудрявою бородкой,
Вот ты кто.
Девица! Хочешь,
Подарю духи?
А ты назначишь
День свиданья,
И я приду с цветами,
Утонченный и бритый,
Томный.

Потом по набережной,
По взморью мы пройдемся.
Под руку,
Как надо!
Давай поцелуемся.
Обнимемся и выпьем на «ты».
Иже еси на небеси.
Братва, погоди,
Не уходи, не бесись!
Русалка
С туманными могучими глазами,
Пей горькую!
Так.
Братва!
Мы где увидимся?
В могиле братской?
Я самогона притащу,
Аракой бога угощу
И созовем туда марух.
На том свете
Я принимаю от трех до шести.
Иди смелее:
Боятся дети,
А мы уж юности — прости.
Потом святого вдрызг напоим,
«Одесса-мама» запоем.
О боги, боги, дайте закурить!
О чем же дальше говорить...
Пей, дядько, там в углу!
Ай!
Он шевелит устами
И слово произнес... из рыбьей речи.
Он вымолвил слово, страшное слово,
И это слово, о, братья, —
«Пожар!»
— Ты пьян! Нет, пьяны мы.

— До свидания на том свете.
Даешь в лоб, что ли?
— Старуха! ведьма хитрая!
Ты подожгла?
Горим! Спасите! Дым!
— А я доволен и спокоен.
Стою, кручу усы, и всё как надо.
Спаситель! Ты дурак.
— Дает! Старшой дает!
В приклады!
Дверь железная!
Стреляться?
Задыхаться?

Старуха (*показываясь*).

Как хотите!

7 ноября 1921

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

НАСТОЯЩЕЕ

ПОЭМА

А Л Ь В Э К

СТИХИ

СИЛЛОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Москва

1926

Обложка первого издания поэмы «Настоящее».

НАСТОЯЩЕЕ

I

Над белым сумраком Невы,
У подоконника окна,
Стоял, облокотясь,
Великий князь.
«Мне мил был
Сумрак сельской хаты
И белая светелка,
Соломенная челка
Соломы черной и гнилой,
Ее соломенный хохол
И на завалинке хохол.
И все же клич «царей долой!» —
Палит и жжет мне совесть.
Лучи моего духа
Селу убогому светили,
Но неприязненно и сухо
Их отрицали и не любили.
«Он захотел капусты кислой», —
Решил народный суд.
А я ведро на коромысле
Пою, их <вечером> несут.
Суровою волею голи
Глаголы висят на глаголе.
Я, самый верхний лист
На дереве царей,

Подземные удары
Слышу, глухой подземный гул.
Нас кто-то рубит,
Дрожат листы,
И вороны летят далече.
Чу! Чую, завтра иль сегодня
Все дерево на землю упадет.
Железа острие нас рубит,
И дерево дрожит предсмертной дрожью».
Нежнее снежной паутины
И снежных бабочек полна,
Над черной бездною ночей
Летела занавесь окна.
И снежный камень ограничил,
Белее чести Богоматери,
Его высокий полусвод.
«Народ нас создал, возвеличил.
Что ж, приходи казнить, народ!
Какой холодный подоконник!
И смотрят звезды — вещий сонник!
Да, настежь ко всему людей
пророческие очи!
Придет ли смерть, загадочная сводня,
И лезвием по горлу защекочет,
Я всё приму сегодня,
Чего смерть ни захочет.
Но сердце темное пророчит.
Что ждет меня — какая чаша?
Ее к устам моим несу!
Глухой острог, затерянный в лесу,
Среди сугробов рудники
И ты, печальная параша,
Жестоких дней приятельница,
Там полетят в меня плевки,
Я буду для детей плевательница?
Как грустен этот мир!

Время бежит, перо писарей
Торопится,
Царей
Зовет охолопиться...
И буду я висеть на виле;
А может, позже
Меня удавят те же вожжи,
Какими их давили.
Смерть! Я — белая странница!
Чего ты хочешь — напиши!
Какое нынче вдохновение
ее прихода современнее?
Ранней весной, не осенью,
Наше сено царей будет скошено.
Разлукой с небом навсегда,
Так наземь катится звезда
Обетом гибели труда.
Ах, если б снять с небесной полки
Созвездий книгу,
Где всё уж сочтено,
Где жизни нить, и плахи нить, и смеха нить
В едином шелке
Ткало веретено,
Покорно роковому игу,
Для блеска звездных игол.
И показать людей очей корыту
Ее задумчиво-открытую...
Мне станет легче извинить
И палача и плаху,
И даже лесть кровавому галаху.
Часов времен прибою внемля,
Подкошенный подсолнух, я
Сегодня падаю на землю.
И вот я смерти кмотр.
Душа моя готовится на смотр
Отдать отчет в своих делах.

Что ждет меня?
Глухой темничный замок,
Ужимки за решеткой самок,
Толпа безумных дураков
И звон задумчивых оков?
И я с окованной рукой,
Нарушив прадедов покой,
Сойду туда?»

II

1

Голоса и песни улицы

Цари, цари дрожали,
Цари, цари дрожат!
На о,
На óбух
Господ,
На о,
На óбух
Господ,
На о,
На óбух
Царей,
Царя,
Царя,
Народ,
Наро,
Нарóд,
Кузнец,
Молó,
Молотобоец.
Нарó,

Народ,
Берéт,
Берé
Берет
Господ,
На о, на о царей
Берет,
Кладéт
Народ,
Молó,
Молотобоец
Царé
Царей
На обух,
Пусть ус
Спокóятся
В Сибú,
В сибирских су,
Сугро,
Сугрóбах белых.
Господ, господ кладет,
Кладет, кладет
Народ,
Кладет,
Кладет
Народ,
Кладет белого царя,
Кладет белого царя! Белого царя!
Белого царя!
— Царя!
А мы! — А мы глядим, а мы, а мы глядим!
Цари, цари дрожат!
Они, онú дрожат!

Великий князь

Что? Уже начинается?
(*Смотрит на часы*).

Да, уже пора!

2

Голоса с улицы

Мы писатели ножом!
Тай-тай, тарарай,
Тай-тай, тарарай!
Священники хохота,
Трай-тай, тарарай.
Священники выстрелов.
Запевалы смерти,
Трай-тай, тарарай.
Запевалы смерти,
Отцы смерти,
Трай-тай, тарарай.
Отцы смерти.
Трай-тай, тарарай.
Сына родила!
Трай-тай, тарарай.
Сына родила!
Невесты острога,
Трай-тай, тарарай.
Сына родила!
Мыслители винтовкой,
Трай-тай, тарарай.
Мыслители брюхом!

Великий князь

Да, уж начинается!..

В воду бросила!
Тай-тай, тарарай.
В воду бросила!
Тай-тай, тарарай.
В воду бросила!

3

Кто?
— Люди!
А, бог на блюде!
Подан.
— Бог на брюхе!
— С новым годом!
— Пли!
— Одною меньше мухой.
— Пли!
Шашка сбоку!
— К сроку!
С глазами борова
Свинья в котле.
— Здорово.
Рази и грей!
В посылке — олово.
Священник!
— Милости просим!
— Алых денег
Бросим!
— А, прапор! добро пожаловать!
Ты белый, а пуля ала ведь!
Городовой на крыше!
— Прицелы выше!
Бог на пузе!
— В общий узел!
Площадь очищена!
— Винтовка, пищи на!
Красная подкладка.

— Гладко!
А вон проходит красота
Вся в черном, но дымится дуло.
— Ни черта!
И она уснула.
Священник!
— Отсыпь свинцовых денег!
В слуховом окне пулемет!
— По черной лестнице — вперед!
Пристав!
— Чисто.
Ты, белая повязка!
— Салазки!!!
Лежат поленницей дров...
Наколотили... кровь.
Среди прицелов бешеных
Сестра идет помешанная
И что-то поет из «Князя Игоря».
— Вдогонку! Выгорело.
На палках Бог!
— Перо им в бок!
Пьяные бары.
— В Самару.
Плывет белуга.
— В Калугу!
Идут, молчат, ни звука!
Крадутся.
— В Москву!
Пли!
На уру!
— Тпру!
Тах-тах-тах!
Идут
Люди закона
С книгами!
— Дать капли Дона!

Выгоним!
Идут вновь.
— Муху на бровь.
— Стой! Здесь
Страшный Суд!
Пли!
— Тут!
Ловко!
Река!
Горит винтовка!
Горит рука!
Еще гробокопы!
— Послать в окопы!
С глазами жалости...
— Малой! — Стреляй! Не балуйся!
Разве наши выстрелы
Шага к смерти не убыстрили?

4

Мы писатели ножом,
Тай-тай, тара-рай!
Мы писатели ножом.
Священники хохота.
Тай-тай, тара-рай,
Священники хохота.
Святые зеленой корки.
Тай-тай, тара-рай.
Святые зеленой корки.
Запевалы паденья престолов.
Тай-тай, тара-рай.
Скрипачи на брюхе богатых,
Тай-тай, тара-рай.
Невесты острога,
Тай-тай, тара-рай.
Свободные художники обуха.
Знайте: самый страшный грех —
Пощада!

Великий князь

Началось!
Оно!
Обугленное бревно
Божественного гнева
Качается, нацелилось в окно.

Тай-тай, тара-рай.
Художники обуха.
Невесты острога.
Тай-тай, тара-рай.
В воду бросила!
Тай-тай, тара-рай.
В воду бросила!
Мощи в штанах,
Святые мощи в штанах,
Тай-тай, тара-рай.
Мощи в штанах.
Раска́,
Раскаты грома,
Горя́,
Горят хоромы.

5

Ах вы, сони! Что по-барски
Вы храпите целый день?
Иль мила вам жизни царской
Умирающая тень?
Иль мила вам плетки древней
Налетающая боль
И в когтях цинги деревни
Опухающая голь?
Надевайте штаны
В насекомых и дырах!

Часы бар сочтены.
Уж лежат на секирах.
Шагайте, усачи
И нищие девчонки!
Несите секачи
И с порохом бочонки!
Братья и мужья,
У кого нет ножа, у того есть мышьяк!
Граждане города
В конском дымящемся кале,
Вас кричат ножи,
Вас ножи искали!
Порешили ножи,
Хотят лезвием
Баловаться с барьем,
По горлу скользя.
Целоваться с барьем,
Миловаться с барьем,
Лезвием секача
Горло бар щекоча,
Лезвием скользя, —
А без вас нельзя!
Иди, беднота,
Столичная голь!
Шагай, темнота,
Как знамя — глаголь!
Несите нажим с Горячего поля.
Войском нищим, войском нищим,
Чем блеснув за голенищем?
Хлынем! Хлынем!
Вынем! Вынем!
Жарко ждут ножи — они зеркало воли.

6

Песня сумрака

Видит Господь,
Нет житья от господ.
— Одолели — одолели!
Нас заели.
Знатных старух,
Стариков со звездой,
Нагишом бы погнать,
Ясноликую знать.
Все господское стадо,
Что украинский скот,
Толстых, седых,
Молодых и худых,
Нагишом бы, всё снять,
И сановное стадо,
И сановную знать
Голяком бы погнать,
Чтобы бич бы свистал,
В звездах гром громыхал.
Где пощада? где пощада?
В одной паре с быком
Господа с кадыком,
Стариков со звездой
Повести голяком
И погнать босиком,
Пастухи чтобы шли
Со взведенным курком.
Одолели! одолели!
Околели! околели!
Всех дворян бы согнать
И сановную знать
Там, где бойни.
Нам спокойней! Нам спокойней!

Видит Господь,
Нет житья от господ.
Ухарь боец
Как блеснет тесаком!

7

Прачка

Я бы на живодерню
На одной веревке
Всех господ повела,
Да потом по горлу
Провела, провела!
Я белье мое всполосну, всполосну,
А потом господ
Полосну, полосну!
И-их!
— Крови лужица!
— В глазах кружится!
Чтобы лучше целоваться
И шептать ответом «да»,
Скоро в тени одеваться
Будут господа.
Как нарядится барыня:
Серьги — имение, целое имение!
Их сияют лучи,
Как за стеклом — голодным харчи.
Тень кругом глаз, чтобы глаз удлинять.
Шляпа — «ой, мамочка! не бей меня!»
Не шляпа, солнца затмение!
Две сажени! цветы да игла!
Серьги трясутся в ушах.
А шелка — ведь это целый ушат!
Зорькой небесной себя опоясывая,
Снежною бурей вьюгу на землю сбрасывают

Дочерям богатея.
Такая затея!
Я бы не могла.
Ты пройдешь, удалый ножик,
Около сережек!
Бары, дело известное!
Из сословья имущего.
А белье какое!
Не белье, а облако небесное.
Тьма-тьмущая,
Тьма господняя —
Кружева у барышни на штанах.
Вчера и сегодня ты им услуживай,
А живи в сырых стенах.

8

Голоса с улицы

Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в землянке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали?
Не спали на ходу, склонивши голову?
Так лейте пули — вот свинец и олово!
Я, дочь народа,
Простая чернорабочая,
Сегодня вас свободой потчую!
Бог! говорят, на небе твоя ставка!
Сегодня ты — получаешь отставку!
На вилы,
Железные вилы подымем
Святое для всех Господа имя!
Святое, седое Божие имя.
На небе громовержец,

Ты на земле собольи шубы держишь?
Медники глухого переулка!
Слышите раскаты грома гулкого:
Где чинят бога?
Будет на чуде ржа,
И будет народ палачом без удержа.
Речи будут его кумачовые.
Живи!
Будут руки его пугачевые
В крови!
Это время кулачных боев
Груди народной и свинцовой пули.
Слышите дикий, бешеный рев:
Люди проснулись.
Теперь не время мыть рубашки:
Иди, язык гремучих шашек!

Мыслители винтовкой.
Раска́,
Раскаты грома.
Горя́,
Горят хоромы.
На о́,
На о́бух господ...

9

Другие

Чтоб от жен и до наложницы
Господ нес рысак,
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Тучной складкою жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий

Не видать бы никогда,
Были сложены обедни.
А где Бог бедных?
Кто бы рабочим
Утром дал бы передник
И сказал «носи»?
Друг бедноты на небеси.
И утром принес бы стакан молока?
Наш Бог в кулаке,
Наша вера кулака!
А наша рабочая темь
Стоит, дрожа.
Виновата тем, —
В кулаке нет ножа.
Ладонь без ножа.
Хлынем, братушки, хлынем
Войском нищим.
Вынем, братушки, вынем
Нож в голенище.
Ярославль! Ты корову
На крышу поставил!
Рязань! Ты телят молодцом
Режешь огурцом.
Волга!
Все за дворцом.
Берем божбой,
Святой разбой!

10

Гож нож!
Раскаты грома.
Нож гож,
Пылай, хоромы.

11

Великий князь

О, роковой напев судьбы!
Как солнце окровавило закатом
Ночные стекла тех дворцов...
А все же стекла голубы!
Не так ли я, воспетый катом,
Железным голосом секиры
Вдруг окровавлю жажду шири?

<12>

Рыжие усики.
— Что, барышня, трусите?
Гноя знак.
— Что, барышня, боязно?

1921–1922

П. В Митуричем подготовлены к изданию следующие книги неопубликованных произведений Велемира Хлебникова:

1. Поэмы. «Ночной обыск», «Ночь перед советами», «Переворот во Владивостоке», «Разин напротив».

Поэмы. «Боги», «Великие святки», «Труба Гуль Муллы» «Лесная тоска».

3. Прозз. «Кол из будущего».

4. Стихи.

5. «Доски судьбы» (4, 5, 6 и 7 вып).

Рукописи указанных книг и поэмы «Настоящее» у П. В. Митурича.

Объявление в книге «Настоящее». 1926.

II

ТАИНСТВО ДАЛЬНИХ

Жрец. Омойте, омойте радостными взорами стоящую перед вами — ту, которая и малым движением ног не хочет скрывать от вас достояния вашего. Те же, кто не в силах перенести мысли о близком наступающем, пусть бросятся на мечи или найдут сладкую смерть в ропщущих волнах.

Многие без стона бросаются на мечи, другие тонут в волнах.

Так, дети мои. Слышу стук многих мечей и всплеск многих волн. Утешено несказанно мое старческое сердце. Нет, не умерла еще молодость! Нет, жива еще молодость!

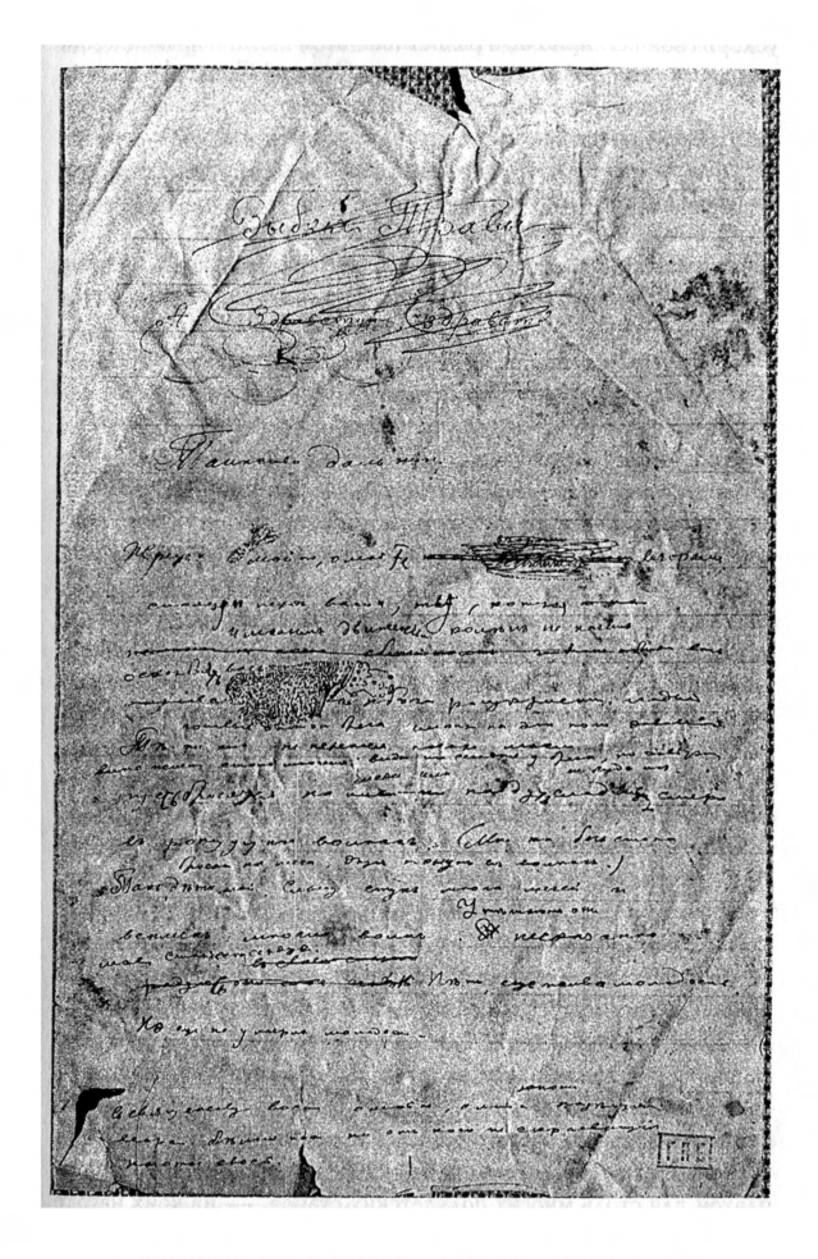
Жрица. Когда солнце склонится к закату и на одну треть приблизится к морю, я воссяду на этот камень, и пусть приблизятся ко мне все, ищущие утешения, и для каждого я найду слова утешающие и сладкие.

Все юноши. Мы волим это! Мы волим это!

1-ый юноша. Дождусь ли сладостного мгновенья? Нет силы ждать!

Падает, закалываясь, на меч.

Вереница юношей (*выступающих вперед*). Мы, вспоенные и вскормленные твоими лучами, Солнце, заклинаем тебя:

«Таинство дальних». Фрагмент черновой рукописи. 1908.

ускорь свой бег! приблизь радостный, всем желанный миг, когда на одну треть приблизишься к морю. Солнце! Солнце!

И с высоких скал падаем в море, умоляя тебя: Солнце! Солнце! ускорь свой бег!

Падают.

Жрица. Как хорошо... плещут волны и смертью дышат людские речи и людские поступки... Как юношественно движение этих...

Еще один закалывается: «нет силы ждать!» Как капли зачинающегося дождя, там и здесь падают юноши. Новая вереница заклинающих солнце.

Прислужница. Скажи же, вымолви покоряющее слово — не то все они кончат самоубийством, влекомые к тому твоим присутствием, и не будет нам более верных и неизменных любовников.

Жрица. Да, да, дети мои, кончайте забаву; ведь близок вечер, да и празднество будет отравлено видом слишком большого числа умирающих — то носящихся на волнах, то лежащих неподвижно на земле, точно напоминая о чем-то забытом.

В венках из прибрежных деревьев, в белых одеждах подходят к Жрецу новые толпы юношей.

Жрец. Вы, юноши! Дальние и ближние! Несметной толпой стоящие на берегу моря, сегодня более прекрасного, чем когда-либо. Омойте умиленными взорами стоящую перед вами, омойте ласковыми взглядами всю, с ног до головы, до последней морщины, до последнего сладкого изгиба. Омойте в священнодейственном порыве всю с ног до головы стоящую перед вами, не склоняющую и намало колен, чтобы скрыть хотя бы немногое от вас. Омойте, омойте!

Более же всего обратите внимание на эти ноги, давшие вино и хмель жизни столь многим! на эти бедра, бывшие и смертной плахой для столь многих полудетских станов, — из коих наготе

одного священствует кружево, связанное нежнейшими из сестер ваших.

Гонец. Царица! Отврати на миг грозную красоту свою! Он, который спал столько веков, проснулся! Как семя юноши, не знающее преград, течет его струение. Зеленые деревья, напрасно убегающие от его огненных хлябей, рыбаки с сетями и пахари с волами, всё вспыхивает, как комки серы, попав на его пути. Беги! Беги! Есть путь, есть тропинка над безднами! Беги, о дарующая жизнь!

Падает мертвым. Двое или трое безбородых, схватив плащи, убегают, давая увидеть клочья седых волос. Но несколько юношей, преградив путь, выхватив мечи, оставляют их на месте убитыми.

Все. Что это? Празднество — стремление к богу — нарушает дикая бессмысленная природа! Где же разум? где справедливость? Или ты, может быть, царица, разрешишь наше затруднение? Нам же жизнь не сладка...

Жрица. Дети, не изменить ли нам порядок празднества? Шествуемте все вместе и, когда увидим огненное бегущее, я взойду на высокий и вполне безопасный холм, и всякий, кто добежит до огненного чудовища и взойдет на холм, неся доказательством испепеленную руку, будет принят мной в сладостные и огненные объятия.

Но кроме того, сзади нас есть тропинка — и!.. кто хочет — ?

Юноши. Мы волим это... о!.. волим!

В восторге, сплетаясь в венки, уходят.

Несколько мужей. Мы же, приняв заранее освобождающей влаги из камней имеющихся у нас перстней, встанем здесь с мечами, чтобы преградить дорогу безбородым, если б они случайно оказались среди нас.

Прислужница (*на холме, у Жрицы*). Как хороши! Багряные, освещая всё и делая всё темным вокруг себя, бегут ручьи, а навстречу им бегут развевающиеся алые, голубые и белые плащи юношей. Как сверкают их ноги! голые плечи, кудрявые нежные затылки! Как крылья, их плащи! Два ручья. Кто прекрасней?

Все бегут вместе. Но вот один увидел. Прыжками, перескакивая товарищей, бежит в сторону. Ах, это он, милый мальчик! Он хочет повторить вчерашнюю ночь. Что заставляет его делать такие неестественные для всегдашнего изящества прыжки? Неужели только боязнь опоздать и не быть первым? Нет, я не ошиблась, госпожа, он первый добежал; смотри, как вспыхнула рука в золоте реки! отпрянул в темноту, бежит, развеваясь плащами, назад; он, его первого примешь, госпожа, в сладостное благословение.

Ах! золото ручья блестит и впереди его! ах, сомкнулось! но он успеет добежать, он перебежит! И не видно его: видны голубые плащи неудержимо стремящегося. Вот добежит, вот делает прыжок... ах, тонет, бедный, в текучем золоте, оставляя некоторое время развеваться несгорающие плащи. Ах, бедный, бедный мальчик! Не его ты будешь целовать в первых восторгах. Бедный, бедный...

Этому поделом: тучный, сгорает раньше, чем успеет вынуть руку, — туда же, залит!

А этот не надеется уйти; стоит с испепеленными руками, устремляя на тебя последний взор, давая себя обтекать золоту. Рухнул.

И всюду, в темноте, как червячки, загораются они...

Но что это, госпожа, блестит сзади нас? Или мне изменяют глаза, и я, семнадцати лет, старуха? Слыша то, что я говорю, твой взор не отвертывается от того, что ты видишь?..

Пусть так. Но вот мчится с сожженной рукой... к тебе... нет, падает... Вот быстрей ветра несется другой — тоже падает.

Толпы дожидающихся очереди у холма. «Скоро ли? Скоро ли?»

Жрица. Сейчас. Вот упал с сожженной рукою один. Несите его. И пока я буду осыпать его, мертвого, поцелуями, спокойно

и бестрепетно смотрите в лицо Сменяющей Меня. И когда я охлажу свое тело, я сойду к подножию холма и, предводительствуя вами, пойду навстречу Царственней Меня и передам свой жезл Лучшей Меня.

Многие. О! О! Мы узнали, что такое слезы!

Другие. Да будет воля твоя!

Дерзновенные. Мы не позволим! Мы хотим испытать свое счастье! Дай нам, царица, — иначе мы встанем тебе на пути с мечами!

Вкусившие освобождающей влаги мужи выступают с мечами и, после небольшой схватки, предают земле непокорных отроков.

Мужи. Не на это готовили мы свои мечи.

Жрица. Что же вы медлите?

Все. У нас опускаются, царица, руки выполнить твой страшный замысел.

Жрица. Ну, тогда я сама спущусь и, сожегши руку в потоке, отдамся первому, кого увижу сожженного, но ... живого. И тогда я пойду передать жезл Сменяющей Меня. Вы же...

Все. Мы не волим Сменяющей Тебя! Мы волим тебя одное!

Жрица. Что значит это возмущение всегда покорных мне? Или я уже не царица?!

Все безмолвствуют, потупясь.

Прислужница. Поток изменил свое направление. Огненная влага мертва, где струилась раньше.

Все. О! О!

Бросаются смеющейся толпой, и над вспыхнувшими ослепительным светом и погасшими телами повисает мост из живых человеческих тел. По временам кто-нибудь, кого ноги и руки испепелились, обрушивается, но его место занимает другой. Мост окутывается облаком пения, слабого и грустного.

Жрица. Я исполню вашу волю, предводительствуя вами, уйдемте отсюда. Но, быть может... Да, так и есть.

Делая дикие прыжки, перескакивая через тела умирающих, опрокидывая живущих, с страшной быстротой приближается юноша с двумя испепеленными руками и страшно вращающимися блестящими глазами.

Жрица. Я знала, что ты будешь. Это тебя я искала глазами. Вот я принимаю тебя в объятия и иду туда, где сплетенные тела юношей уготовали ложе. Вы же все, кто здесь ни есть, дающий ли себя обтекать огненной влаге или окунающий свечу-руку, или висящий, воспевая славу милому рождению, лозой в мосте, — не отрывайте от нас взоров и силой обмана зачаруйте себя, убежденные, что это вы стонете и трепещете в моих объятиях. Вот я веду тебя к желанному ложу, вы же взирайте!

Все. Мы делаем это!

Ожидающие очереди. Настал и наш черед! Не сходя с места мы обтекаемся огненной влагой и стоим, как дубы в половодье. То один, то другой из нас падает, но мы созерцаем тебя, созерцаем. Мы волим это!

Умирающий юноша (*подымающийся на локте*). О, как стонет он и трепещет в ее объятьях! О! Это я... (*Падает*).

Юноши моста. Мы поем славу милому рождению, но мы не отрываем взоров от той, кто расточает ласки испепелившему руку. Как стонет он!

П р и с л у ж н и ц а. Забыли они в своих ласках про всё. И взирающие на них забывают о другом. Таинству их причащаются, и пролитому вину и преломленному хлебу приобщаемся духовно все.

Но что это? Поток возвращается в старое русло. Рушится мост; один за другим падают под яростью волн юноши, и не успевают заменить их. Как лес, обрушаются толпы ожидающих очереди, с слабым возгласом: о! Яростней и яростней волны... Видно, хотят отнять у нас царицу; а она забыла о всем... Ах, огненные волны погребли ее и его! Ах, всё потоплено вокруг холма... видно, и мне пойти за госпожой, спустившись с холма и раздавая на пути поцелуи умирающим...

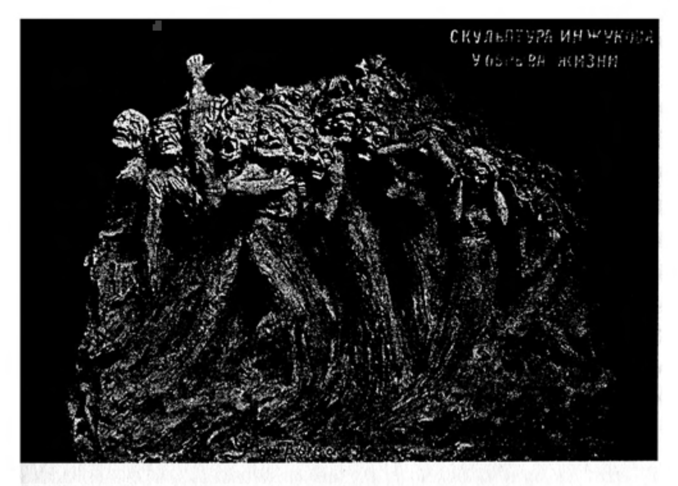
Спускается по склону.

Но расстанусь ли с платьем? Ах! в этом плаще держал он меня в объятьях, эту запонку наколол он!

Нет! Пусть золотые волны погребут меня, но платье оставлю на холме.

Ах! как блестит золотое зеркало! Увы мне! добросаю тела милых братий и последней ринусь сама в золотую волну!

Сурож.
Май 1908.

Иннокентий Жуков. У обрыва жизни. 1908.

ДЕВИЙ БОГ

Посвящается Т...

Первое

Дочь князя Солнца. Мамонько! Уж коровушки ревмя ревут, водиченьки просят, сердечные. Уж ты дозволь мне, родная, уж ты позволь, родимая, сбегаю я за водицей к колодцу, напиться им принесу, сердечушкам-голубушкам моим. Не велика беда, если княжеской дочке раз сбегать до колодца, за водой идучи, не перестану я быть дочерью Солнца, славного князя Солнца. И плечи мои не перестанут быть нежными и белыми от коромысла. А со двора все ушли слуги, нерадивые, кто куда.

Боярыня. Сходи, родная, сходи, болезная. И что это на тебя причуда какая нашла? О коровушке заботу лелеешь! То, бывало, жемчуга в воду-реченьку шутя кидаешь, — а сто́ят коровушек они, — или оксамиты палишь на игрищах у костров — а сто́ят жемчугов они, а то о коровушках заботу лелеешь. Иди, доня, пойди, напой их! Только зачем это кику надела с жемчужной цкой? Еще утащит тебя в реку из-за нее водяной, и достанешься ты не морскому негуту, а своей родной нечисти. Или боднет тебя буренушка, а и страшная же она!

Молва, дочь князя Солнца. О, мамо, мамо! Буду идти мимо Спячих, и не хорошо, если увидят меня простоволосой. Лучше жемчужную кику иметь, идя и по воду для коровушек.

Мать Молвы. Иди, иди, незлавушка, иди, иди, красавица! (*Целует ее, склоненную, с распущенными волосами, в лоб. Княжна, раскрасневшись, с лицом радостным и отчаянным, уходит*). Только почему это я коровьего мыка не слышу? Или на старости глуха стала? (*Перебирает в ларце вещи*).

Вбегает старуха, всплескивая руками.

Старуха. О, мать-княгинюшка! Да послушай же ты, что содеялось! Да послушай же ты, какая напасть навеялась! Не сокол на серых утиц, не злой ястреб на голубиц, на голубиц невинных, голубиц ненаглядных, голубиц милых — Девий бог, как снег на голову. Девий бог, он явился, Девий бог.

Боярыня (*в ужасе*). Девий бог! Девий бог!

Старуха. Явился незваный, негаданный. Явился ворог злой, недруг, соколий глаз. С ума нас свести, дур наших взбесить. О, сколько же бед будет! Иные будут, шатаясь, ходить, делая, широкими и безумными от счастья глаза и твердя тихо — «он, он». Другие, лапушка моя, по-разному не взвидят света.

Княгиня. Ах ты, напасть какая! Ах ты, туча на счастье наше. На счастье наше золотое, никем не поруганное, никем не охаянное, не позоренное. Уж я ли не наказывала Бельше: чуть проведаешь, что лихо девичье в городе — ворота на замок, на замок — резные, а ключ либо в воду, либо мне. Да собак позлее пусти по двору, чтобы никто весточки не мог передать, той ли записочки мелкочетчатой. То-то коровушкам пить захотелось! То-то в жемчугах идти нужда стала. И девки разбежались все. О, лукавая же, ненаглядная моя! И истрепала бы ее ненаглядные косы, если бы не любила пуще отца-матери, пуще остатка дней, ее, золотую, и золотую до пят косу. И лишь равно-мил синечерный кудрями Сновид. Но он на далеком студеном море славит русское имя.

Входят другие женщины, всплескивая руками.

Женщины. Сказывают, что царская дочь, как селяниночка-поляниночка одета, и тоже не сводит безумных глаз с девичьего лиха.

А говорят, красоты несказанной, ни сонной, ни сказочной, а своей.

А и седые срамницы, сказывают, есть, и тоже не сводят безумных глаз с голубоокого. А он хотя бы посмотрел на кого. Идет и кому-то улыбается. А и неведомо, кому. Берет из-за пояса свирель и поет, улыбаясь. А и зачем поет, и откуда пришел, и надолго ли, — неизвестно. И куда — неслыханно, незнаемо. И куда идем — не знаем. Уж не последние ли времена пришли? Нет, в наше время знали стыд, и девушки не смели буйствовать, ослушиваясь родительской воли. А ныне, куда идем — неизвестно. Уж, знать, последние времена наступают.

Ах, седые волосы, седые волосы!

Старуха. Что княгиня, задорого отдашь серебряное зеркало? Дай, посмотрю, может быть, облюбую и любую дам за него цену. Греческой работы. А из Фермакопеи?

Княгиня. Нет, жидовин из Бабилу привез.

Доброслава. А, из Бабилу! Сколько лет, сколько морщин. И глаза уж не те, не так когда-то блестели. Ах, молодые девичьи годы. И почему так, солнце, закатываясь, знает, родимое, что взойдет зарей заутра. А, постарев, снова станем молодыми? Нет, видно не станем! Что-то не видно старых подруг! Ах, бывало, иные из них черноглазы и быстроноги...

Видно, пойти искать мне мою срамницу! А то нет?

Княгиня Гордята. Стыдись, матушка! Наши лета уже не те.

Доброслава. Хоть раз взглянуть на него, какой он из себя.

Княгиня Гордята. Нет, пошла бы к Спесивые Очи, да не на кого двор оставить.

Доброслава. А ты собак с цепи спусти. Да побей их хорошенько, чтоб злее были.

Что это я сегодня нечесаная какая, точно поминки справляю по мужу.

Гордята. И мне, видно, приодеться (*раскрывает сундук и вытаскивает платье, осыпанное каменьями*).

Доброслава. Уж дай, матушка, и я оденусь. Некогда мне бежать к своему скарбу (*одевается*). Что это, колокол? Знать, вече. Видно, правду сказывали детинушки, что молодцы разделятся и что одни пойдут войной на Девичьего бога, замыслили его убить, а другие встанут на защиту.

Гордята. Страсти какие! (*Обе встают и одеваются*).

Доброслава. Что это, шум! Знать, недалеко проходят. И поют и поют... Ах ты, несчастье какое!

> Накидывают платок и выбегают во двор на зеленый луг перед частоколом князя Солнца. Впереди, взявшись за руки и полуповернувшись к Девьему богу, идут девушки, рассеивая цветы, и поют.

Девушки.
Нам сказали, что ты человек,
А мы не верим, а мы не верим!
Нам сказали, что ты <не>бог,
А мы не верим, а мы не верим!
Нам говорят, что ты не Лель,
А мы не верим, а мы не верим.

Смотрящаяся толпа. Впереди шествуют девушки, смотрите, смотрите — они в венках широких приречных трав, покрывающих зелеными лучами их локти, стан и темя. И каждая, как солнце.

Они выходят вперед и пляшут, смотря то на землю, то на учителя. И поют: «Нам сказали, что ты не бог», — поет голубоокий сейчас, тогда черноглазый, запевало, — «а мы не верим», — отвечает ему — слушайте, слушайте, — весь нежно пляшущий полк, ударяя в ладоши и доверяя радость в глазах...

Сзади, теснясь, из узкого, стесненного жестокими суровыми бревнами переулка — его безобразие уменьшено скатами крыш, скворешнями и старыми ветлами, — выливается, подобно весеннему пруду, толпа и наполняет лужайку перед двором князя. Девий бог идет, улыбаясь, — преклоняйтесь, преклоняйтесь! — и держит в руках тростниковую свирель — кружитесь, кружитесь! — играя, когда они поют: «Нам сказали, что ты не...»

Из ворот славного князя Солнца выбежали — куда, куда? — две знатных боярыни. Мелькают кокошники, венки зеленых полевых трав, красные лица, яркие глаза, радость нежной и молодой толпы. Из узкого переулка делает попытку проехать на коне богатый длиннобородый человек. К нему поспешают красивейшие из девушек — и, взявши под уздцы, отводят коня назад. И он <сидит> на коне неподвижно, смотря на их радость, как осокорь на молодой ручей.

Молва (*радостно говоря*). Мамонько, мамонько! И ты пришла! И Доброслава! Видели нашего бога? О, как я рада, что ты пришла! Видишь — вот он. Он сейчас засмеется. Потому что я заметила — он улыбается всякий раз, когда поют: «...Что ты не бог». Видишь, он сейчас смеется.

Толпа (*поет*). «...Нам говорили, что ты не бог» и «...А мы не верим...» и «Видите, видите...» (*Девий бог улыбается широко и открыто*).

Молва. Мамонько, мамонько, к нему подошла царская дочка и, открыв покрывало, сняла, чтобы он поцеловал ее. Но он толь-

ко посмотрел на нее и улыбнулся, как ... не знаю, как дитя. А она еще веселее стала скакать и еще веселее бить в ладоши.

Мамонько, хорошие коровы, а? И ведра все, видишь, стоят на завалинке, и коромысла там. И наши все сенные девушки здесь. Вот Быстрява, вот Зорька и Тиха здесь же.

Мамонько, а мамонько! Красивый наш бог?

Гордята. Ну уж нечего сказать. Красив-то — красив, очень красив... да... смеется. Что и говорить, девское чудо! Так ты правду говоришь, что здесь царская дочь? Да! И она открыла свое покрывало, чтоб он ее поцеловал? И он ее не поцеловал? Вот бесстыдница! Вот уж придешь, береги свою косу! золотую, чесаную.

Молва. А там, на Перуновом поле, война. Наши братья защищаются, а наши женихи поклялись его убить. И Гомон там, и Тишина, и Крик. И Смех там, и он за нас. А Осетр, Вепрь, Вечер, Ветер схватили меч и против. И все там. Кто за нас, кто против нас. И только один Небо остался в храме и молится там. А убить его они все-таки не могут, потому что сначала они должны убить нас, а потом уж его. А на своих невест никто из них не пойдет. А некоторые говорят, что и убить его нельзя, потому что он бог. А это что? А — (*Подымает ворот рубахи, и оттуда блистают надетые латы*). А! (*Смеется*). А это что? (*Подымает руку, и в руке из-под цветов блестит короткий меч*).

Гордята. Ах ты, батюшки! До чего мы дожили! Девушки в броне! Девки наши мечи и латы понадевали.

Боярыня. О, мать, мать!

Гордята. Так нет же! Не ударит меч о твою звонкую кольчугу и не пробьет твою нежную грудь. Раньше пронижет мою <старую> грудь и грудь верных наших слуг, а потом уж дойдет до тебя. Я защищу тебя, мое дитятко ненаглядное. Иди, иди смот-

ри на своего бога; сколько хочешь смотри, вволю смотри и не бойся. Я, старая мать твоя, здесь, с тобой, не оставлю тебя. Сенные девушки, идите за ней. И за своего бога не бойся. Не посмеют мальчики сделать вот столько зла. Иди, любуйся на него вволю. Уж я не выдам своего дитяти. И слуги здесь. И старая испытанная челядь здесь. Пой, пой.

Посторонние поющие. Вон девушки прекраснейшего племени, над головой держа венки из трав, пляшут и поют: «Нам наши глаза сказали, что ты не человек. А мы им верим! А мы им верим!» О, какое ликование и какая радость! Сколько веселоглазых и радостноликих. Но что это, шум голосов на соседней площади! Видно, мимо частокола островерхого забора как кто-то проскакал на коне с копьем и в золотом шишаке и отступил. И уж он падает с коня, увлекая за собой длинное дрожащее копье. Ах, это Ручей упал. Слышим, слышим звон мечей. Теперь уж не расслышать ни богу, ни смертному песни вокруг него. Все слилось в общий стон и радость. И кружатся, и кружатся, быстрее можно ли кружиться? И он стоит, улыбаясь, и держит в руках свирель.

Глаза всех запылали не своим огнем. Некоторые стоят, отклонившись, и держат поднятым двуострый меч. Таинственным образом на головах некоторых заблестели шишаки — о, как прекрасна гребнистая медь на смеющихся кудрях. Как лихо надеты шишаки, защита от беспощадных стрел.

Молва. Мамо! Мамо!

Толпа. Все яростнее битва, завывание битвы. Там и здесь раздаются стоны. И вот уже из переулка бегут убить бога. Им рассыпается навстречу толпа девушек в шишаках и с мечами.

Молва. Мамо, мамо, видишь — это священная дружина!

Толпа. Он же берет в руку свирель и, смеясь ясными глазами, смотрит на пробегающих убийц. Девушки кружатся в круге, другие подымают высоко руку и, ударяя в ладоши, озираясь,

восклицают: «Бог! Бог!.. Верим, верим! мы! мы! Смертные, земные!» Он держит в руках свирель и по-прежнему улыбается глазами, ища кругом взорами опасность.

Убийцы, устремленные вперед диким порывом, остановились, точно просыпаясь, и смотрят, так как повернули на них железо мечей, обнажив их, защищающие <его> шлемоносицы, и лезвие мечей женихов у самого строя невест.

Несколько шагов отделяют строй невест в латах с звездами и солнцами на груди и гребнистых шишаках на золотых рассыпавшихся волосах и ряд мечей остановившихся в разбеге женихов. Что будет? Что станет? Но смотрите, Гордята выбегает из толпы к дому с руками, протянутыми в ужасе, и седыми выбившимися волосами; возвращается во главе слуг и заполняет пространство между теми и другими. С другой стороны главный жрец Перуна, сопровождаемый седовласыми, идет, заставляя наклонять головы до земли и падать на землю богомольных. Все склоняются, и самые девушки в шишаках, головами до земли. Он быстро проходит между их рядов, не останавливаясь, и доходит до причины смуты, который стоит, ожидая. И, наклоняясь, говорит ему священные слова.

Юноша передает ему свирель и, поклонясь, идет за быстро удаляющимся стариком.

Он проходит между двух рядов взглядов, одного — враждебного и полного ненависти — женихов, другого — богомольного и благоговейного — стоявших на коленях в шишаках девушек.

Убийцы и невесты, блеснув глазами, встают с колен и расходятся в стороны.

Девушки (*поют*). Ты был с нами,
Мы молились тебе!
Ты ушел от нас,
Мы будем помнить о тебе!

Толпа. Седые слуги — смотрите, смотрите! — встают с коленопреклонения и, поддерживая под руки залитую слезами Гор-

дяту, близкую к обморочному состоянию, с упавшей на плечи головой, ведут через опустевший луг к славному княжьему двору. Проносят безнадежно повисшего руками, со склоненной головой, умирающего Ручья.

Братья и женихи, встречаясь на площади, сумрачно блестят глазами. Но что это? Приезжает тысяцкий разбирать побоище и драку.

Бирючи зовут женихов и братьев на осударев двор для суда над Девьим богом.

Слышите, слышите! «То есть дело не малое, и неведомо никому, кто виновнее в нем, молодцы или девы и их бог. А потому ступайте, малый и великий, на осударев двор, и он вас рассудит, как бог на душу положит, великий и светлый разумом государь».

О, сладко слушаться власти! В ней слышится голос большего нас разума! И ужас ее ослушаться. Вон толпы спешат на судбище, идемте и мы.

Второе

Двое знатнейших русичей выносят меч из темного храма на ступени, перед кумиром Перуна.

Главный жрец (*стоящий на предверхней ступени*). Двое ли вы несете меч?

И отвечают Руд и Рох:

— Да, вдвоем, потому что одному не снести его.

Жрец. Не разрезается ли надвое волос, падая на него?

Руд и Рох. Да, разрезается.

Жрец. О, Перун, суди чудесным мечом, карающим сказавшего неправду!

Толпа. Вон, вводят раба.

Жрец. Ты обвиняешься в том, что ночью убил своего господина. Убил ли ты его?

Раб. Нет, он...

Меч падает и разрубает раба на части. Толпа падает на колени и охает в ужасе. Вводят на возвышенье Девьего бога.

Жрец (*к толпе*). Кто этот человек?

Одни. Мы не знаем, кто он. Он пришел смутить нас. Он заставил девушек, с мечами и в шишаках, устремиться против едва не вступивших в битву с девичьей ратью женихов. Он покрыл кровью семьи, заставляя в распре женихов выступать против братьев невест. И братья краснили латы друг друга, обрызгивая их кровью. Он прекратил торговлю и ходьбу на многих улицах. Он подверг расхищению наши жилища, когда все ушли. Он разорил многие роды, заставляя девушек в исступлении рассеивать по земле нити жемчуга и бросать в воду серебряные кики.

Другие. Он вносит смуту в наши семьи и говорит, что он бог.

Возражающие. Мы не знаем, чтобы он говорил, что он бог, но он заставил нас уверовать в то, что он бог, и сделал всех безумными.

Одни. Он сын рыбака и ведьмы.

Другие. Его видели в обществе с женщиной, улетевшей сорокой.

Новые. Он сын казненного раба, смерть которого была отсрочена на несколько дней.

Другие. Никому неведомо, кто он, может быть, он и бог, но он подлежит казни.

Голоса из толпы. Он человек, он человек!

Жрец. Кто ты, о Девий бог?

Девий бог (*сохраняя неизменную улыбку*). Вы хотите, здесь стоящие, чтоб я сказал, что я человек. Хорошо, я говорю: я — человек.

Меч падает, не поражая Девьего бога, и остается лежать у его ног.

Жрец (*наклоняясь, целует меч, лежащий у ног Девьего бога, потом, подымаясь*). О, князья Страх и Ужас, возьмите меч и положите в руки Перуну. (*К отроку*). Быть может, ты скажешь, что ты бог?

Девий бог (*наклоняя голову, с улыбкой, чуть слышно*). Да.

Все жрецы, князья, толпа припадают взглядами к мечу. Жрец молчит, смотря, выжидая и подняв руки. Взоры всех, следя за мечом, подымаются все выше и выше.

Жрец. Он не упал.

Толпа. О! О! О!

Кто-то. Слышите! Слабый женский голос, несущийся из толпы: «Бог». И всюду многие с внезапной верой восклицают: «Он Бог!» И уже рождается какая-то буря голосов, то утихающая, то разрастающаяся, сливающаяся в один голос: «Он Бог!»

Девий бог (*с улыбкой*). Нет, я человек.

Кто-то из толпы. Меч не упал.

Жрец склоняется на колени и целует край одежды стоящего Девьего бога.

Из толпы. Как можно быть сразу и богом и человеком? Он безбожник и оскорбляет святыню.

Молодые Очи. Не он безбожник, а меч не священен.

Жрец. Кто сказал, что меч обманывает?

Молодые Очи. Я. (*Движение в толпе*). О, кто бы ты ни был, и какое бы имя ни присваивал себе, дай встать под судящим мечом отроку.

Выходит из толпы жених с русой бородой и черными блестящими глазами.

Молодые Очи. Вот я встаю на это, уже не святое место...

Голоса в толпе (*кричат*). Меч задрожал, меч задрожал, бойся!

Жрец. Не делай напрасного опыта, человек.

Молодые Очи. Старик! Солгал не заклавший меч. (*Вставая*). Задай мне нужные вопросы.

Жрец стоит с грустной улыбкой.

Молодые Очи. Ну что ж, я сам себя спрошу. (*Подымая глаза к небу*). Кто я, здесь стоящий? Я бог.

Меч падает и разрубает его на части, уроненный золоченым кумиром с обнаженными зубами и сердитым видом. Толпа молчит.

Жрец. О, кто б ты ни был! Мы смертны, и не боги. Ты пришел смутить нас и лишил возможности жить нам так, как велели боги. Уйди от нас.

Девий бог склоняется на колени и целует край одежды жреца.

Старик из толпы. Отче святой! Пусть боги... Пусть меч, низверженный богом, за дерзкое слово казнил Молодые Очи, но этот принес нам зло, он отнял у нас невест и подлежит за это казни.

Слабые голоса. Он прав!

Девий бог (*смеясь*). Он прав.

Жрец. Хорошо, да будешь ты судим по человеческому закону. За нашу смуту, побоище и распрю ты подлежишь смертной казни и ты ее примешь, если на то будет воля твоя. Честные, о мужи! Тот, кто стоит здесь, присудил себя по законам нашим к смертной казни. Да будет воля его.

Ведут его со связанными руками на лобное место. Колыхаются, подобно водам, толпы народа. Многие молятся. Читают молитвы. Зажигают костер под стоящим Девьим богом обреченные, мрачные преступники.

Устремляющиеся из переулка люди. Что вы делаете, что вы делаете! Вы предаете смертной казни неизвестного, когда он бесчинствует на другом конце города. Он собирает толпы зачарованных девушек и поет и рассказывает о звездах, показывая рукой, и пляшет. Так они безумствуют вместе. И опять уже загораются схватки женихов и братьев, как светящееся море перед грозой.

Заведующие казнью. Мы казним казнью согласно с его волей и не в противоречии с людскими законами.

Новоприбывшие. Ты притворяешься, неизвестный! Ты не Девий бог!

Девий бог. Ты прав, я не Девий бог!

Выскальзывает из рук и подымается к небу облаком.

Третье

У князя Солнца.

Гордята (*к Молве*). И тебе не стыдно! Уж солнце закатилось, уж заря потухла, а ты только возвращаешься. Уж наше сердце истомилось, тебя ожидаючи.

Молва. А, мамо, что было! В то время, как казнили Неведомого, принявшего образ Девьего бога, мы с ним весело проводили время на холмах, за городом. Он достал где-то подсолнечник и сидел с ним в руке на холме и, отрывая лепестки, гадал, сколько нам лет. После мы пели, плясали, кружились вокруг него и костров, а когда мы ушли, то пришли нищие и собрали много жемчуга, который мы насыпали, срывая с себя, ему в руку, а он бросал, следя за полетом, и смеялся, когда полет был красив и лалы, блеснув, рассыпались по земле. Нам всем было очень приятно отдавать жемчуг, но совсем не приятно, когда эти противные нищие собрали и надевали на шеи с кожей грубой, как колено верблюда.

Гордята. А твои жемчуга где? Как, ты тоже раскидала жемчуг!

Молва. Конечно! Неужели я останусь сидеть как глупенькая, когда все подходили и насыпали ему жемчуг в руку.

Гордята. Но ведь это твоей прабабушки.

Молва. Ну так что ж, что прабабушки. (*Смеясь*). Зато я внучка.

Константин Коровин. Северная идиллия. 1886.

Князь Солнце. Ну и ну!

Молва. Мы все думали, что это был просто человек, и не могли понять, зачем его судили. Так как юноши объединились в общем замысле убить его тайно, во время сна, то его охраняет отряд медью облаченных подруг, и он заснул с своим подсолнечником, окруженный неспящими с блестящими при луне латами и шлемами. Его невозможно найти, так как он скрылся, окруженный девичьей ратью в Священной Роще на бесовых холмищах. И то место со всех сторон окружено деревьями.

Княжич Шум. Вот я пойду и скажу это.

Молва. Это будет подлость, и ты будешь сыщик. (*Продолжая рассказывать*). Засыпая, он почему-то велел завязать себе глаза. Почему-то рассказывают, что в 12 часов он проснется и пойдет с подсолнечником в руке, с завязанными глазами, по лунной тропе.

Гордята. А как он одет?

Молва. Во-первых, он не расстается со своей дудкой, которую он срезал из тростника, которому молится. Затем в белую рубашку и белые портки, белые онучи и лапти. За поясом у него свирель и гребень и ножик для срезания луков, из которых он учил нас стрелять.

Вообще он нисколько не походит на бога; это просто очень, очень милый молодой человек.

Старый князь. Молодчик.

Мать Гордята. Оладьи с сушеными грушами покушай — проголодалась, набегалась.

Молва. Нет, я уж больше не хочу; меня, кажется, кто-то зовет.

Гордята. Смотри, опять не уйди с ним на Священную Гору.

Молва (*уходя*). Было бы странным...

Горничная. А княжна ведь ушла! Да! Приказали мне принести сулею вишневого варенья да платочек потеплее и объявили, что изволят угостить своего бога вареньем. И еще взяли свою вышивку, чтобы не было скучно сидеть, если назначат часовым.

Гордята (*подымаясь*). Я же говорила! Я же говорила!

Княжич. Однако, это я не знаю, что такое. (*Ходит по комнате*). Ходит по ночам! Эти вольности доведут, я не знаю, до чего. Какой-то бродяга. Я пойду и убью его.

Князь Солнце. Ну, не так-то скоро. Однако, нужно принять меры. (*Одевается и уходит*).

<I>

Светелка, наполненная по большей части безусыми вооруженными юношами.

Один (*с приподнятой смешно губой и устремленными поверх слушателей глазами*). Вот что, этому нужно положить конец! Вам известно, что бродяга, отрок, ничем, решительно, не выдающийся, ничем не отличающийся, завладел, или, вернее, похитил сердца всех прекрасных барышень столицы. Мне достоверно передавали, что там ничего предосудительного не происходит — они просто собираются и проводят время вместе, как если бы у них отняли половину их лет. Но что их ожидает в будущем! Что с честью их и их семей! Да, мы должны его убить. Его участь решена не нами. Мы только исполнители. Его не следует порочить. Но и не следует щадить. Он должен пасть. Но, говорят, там есть отряд вооруженных девушек. Как с ними поступить? Нет никакого сомнения, что они станут защищать своего любимца. Я предлагаю поднять меч и на них, но пусть, кто убь-

ет не его, упадет грудью сам на меч. Я кончил. Несогласных с моим предложением прошу поднять руку. Раз... два... При одном воздержавшемся, семь за, два против. Угодно собранию...

Остальные. Мы согласны.

Княжич Шум. Я пришел к вам. Я знаю, где он. Он в Священной Роще. Мне сказала об этом сестра.

Председательствующий. Я поздравляю вас с сообщительностью, которая привела вас сюда, и предлагаю собранию вернуться к порядку дня.

Вошедший. В чем цель вашего собрания?

Председательствующий. Мы решили переселиться в души наших предков. Для этого мы перешли в прошлое на 11 веков. Но пришел он и смутил наш покой. Мы обсуждаем способы, опираясь на меч, восстановить покой.

Четвертое

Высокая роща священных дубов. На сучках некоторых кумирообразные изображения богов. На холме спит Девий бог, окруженный бодрствующими девушками в латах.

Княжна Молва. Вот и я. Я принесла вам вишневого варенья, а сама закуталась в теплый платок. Хотите?

Одна. Благодарствуем.

Молва. Когда проснется учитель, я угощу его вареньем.

Одна (*приподымая голову*). Он спит еще. Как хорошо светятся на горе наши жемчуга, сорванные нами с себя, — словно

светляки на холме. Но (*прикладывая палец к губам*) тише. Он подымает голову. У него на глазах повязка. Он идет, спускаясь к нам с холма, и держит в руках свой подсолнечник. Нет, он направляется в лес, куда ему повелевает идти падающая с неба полоса света. Идемте быстрее за ним.

Блестя латами, девушки восходят на холм, чтобы идти за ним.

1-я латница. Он идет и точно спит.

2-я латница. Он идет, держа руку, — точно его ведет за нее чья-то большая рука.

3-я латница. Он проходит между деревьев, посвященных Леуне.

2-я латница. Идемте же быстрее, так как его может ожидать опасность.

1-я латница. Кто это между нами? Она появилась вдруг там, где она сейчас, ниоткуда не приходя. Смотрите, смотрите, я через нее прохожу, и она возникает тотчас за мной. В руке ее копье, а на стане легкий плащ.

2-я латница. И я тоже. Я пересекла ее копье, и оно тотчас же сомкнулось за мной.

3-я латница. Я свободно прохожу через нее, но смотрите, не держит ли она на привязи двух гончих, двух быстрых собак.

Все. Да, держит.

3-я латница. Но всмотритесь, не возникают ли на его голове рога, и не бежит ли он, преследуемый, бегом оленя.

Все. Да, он бежит, как преследуемый, и над ним рога. Да, мы видим, он гонимый олень.

Нет, это нам показалось, потому что он снова идет, держа в руке золотой цветок, как всегда, как всегда — тот.

Девий бог. О, девушки, вы собрались вокруг меня, как цветы вокруг ручья, который им звенит, но холоден; теперь же я иду к той, которой я цветок, поворачивающий к ней голову, как к ночной Леуне.

Некоторые латницы. Он поет! Да! К нам холодный, он идет к той, которая будет холодна к нему. О, бездушная Воля! О, попирающая людские души Судьба! Мы разбросали свои жемчуга, сравнив ночной холм в блеске с звездным небом. Мы истребили свои души в богослужении ему, он же остался холоден и идет к той, которая будет холодна к нему и перед которой бросает свои слова и чувства, как снятый с шеи жемчуг.

О, несправедливая, злая Судьба. О, бедные, бедные мы. Не оставить ли нам его? Не пойти ли к нашим близким, братьям и сестрам, оплакивающим нас, сидя у вечернего огня. Нет, потому что и горе наше — сладчайший мед, который мы когда-нибудь пили, и несправедливо оставить его одного в темной роще с цветком в руке, среди, может быть, подстерегающих убийц. Идемте по темной роще, подымаясь и спускаясь по холмам, и пусть изображения богов, смотрящих с веток, будут свидетелями верности девичьей рати Ему, несравненному, Ему, ненаглядному.

Смотрите, девушки, здесь река. Кто, невидимый, оставил здесь челн, где его никогда не бывает, оставив столько мест, сколько нас, присутствующих?

И кто сел, молчаливо сел у кормы, благодаря чему челн сам идет поперек волн, без помощи чьих-либо весел? То Рок. То, видно, он принял на себя труд перевозчика, чтобы облегчить нам выполнение его указаний.

Ах, таитесь, девы, боязливо и страшно в страшном присутствии Рока. Вот молчаливо и прозрачно светится он на носу челна, предвещая страшное. И куда мы стремимся по волнам, не знаем.

Лейтесь за нами, струи, и донесите о нас печальную весть нашим семьям, так как мы плывем, ведомые Роком.

Но река надвигается туда, где раньше была улица. И вот уже мы на суше. Но что? Не ищущие ли везде убийцы мелькнули сзади нас? Сестры, сестры, пора нам доказать, что не напрасно эти руки взяли меч и что не робкое сердце защищают эти латы. Ах, как ярок свет светочей и это Рок, что каждая из нас встретила здесь своего оскорбленного поклонника.

Но мы не нарушим законов человеческих, и каждая из нас выберет лишь чужого друга.

Как ужасен свет светочей!

Как, неужели с ними и наши братья?

Увы нам! Но нет, они вкладывают мечи в ножны и остаются в отдалении. Счастье, счастье, что готовая вспыхнуть война между единокровными отодвинута от нас на сколько дней! на сколько мигов! А он, божественный, все идет и снова имеет вид оленя, и снова между нами его лунная, с двумя гончими, воительница. Славьте, девы, судьбу и предотвращенное нарушение всех людских законов. А он все идет, и не кажется ли вам, точно он дрожит, останавливаясь?

Да, он остановился. Но в то время, из-за переулка, где рога многих жертв охоты придают переулку вид леса, показывается зарево светоча.

Уж не ищущие ли его убийцы показались оттуда? Нет, это дева! Но не коварный ли замысел затаила она? Или это кто-нибудь переодетый в девичье платье? Нет, ее лицо слишком прекрасно, она слишком прекрасна и лицом и станом. Смотрите, он дрожит.

Смотрите, божественная гонительница уже настигает его гончими. Смотрите, он протягивает ей цветок, зачем? Нечаянным движением она спалила его цветок. Она не замечает его и идет дальше, ослепленная светом своего пламени, не заметив его и, торопясь, входит в калитку. Ах, уже гончие настигают его, и он падает, издавая страшный крик. Пронзительный, ужасный крик! Он лежит, терзаемый лунной охотой.

Жалко его. И где его лицо? Оно искажено судорогой, и не узнаем мы в нем его. О, несемте ласково его, страждущего, в ближайшее жилище.

И ласковыми заботами постараемся отвратить неотвратимый удар страшного Рока.

И где божественная гонительница?

Ее нет, как нет ее гончих собак. Кончена охота.

К тебе же, гордой, мы затаили беспощадную месть. И лишь неизвестное нам сердце Милого мешает растерзать тебя мечами и умчать тебя, окровавленную и преследуемую, в рощи.

Ночной дозор. Кто здесь в латах и с мечами в позднее время? И кто лежащий с опаленным цветком и лицом, искаженным от мук, на земле? Уж не Девий ли это бог? Да, это он! Да будет ему известно, что за великую распрю, внесенную в наши семьи, он обречен на смертную казнь, но что в его воле, — так как никому неведомо, кто он, божественный ли от природы или нет, — подчиниться суду или не принять его.

Девий бог (*слабым голосом, тихо*). Я не принимаю казнь.

Начальник дозора и все склоняют головы.

Начальник дозора. Вам же, латницы, повелено прекратить ночные сборища и вернуться в ваши семьи и быть снисходительней к земным юношам и быть ласковей до их домогательств. Сейчас же можете перенести его в частное жилище и ухаживать за ним и исполнить все, что повелевают вам сострадание и ваша природа, по отношению к тому, над которым тяготеет Рок. Идите, княжеские и царские дочери, в ваши жилища.

Воины дозора. О, прекрасное зрелище! Прекраснейшие девушки знаменитейшего племени в латах и с мечами и с шишаками на голове, озаренные пламенем колеблемых светочей!

Мы думали, что только в сказках и божественных истинах возможно это. Но и невозможное бывает. И тот, жалкий! жалкий! Несчастный, несчастный! Вчера счастливейший, сегодня несчастнейший из смертных, лежащий на земле лицом, поднятым к небу, и с кудрями, смешанными с грязью.

Учитесь, люди, горечи земного, даже когда оно личина!

Но беремте носилки, чтобы отнести его в ближнее жилище.

Пятое

Башня-пристройка.

Любава (*перечитывая письмо*). «Вчера я встретилась с безумцем, который протянул мне цветок. Испуганная нечаянным движением светоча, я спалила неосторожно цветок и, вероятно, испугала его, потому что он испустил стон, похожий на те, которые издаются во сне. Может быть, это был Девий бог. По крайней мере, за ним стояло много девушек в латах со светочами в руках, столь прекрасных и знатных, что я могла пройти мимо них только с потупленными глазами. Они бросали на меня взгляды ненависти и презрения. Если это тот отрок, о котором я так много слышала, то я, вероятно, заслужила <эти> взгляды.

Страшно мне бродить одной по тропинкам судеб, — как говорил мой учитель.

Вчера я встретилась еще с одним юношей (это было до того) и сегодня жду с ним новой встречи. Сердце сладко бьется. Хотя я на той высоте и на той тропе, откуда падают только со смертью.

Всего лучшего, Зорелюба. Передай также лучшие пожелания брату Сновиду и попроси его приехать, чтоб быть свидетелем моего счастья или несчастья». Всё. О старушке Весенние Глазки не упомянула, но это потом.

Достаточно ли на мне чистое платье? И достаточно ли прибрала свои волосы? И что все это значит?

Ведь не по своей же воле юноша с повязанными глазами шел ко мне, презрев столько опасностей, из темной рощи, где под изображениями богов его подстерегли, может быть, убийцы. Так и мое сердце не покоится ли в чьих-то сильных руках? Но оно доверчиво и не бьется сильнее обыкновенного.

Что будет, что будет сегодня? Не надеть ли мне другое платье? Нет, в детстве меня приучали к скромности, и то платье, которое на мне, не превышает моих понятий о строгом и благородном вкусе. Пойду такой, какой я одета сейчас. (*Запирает*

на ключ дверь и идет по дороге). Мне нужно пройти мимо города на холме по тропинке среди рощ сосен и дубов, где храм Черной Смерти.

О, какое страшное имя! Но почему только сейчас заметила я его? Только произнесла, и все уже окрасилось в темный цвет и стало мрачным. Нет, нельзя быть такой ветреной. Вот и подъем на гору. Но кто это? Предшествующий толпе старцев и детей, со взором прекрасным и страшным, нет, не страшным, — ужасным. Отчего его черный взгляд прикован ко мне?.. Почему черты его исполнены какого-то совета бежать и каким-то гневом? Почему его глаза исполнены той же ненавистью, которой горели вчера глаза девушек в латах? Или бежать мне, страшась этого взора? Или бежать мне без оглядки и с протянутыми вперед руками по склону зеленого холма от этого взгляда? Или бежать мне? Но ведь это он! Это он! Что так страшно изменило его взгляд? Нет, с горькой решимостью замкну свое сердце и пойду навстречу неумолимому взгляду и встречу его поцелуем, как с утра велит мое сердце. Ты, сияющий вдали! Я иду к тебе. Но не та же ли толпа девушек показывается там? И не этот ли вчерашний стоит там со взглядом ужасным и вот опускается на колени и поникает волосами до земли, и снова встает, закрывает лицо руками и смотрит глазом ужасным и плачет? И почему кто-то машет руками с отчаянным видом — тот, самый дальний?..

И почему какая-то хромая уродливая старушка, со взором злобным, стремится с поля пересечь мне путь и кричит, чтоб я остановилась, явно желая опередить меня? Нет! О, как прекрасен Девий бог, ныне стоящий без повязки, с лицом печальным, и впереди своих хранительниц!

И для того ли я вчера отвергла его мольбы, чтоб сегодня отказаться от того, кому я была верна вчера и сейчас?

И кто все превзошел собой? Но для чего все нарастает печаль и бешенство в печальных и одиноких глазах и искривляется страданием? Он замедляет шаг, задерживая ноги, явно, чтобы дать старухе, горбатой и уродливой, опередить меня; но я сама устремляюсь вперед, я сама поспешаю навстречу ему, убыстряя шаги к

нему, единственному, допустившему такое соревнование. Но я ближе, но я вижу, как загораются глаза такой силой прощенья, такой любовью, после которой самое ужасное простимо и легко.

О, я вспоминаю обряды Чумноуста и, гордая, иду навстречу им. Только отчего рыдает Девий бог, поднося к голове руку, и слезы на глазах девушек в латах?

Прочь! прочь, костлявая старушка, хватающая меня за руку... Ты видишь, я отталкиваю тебя, заставляю тебя со смехом падать на землю. Но ты задерживаешь меня, хватаясь за полу. Напрасно!

Хор присутствующих. Свершилось! О, почему не старец, не больной, не преступивший законов совести?

Почему красивейшая девушка, отвергшая, побуждаемая Роком, домогательства Девьего бога, его, который был равнодушен ко всем земным, бросившим на его пути ожерелья, встречается ему на этом пути, неся «да» осужденному молчать.

Ее час сочтен!

Напрасно взоры всех говорили ей: «Беги!» Напрасно лица других изображали ужас и печаль. Напрасно дальний машет ей рукой, указывая ей путь жизни, последний из возможных.

Напрасно старалась опередить старая и тяготившаяся жизнью женщина!

Она была осуждена!

О, плачьте, юноши, одной невестой стало меньше.

О, плачьте, девушки, одной сестрой стало меньше.

Ныне она в руках жрецов, отравленная вечно молодым лобзаньем Чумногуба, переданным ей ужасно из уст в уста юношей. Ей дадут противоядие, и на полчаса она будет весела и жива. А юноша уже мертв. Мертвый лежит он у ее ног. Кончен данный ему срок быть не мертвым. Так кончилась игра двух смертных.

Девий бог. Вы, сердцами которых я, пренебрегая, играл, вы, бывшие свидетелями ужасной ночи, вы, охранявшие меня от ночных убийц!

Я поведу вас на вершины гор, и на хребет моря, и в ущелья подземного царства. Я буду будить вас на утренней заре и, ба-

юкая, усыплять на вечерней. Морская волна не сумеет более точно отразить звезды, чем я ваши желающие души.

Лишь следуйте за мной, как за вождем.

Лишь помогите мне отомстить за смерть милой.

Отряд латниц. Слышите, слышите, какие призывающие к битве звуки умеет он извлекать из своей тростниковой свирели? В него вселился кто-то другой, так как он не похож на себя. Вот он бежит, преследуемый проклинающими жрецами, по крутой дорожке вверх. Какие доспехи на нем! Какое копье в его руке! Нет, это только так кажется. Это солнце золотит его кудри.

О, смотрите, смотрите, скачет по гребню горы олень, и его снова преследует гонительница с двумя собаками на привязи.

То не страшная ли охота воскресает перед нами?

Но что делать с теми, кто попытается противоборствовать меди мечей отравленными чумой устами?

Бегите вы, Отвага, Улыбка, Сила, напрягая колена, вслед за ними и делайте, что вам подскажет ваше сердце, не тщетно переменившее прялку на железо.

Мы же попытаемся противоборствовать показавшимся убийцам, но нам кажется, что среди них и собравшиеся цари нашей страны.

Уж не исполняется ли древнее пророчество: «Мор омертвит, падая, склоны гор, когда поцелуи восстанут на мечи, противоборствуя»?

Горе! Тогда темная участь предстоит нам, скиталицам, верным своему вождю и в изгнании.

И тогда о своей участи мы давно уже читали в детских сказках. Сколько встреч, сколько чудесного!

Но они вбегают на площадку святилища. Следует и нам поспешать туда.

Площадка перед изваянием Чумногуба под сенью, усыпанной черными камнями, стоящего держа руку на железном посохе. Черные губы блестят, помазанные свежей кровью. Пробегающие жрецы, окружающие вереницей в белых одеждах своего бога: «Прочь, безумная чернь!»

Главный жрец. Назад, смертный!

Девий бог. Здесь нет смертного.

Жрецы. Увы, сблизилось то, что мы ожидали. Пора нам удивляться себе. Так как никому не известно более будущее, чем нам, но мы остаемся верны Року, и не вам, земные девушки, а богу Чумноусту достоит наш последний поцелуй. Мы совершаем древле обещанное и возвещанное. И не удивляйтесь нам, так как мы тоже заимствуем свои силы не у людей. Мы хотим быть достойными наших богов.

Жрецы в белых одеждах быстро пробегают мимо бога и, целуя его в губы, скатываются вниз по ступеням мертвые.

Девий бог. Делайте свое последнее земное дело так, чтобы мы, наблюдая вас, могли удивляться вам и рассказать о вас в песнях. Мы, не умирающие, смотрим на вас, умирающих.

Знайте об этом.

Девы. Ах, опять среди нас воительница, сдерживающая до нужного времени неутолимых гончих. Видно, мы перед страшным.

Девий бог. Да, мы перед величественным и накануне страшного.

Главный жрец. О, живые еще воины Чумноуста! Устремитесь в последний раз с отравленными устами на пришельцев, кто бы они ни были.

Девы. Что нам делать! Можем ли мы поднять мечи на старцев, устремившихся на нас с поцелуями?

О, какой ужасный Рок сделал нас участниками в войне поцелуев и железа! Нет, уроним железо и, закрыв лицо руками, отдадимся неизбежному. (*Делают это*).

П р и с у т с т в у ю щ и е. Уже умолк главный жрец, уже прозвучали закрывшие лицо руками, а жрецы все еще продолжают свой страшный бег мимо лобзающего кумира, и вот уже последний из них низвергся, скатываясь, с красными глазами, белой бородой, по ступеням храма. И все тихо. Од<ин> стоит с завернутой в плащ головой или же с заслоненными от ужаса глазами, другой, с дерзко протянутой рукой, устремляется к кумиру, и тот падает, шатаясь, в бездну, и бородатый еврей с мешком змей, растерявшись, остается на месте. Но легким движением кто-то отсекает ему голову, и она лежит, шевеля веками, среди расползающихся с шипом змей.

А между тем подымаются снизу цари и воины.

А жрец смотрит глазами безумными и печальными и тихо идет, потупя бороду, к пришельцу.

Тот смотрит загадочно-открыто, и жрец наклоняется к нему шептать тайну и вдруг, расхохотавшись, касается его уст своими. Но тот смеется. Жрец падает, откидываясь назад, на руки прислужников и умирает. Но нет, этого еще нет. Это еще только наше воображение. Еще только отошел от кумира жрец и идет мимо стоящих неподвижно девушек с плащами на голове. К спокойно стоящему Девьему богу идет он. И что будет? Дальше что? Несет он с потупленными глазами смерть, и бледный и смеющийся будет, сражаясь, падать, встретив лобзание, или бежать. Но бежать он мог бы и раньше. Но у него нет оружия!

Да, мы видим, твоя близка казнь, и правит гончих твоя спутница! Медленно движется жрец, задерживаемый какой-то силой.

Но уже приходят цари, и уже бегут убийцы.

И куда бежать, когда спереди старец приближается с чумными устами, сзади напряженно дрожащие луки и прильнувшие к ним головы злых людей? Так закрыть голову плащом осталось ему.

Но что это? Падает на землю жрец, несший смерть, и невредим отрок и стоит, не шевелясь.

Нарочно ли переменили цели стрелки, или это вина невидимой власти, изменившей верные луки?

Не знаем, бедные, но отрок стоит невредим, и уже цари приходят прикрыть его щитами.

И кто-то, не будучи в состоянии вынести происходящего, бросился в пропасть.

Цари. Свершилось. Обреченными выполнен заданный им урок, живые же смотрят на них и поучаются. Вы же, безумные юноши, сложите мечи и копья. Не вам дано право карать и миловать. Тот же, на кого направлена ваша молодая ярость, пусть уйдет отсюда в изгнание. Волны, которые бьются о подножие этой горы, донесут его до теплого моря, где в скитаньях с своими спутницами он найдет конец светлый и чудесный, какой возвещен ему в древних сказках. Спросите его, открывающие свои головы от плащей и рук, принимает ли он наш суд?

Девий бог (*подымая голову*). Да.

Цари. Тогда спускайтесь к волнам, на которых качаются челны со всем нужным для вас.

Девий бог и латницы спускаются.
Цари остаются и смотрят на них.

<1908>. <1911>

АСПАРУХ

I

Войско в степи

Отрок. О, Аспарух!

Разве ты не слышишь, что громко ржут кони? Это стан князей. Они не хотят идти. Им ясные очи подруг дороже и ближе ратного дела. Среди лебяжьих ст<ан>иц они вспоминают о судьбах семей, покинутых на заботы. Если ты идешь на войну, то зачем тобою взято мало стрел? Так они в недовольстве говорят о походе. И требуют вернуться.

Аспарух. Слушай: вот я поскачу прочь от месяца; громадная тень <по>бежит от меня по холмам. И если мой конь не догонит тени, когда я во всю быстроту поскачу по холмам, то грянется мертвый от этой руки мой конь, и навеки будет лежать недвижим. (*Скачет*).

Отрок. Совершилось: грохнулся наземь и подымает голову старый конь, пронзенный мечом господина.

Аспарух. Иди и передай, что́ видел.

II

Лют. Уж стены Ольвии видны.

Аспарух. Здесь будут шатры. А это — головы князей?

Лют. Повиноваться нас учили предки, и мы верны их приказаньям, хотя ты строг и много юношей цветущих среди погибших умерло князей.

III

Стан вечером

1-ый воин. Вот эллин. Лежит и напевает беззаботно.
2-ой воин. Я видел их, когда был пленным.
Бывало, парубки и девки
Масло польют на белый камень,
Чтоб бог откушал,
И после скачут, оголясь, вокруг костров.
Нагие девки их в венках
Волнуют кровь и раскаляют душу.
А белобородые жрецы благословляют происшедшее.
Их обычай обольстительней, чем наш.
1-ый воин. Где грек?
2-ой воин. Лежит и смотрит.
Отрок (*протягивая руку к пленному*). Отпустите!
(*Эллин проходит в шатер; оттуда доносится смех*).
Стража. Что-то веселое принес с собою юркий эллин.
Голос из шатра. Проводите до ворот.
(*Кто-то, закутанный в плаще, выходит*).
Стража. Он вырос, и выше и шире в плечах. И шаг длиннее.
Но след исполнить приказанье. А неладно. Ночь синее.
(*Старший воин провожает*).
Воин. Молчит, а мне за ним идти.
Эй ты, скажи хоть слово!
Или ты хочешь заработать что-нибудь молчанием?
Кроме палочных ударов — ничего нет.
Но вот стоящие на стенах города
Вышли встречать; а вот и плата!..
(*Хочет ударить*).
Ай, ай — кто ты?
Аспарух. Смерть, смерд! (*Коротким мечом убивает его и перескакивает через ров*).

IV

Город. Праздник. Жрецы в венках немертвых белых цветов стоят безглагольно в углу площади. Шествие, будто из белых богов и богинь, возлагает венки на жертвенный камень. Заговор: «Сгинь, сгинь! Улетайте, ходоки, в неба пламень.»

Присутствующие (*поют, закутанные в белое*).

Всё коварно, всё облыжно!
Пламень всё унесть готов,
Только люди неподвижно
Вознесли венки цветов.
— Громче лейтесь, звуки песен,
Каждый юноша внемли:
Будет гроб для каждой тесен,
Каждый только клок земли.

Жрец.

Горе, горе, гнев и ужас,
Наземь лягши, поклонитесь.
В солнце светлом обнаружась,
Лучезарный виден витязь.
Всё сошлось в единый угол —
Горе, грезы, свет и гром.
И, лицом прекрасным смугол,
Бог блистает серебром.
Горе, горе, гнев и гнев!
Возносите плачи душ.
На вас смотрит, загремев,
Лучезарный бледный муж!

(*Присутствующие падают на колени, молясь и коленопреклоненные.*
Аспарух, в темном плаще, некоторое время стоит, не решаясь, прямо и неподвижно, после опускается тоже).

Крики. Это переодетые грабители!
(*Вооруженная стража грубо бросается к нему*).

ДРАМАТИЧЕН ТЕАТЪР

Основан в 1918 г. Носител на орден
"Червено знаме на труда"

За първи път на сцена

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

МАЛКИ ТРАГЕДИИ

превод СВЕТЛАНА КАЗАКОВА

Постановка АЛЕКСАНДЪР ПОНОМАРЬОВ - художествен ръководител на театрално сдружение "Четно-нечетно" Москва /Всесъюзно обединение "Театрална работилница" СТД - РСФСР/

Сценография
МАРИНА РАЙЧИНОВА

Музика
ВЕСЕЛИН НИКОЛОВ

Хореография
ДИМИТЪР БОЛГАР

ГОСПОЖА ЛЬО НИН

СВЕТООБРАТ

АСПАРУХ

БОЖЕСТВА

ГРЕШКАТА НА СМЪРТТА

Действуващи лица и изпълнители:

ГОСПОЖА ЛЬО НИН

Гласът на зрението - Тодор Близнаков
Гласът на слуха - Любомир Павлов
Гласът на разсъдъка - Стефан Гуев
Гласът на съображението - всички участници
Гласът на паметта - Радка Филипова
Гласът на догадката - всички участници
Гласът на волята - Михаил Илийков
Гласът на радостта - Албена Павлова
Гласът на разума - Валери Главчовски
Гласът на осезанието - Валери Малчев
Гласът на страха - Мария Николова
Гласът на вниманието - всички участници
Гласът на ужаса - Мария Николова
Гласът на съзнанието - Радост Костова
Гласът на спомена - Радка Филипова

СВЕТООБРАТ

Поля - Валери Малчев
Оля - Албена Павлова
Ниночка - Марияна Крумова
Иван Сеньонович - Стефан Гуев
Петя - Венцислав Янков /сътрудник/
Слуга - Любомир Павлов

АСПАРУХ

Аспарух - Михаил Илийков
Младенец - Петър Горанов
Лют - Валери Главчовски
Войни - Емил Марков
- Иво Кръстев
- Борислав Стоилов
- Валери Малчев
Жрец - Любомир Павлов
Градоначалник - Стефан Гуев
Елин - Тодор Близнаков

Афиша представления «Маленькие

БОЖЕСТВА

Ерос
Лел — Албена Павлова
Амур
Юнона - Марияна Крунова
Венера - Радост Костова
Ундури - Петър Горанов
Чомпас - Тодор Близнаков
Кали - Мария Николова
Перун - Любомир Павлов
Цинтекуатъл - Валери Главчовски
Велес - Борислав Стоилов
Тор - Михаил Илийков
Стрибег - Стефан Гуев
Анче Патяй - Тодор Близнаков
Шанг-ти
— Радка Филипова
Тион
Локки - Валери Малчев
Ункулункулу - Иво Кръстев
Балдур - Емил Марков

ГРЕШКАТА НА СМЪРТТА

Запевало - Михаил Илийков
Госпожица Смърт - Радост Костова
Тринадесетият - Емил Марков
Дванадесетте - Тодор Близнаков
посетители
Стефан Гуев
Албена Павлова
Валери Главчовски
Валери Малчев
Борислав Стоилов
Иво Кръстев
Марияна Крунова
Петър Горанов
Мария Николова
Михаил Илийков
Любомир Павлов

Помощник режисьор - Маргарита Бакърджиева

Суфльор - Павлина Маслинкова

Премиера 29 декември 1989 г.

Сътрудници по постановката: техн.директор - инж.Евг.Сивов, зав.пост.част - Ив.Кутрев,худ.изпълнители - Р.Недялков, М.Налбантов, М.Михайлов, конструктор- Д.Тотева, худ.осветление- Ив.Попов, звук - С.Кондев, Я.Ников, театърмайстори - Хр.Христов, Л.Гигов, реквизит - Ц.Гигова, С.Василев, гардероб - Т.Маркова, Д.Куткурова, перукер - А.Кръстева, шивашки ателиета - Ст.Щилянов, Р.Илигношева, дърводелско ателие - Г.Танев, Д.Колев, железарско ателие - Т.Янчев, тапицер - П.Захариев

„СТЕФАН КИРОВ" – СЛИВЕН

трагедии» В.Хлебникова. Болгария. 1989.

Аспарух (*подымаясь и замахиваясь мечом*). Прочь, чернь!

Воин (*подымаясь с земли*). Нет, он не простой!

Толпа. Вот кто водит и морочит
Свой народ.
Златом сорит каждой ночью
Во всех притонах у ворот.
Холодая, голодая
Стоит войско в диком поле.
Знать, гречанка молодая
Отняла у князя волю.
Золотое в золоченом,
Вознесли мы чаши с влагой.
Отдавайся же с отвагой
Пляскам, неге наученным.
Пляши с нами, о Аспарух!
Иди за нами, о Аспарух!
Побежденный не студеным
Губ прижатьем девы младшей,
Отдавайся же смущенным
Пляскам тайны с девой падшей.

(*Увлекают Аспаруха за собой*).

V

Начальник города. Где Аспарух? в каком притоне отдыхает он от своих подданных? Его войска взбесились и хотят идти на приступ. У ворот кто-то убит. Где Аспарух? в какой трущобе скрывается он от своих подданных? Уж три стрелы лежат у храма Дианы.

VI

Лют. На седла, воины! Вперед. Пусть всё решит военный жребий.

(*Начинается сражение*).

1-ый воин. На днях хвалился эллин
Привратника дать место Аспаруху.

2-ой воин. А кто-то принес перстень и меч и говорил, что это вещи Аспаруха. Эллины дерутся отчаянно. Но жребий вынут.

Но кто это в развевающемся плаще бежит через пустырь? Он кричит: «Где мои войска? где мой конь?»

Аспарух. Столпитесь же вокруг меня, держащие луки наготове. Приговор мне ведом.

Слетайтесь же ко мне стрелы,
Как стрижи на вечерний утес.
Я буду стоять, как вечерний утес,
Закутанный и один; мертвого же меня
Не бросайте, но отвезите к великим порогам.
Я закрываюсь плащом и жду.

Жрец (*протягивая руку*). Мужайся, Аспарух!

Воин. Зашатался и упал, и разъезжаются по своим местам.

<1908>, <1913>

СНЕЖИМОЧКА

Рождественская сказка

1-ое деймо

Лес зимой — серебряной парчой одетый.

Снезини. А мы любоча хороним... хороним... А мы беличи-незабудчичи роняем... роняем... (*Веют снежинками и кружатся над лежащим неподвижно Снегичем-Маревичем*).

Смехини. А мы, твои посестры, тебе на помощь... на помощь... Из подолов незенных смехом уста засыпем — серебром сыпучим...

Немини. А мы тебе повязку снимем... немину...

Слепини. А мы тебе личину снимем... слепину...
А мы, твои посестры, тебе на помощь... на помощь...

Снезини. Глянь-ка... глянь-ка: приотверз уста... призасмеялся — приоткрыл глаза — прилукавился. Ой, девоньки, жаруй! (*С смехом разбегаются. Их преследует Снегич-Маревич, продолжая игру и оставляя неподвижными тех, кого коснулся*).

Березомир. Сколько игр я видел!.. Сколько игр... (*Поникает в сон*) сколько игр...

Сказчич-Морочич (*поет, пользуясь как струнами ветвями березы*).

Дрожит струной
Влажное черное руно,
И мучоба

Входит в звучобу,
Как (*смеясь окружающим*) — я не знаю.
Я пьян собой...

Береза, подобная белоцветным гуслям, звучит.

Воздушный, палешницей играющий, остается невидим.

С разных концов, зыбля жалами и телами, приползают слухчие змеи и, угрожающе шипя, подымаются по стволу.

Сказчич-Морочич. Ай! (*Падает, роняя струны, умерщвленный кольцами слепоглазых слухатаев*).

Сделав свое дело, змеи расползаются, распуская кольца.

Молчащие сестры. Плачемте, сестры. Он шел развязать поясы с юных станов. Плачемте, сестры. Омоем лица и немвянные омоем волосы в озере грустин, где растут грустняки над грустиновой водой. Плачемте, печальные.

Березомир. Нет у гуслей гусельщика. Умолкли гусли. Нет и слухчих змеев...

Няня-леший. Тише! Тише, люди! Мальчики, тише!

(Взлетает на воздух и, пройдясь по вершинам деревьев колесом, чертит рукой, полной светлячков, знак и исчезает).

Немини торопливо повязывают повязки.

Березомир (*глухо завывает*). О, стар я!.. И я только растение... И мне не страшны никто.

Навстречу вылетают духи с повязками слепоты и глухоты и старательно повязывают ими людям глаза и морду.

— Пусть не видят! Пусть не слышат!

Люди, разговаривая между собой, проходят.

Молодой рабочий (*радостно, вдохновенно*). Так! и никаких, значит, леших нет. И всё это нужно, чтобы затемнить ум необразованному человеку... Темному.

Снегич-Маревич подлетает и бросает в рот снег. Бросает за меховой воротник, где холодно, бросает в рот и в лицо говорящему. Снезини прилетают и опрокидывают над говорящими подолы снега.

2-й человек (*спокойно*). Вообще ничего нет, кроме орудий производства...

Снегич-Маревич бросает в рот снег.

Однако, холодновато. Идем. Итак, вообще ничего нет. (*Уходит*).

Играющие снова появляются и играют.

Некий глас. Отвергшие — отвергнуты!

И Снезини, и Березомир, и Снегич-Маревич — всё вздрагивает и с ужасом прислушивается к новому голосу.

Некий голос (*с новой силой, точно удар грома*). Отвергнуты отвергшие!

Вещежонка (*помавая снегообразной седой головой*). Это о них... о ушедших... о них... (*Склоняется все ниже и ниже к земле головой*). О них — о чужаках...

Березомир. А... стар я.

Снезини и Любоч с новой силой отдаются старым русалиям.

Старушка-докладчица. Чужаков нетути... да! ушли из лесу. В поле пошли.

Бес. Кто холит корову? бес. Кто отвечает за нее? бес. А ты что делал? Ставил сети? Ловил снегирей? пухляков?

Бесеныш (*сквозь слезы*). Колоколец худо звучит — пастушонок не находит — волк поел.

Бес. Вот тебе, голубчик... зачем волк поел. (*Наламывает березовые прутья*).

Березомир. На доброе дело и себя не жаль.

Бесок (*плача*). Не буду, дедушка! Ой, больше не буду! Миленький, дорогой!

Березомир (*глядя*). Ничего, не повредит... Малец еще...

Отдыхая, Снегич-Маревич и Снезини прилегли на стволах деревьев.

Липяное бывьмо. Сладка нега белых тел.

Пробегает Заяц — плутоватый комок зимы. Снезини окружают его и играют с ним.

Снезини. Ай, воришка! А у кого ты украл свою шубу? У Зимы!

Заяц встает на задние лапы и, играя, ударяет лапами.

Вселенничи (*играя*).

Крылом вселенновым овеяла
И в тихую мгляность растаяла.
Вселенничей-слезичей сеяла
И душу прекрасным измаяла.

Слепини, играя, повязывают зайцу глаза. Пробегает, оставляя красный след, волк.

Все. Волченька... милый... волченька... бедун ты наш... горюн ты наш... извечный.

Морозный тятька. Этого так нельзя оставить... Здесь нужна лечоба.

Волк садится и жарко облизывается языком. Вокруг него хлопочут над врачеванием его ран. С диким воем про-

носятся гончие. Березомир хлещет их ветвями. Снезини садятся им на шеи и уносятся вдаль. Показывается усталый охотник с ружьем в руке. Он в белом кафтане и черном поясе.

Снежак. За дело, белые друзья. (*Разводит упругие прутья, и они звонко хлещут по разгоряченному красному лицу и выпученным глазам усатого сивоглазого охотника*).

Древолюд. Ха-ха-ха! (*Размахивает от радости белыми пестрыми руками*).

Снежачиха. А эта хворостиночка тебе люба? (*Подкладывает под ноги ветку, и охотник, задыхаясь и делая безумные глаза, падает в снег, ружье дает выстрел*).

Липовый парень. Ай, больно, больно!.. (*Дрожит и долго качается*).

Барин уходит назад, без шапки, без пояса, дикий и простоволосый.

Древолюд и Снегчие. Ха-ха-ха! Ну, и потешен же честной народ!

Белый мужик. Но что это? Пробежали морозные рынды.

Стучат снегавицами, секирами, ищут. Осматривают. Провыл бирючий. Вышел Снежный барин. Чешет голову.

Белый боярин. Честной народ! Ушла она! Как дым в небо. Как снег в весну. Ушла. Истаяла.

Все. Кто? Кто?

Снежные мамки. Да Снежимочка! Снежимочка! Снежимочка же!

Белый боярин (*понурив голову*). Снежимочка...

Все. Куда?

Снежные мамки. Да в город же! В город. В город ушла.

Все. В город...

Березомир (*опуская голову*). В город... Снежимочка... в город... (*Глубоко поникает головой*). Лесная душа... В город...

Все. В город...

Глубокое раздумье.

Снегомужье. Ушла...

Березомир (*грустно*). Ушла...

Заяц. Я проскакал сейчас до балки Снегоубийц, здесь к ее следам присоединяются большие мужские.

Снегун. Проскакал? Мужские?

Все. Ах! ах!

Боярышни падают в обморок.

У Снегуна, этого скорбно величавого старика, на больших глазах навертываются слезы, и он подымает с просьбой о помощи белые глаза к небу.

Ворон. Снимите с меня немину. (*Немини снимают*). Врешь, мелкий врунишка, вырезатель липовых карманов, обкрадыватель полушубков у всех липовых парней.

Рында. К делу!

Заяц. Сам врунишка! Ишь какой ушатый!

Ворон. Молчи, заяц!

Заяц. А кто зайчиху Милюту насмерть заклевал? да!

Мамки. Да что они, издеваются, что ли? Охальники!

Ворон. Это не были следы другого человека, это были лапти, которые висели у куста «Ясные зайцы» еще с тех пор.

Рында. К делу!

Ворон. Она сняла их и нарочно делала следы, чтобы запутать свой след.

Снегун (*плача*). Бедная ты девочка... Сердечная моя!

Снежные мамки. Горе как будем мыкать? Век, грущун, будем горевать!

Снегун машет рукой, все удаляются.

Ворон (*взмахивая крыльями*). Она пошла к Ховуну... (*Улетает*).

Ховун. Нонче норовят всё из нас книги... Старых разбойников нет. Те, что свистнут в два пальца, и откуда ни возьмись сивка-бурка пышет ноздрями.

1-й собеседник. Складно сказано, дед. Читал ты, дедушка, Каутского?

Ховун. Мы, барин, темные люди черной сотни. Живем в лесу, а и в гостях у нас либо ворон, либо вор. Не научены мы.

1-й собеседник. А, вот он, мракобес, где!..

Ховун. А ты, парень, ворона оставь. Ворон — гордая птица. А не то видишь? а? (*Показывает батог*).

1-й собеседник. Ныне отпущаеши раба твоего, черного гордея, гордого ворона, заступничеством же лесного истинолюба.

Ховун. А и шуточки свои оставь, парень. Не к месту они.

2-й собеседник. Ну, дедка, успокойся, не злись, говорю. Сослужил службу немалую. Пришла осень — золотые вкушай плоды. Слушаешь? Вот. Мало? Бормочешь?

Ховун. Я-те бормочу, баринок, ворон молвит. (*Бросает ворону бумажки, тот раздирает их, старый плут, поглядывая на Ховуна и помогая клюву лапой*).

2-й собеседник (*возмущенно вскакивает с места*). Каков? а? Каков? Ну, и умник же ты, дедушка! Не твое дело.

Ховун (*сощурив от злости глаза*). А про батог забыл, барин? а? Разошлись не в своей избе.

Три размеренных удара в двери: — Отвори!

Ховун. Войдет, кто может.

Снежимочка. Вхожу, дедушка. Здравствуйте!

Ховун. Морозный обычай, детка.

Снежимочка. Людской обычай, дедушка. Здравствуй, ворон!

1-й собеседник (*недоверчиво*). Что это, из «Снегурочки» Римского-Корсакова? Ведь мы, товарищи, не спим?

Ворон налетает и клюет собеседника в глаза, сине-черный умник.

Ай, мошенник, чуть не выклевал глаза! Многоуважаемый товарищ Борис, не обсудить ли нам по-товарищески создавшееся положение вещей?

2-й собеседник (*картавя и сюсюкая*). Очень и очень даже кстати. (*Пришептывая, удаляются в другую светелку*).

Снежимочка. Кто это, дедушка?

Ховун. А... руковерхники... Сидели бы скромненько... Так нет же... невежничают. Изобидели тебя, Ворон, черняга?

Ворон, растопырив шею и крылья, слетает с места и, усевшись на плече Ховуна, подымая голову, жалобно каркает.

Ховун. Что? злое почуял, вещун?

Из двери стремительно выбегает 2-й собеседник с бумагой и оружием. Он с рыжей темноогненной бородой и зелено-голубыми холодными глазами. Вытянув вперед руку, он читает неестественно громким голосом: «В виду того, что вызывающий образ действий так называемого Ховуна заставляет нас принять меры немедленной предосторожности и даже самообороны, ясные даже для не знающих известного произведения Римского-Корсакова, заставляет признать существование готовящегося предательства, в виду всего этого... батожок... Ах, черт, он дерется батожком! — вот!» Делает несколько выстрелов, и Ховун падает с простреленным черепом. Слышен топот удаляющихся ног.

Снежимочка. Что это? Город? Или весна? Прощай, дед, мне жалко тебя. (*Целует в целый глаз, который блестит и жив*). Вот я и среди людей. Садись мне на плечо, Ворон, мы войдем вместе.

Идет по дороге.

Славодей. Люд стал лед,
И хохот правит свой полет.
О, город — из улиц каменный лишай,
Меня, меня ты не лишай.
(*Останавливаясь*).
Но что это? Иль пашня я безумья борон?
Но нет: видение и на плече виденья ворон!
Но что ж! Встречаясь с женщиной,
не худо поклониться.
Ах, ее глаза блестят, как днем зарницы!

Женщина с ведрами. Ишь какая белавая барышня! (*Останавливается и смотрит*).

Пьяница. Я пью или не пью?

Зимний голос. О, дщерь! Блюди белый закон.

Идут по дороге в город. Прохожие попадаются все чаще и чаще.

Снегей. О, не ходи!

Славодей. Вот и город...
И дымнолиственных бор труб
Избы закатной застит сруб.

Прохожие. Мы забыли два слова: гайдамак и басурман — Запорожскую Сечь.

Нищий. Я есть хочу... я голоден... есть охота... дайте мне.

Снежимочка. Это лешачонок? А это что? Это лосиха везет, взявши зубами ветку, на которой сидит несколько людей? Мы любили так забавляться у себя в лесу.

Мальчики. Снегурочка! Снегурочка! Помнишь, видели в Народном доме?

В толпе, которая окружает Снежимочку, проходит одобрительный ропот. «Снегурочка, Снегурочка... помню».

Некоторые снимают шляпы. Прохожие останавливаются, опираясь на палки и седые бороды опуская на палки.

Ученый. Всю науку придется перестроить.

Некто. Ай, какие черносотенные глаза!

Городовой перерезает шествие.

Городовой. Барышня... а барышня!.. Никак нельзя...

Снежимочка (*останавливаясь*). Кто ты?

Славодей. Городовой... о, мой милый городовой... вот я, и вот мой вид на жительство... веди меня, куда хочешь, но ее оставь: не разрушай видения. Молю тебя! (*Становится на колени*).

Старуха. Миленочек, миленочек, пожалей ее: видишь, она с дороги.

Городовой с суровым видом дает свисток.

Пристав. Что здесь такое? А! нарушение пристойного!

Снежимочка. Кто этот высокий в рядне цвета осины?

Пристав (*резко*). Я сказал, что не могу и не могу! Ведите в участок!

Все отправляются в участок.

Отставший спутник. О! я пью или не пью?

Дети (*кричат*). Снегурочка! Снегурочка! Мы помним ее. Мы ее видели!

Матери выносят детей и просят благословить.

Некто. Ужас... где я ее видел? В какой грезе? каком безумстве! Она! она! она! (*Бежит, отслоняясь от нее рукой*).

Вводьмо в 3-е деймо

Снежак и Снежачиха плачут.

Снежак. Ушла Снегляночка, нет ее.

Ручьини ходят с ледочашами и собирают их слезы, проливая затем в ручьи.

Печальный леший (*с свирелью*).

Нега
Снега,
О, не у тех!
В опашне клеста,
В рядне снегиря
Тайна утех.

Снежак (*утирая слезы, поет*). Вы, пухляки, порхучие по лозам и лесам, позовите-приманите густосвистых снегирей, молвите: зовет их Снежак.

Пухляки перепархивают и, посвистывая, улетают.

Снегири. Мы здесь, Снегей.

Снежак. Вы полетите к птицеловам, их расставлены мелкие сети, там рассыпано золотое зерно. Вы попадете в сети, вы увидите Снежимочку, вы расскажете о мне.

Снегири. Мы исполним твою волю, Снегей. (*Рассыпаются, исчезая, по кустам*).

Снежак и Снежачиха плачут. Ледини собирают слезы в чаши.

Лешачонок (*передразнивая кого-то, играет*).

За́реву
Снегиря.

Нет негиря.
Я зареву.

Заливается смехом и, бросив дуду в сторону, убегает. Березомир ловит его и сечет.

Лешачиха (*трясется крючковатым носом*). Вот я тебя прутом... прутом...

3-е деймо

Песнь

Я тело чистое несу
И вам, о улицы, отдам.
Его безгрешным донесу
И плахам города предам.
Я жертва чистая расколам,
И, отдаваясь всем распятьям,
Сожгу вас огненным глаголом,
Завяну огненным заклятьем.

Старец. Звучали вселенновые струны и вещалось: под милым славянским небом поклонились иным богам, и отвернулись свои и надсмехались чужие. (*Выходит на площадь, окруженный свитой славянской дружины*).

Качаются стяги с надписью — «Славийская весна», «Веничие и величие славян», «Дедославль», «Веселые детинушки» и др. Мелькают одежды русского рода. Мелькают тяжелые золотые косы. Блестят глаза юношей.

Руководитель празднества (*с помоста*). Сегодня праздник Очищения — Чистый день. Клянемся ли мы носить только славянские одежды?

Все. Клянемся!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы не употреблять иностранных слов?

Все. Клянемся!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы утвердить и прославить русский обычай?

Все. Да!

Руководитель празднества. Клянемся ли мы вернуть старым славянским богам их вотчины — верующие души славян?

Все. Клянемся!

Некоторые из присутствующих надевают славянские одежды.

Здесь же предлагается несколько иностранных слов заменить русскими.

Кто-то из присутствующих. Вы пришли позже. Здесь разрушали царства, там созидали новые.

Вы молоды. Вы превосходите численностью ваших угнетателей. Вы превосходите их красотой души и простором занятой земли. Смелее! смелее, славяне!

Присутствующие бурно выражают свой восторг. Начинаются состязания русских в беге, борьбе, звучобе и славобе.

Русские скачут, прыгают, бегают. Играют на свирелях. Поют.

Кто-то. Но где же Снежимочка? Снежимочка где?

Рокот. Снежимочка где? Где Снежимочка?..

Смятение.

Руководитель игры (*после некоторого промежутка, всходя на помост*). Снежимочки нет. Она таинственно исчезла, но то место, где она была, покрыто весенними цветами. Унесите же в руках, как негасимые свечи, разнесите по домам знак таинственного чуда и, может быть...

Голоса многих. Чудо! чудо! Снежимочка растаяла цветами. Мы будем помнить ее заветы...

Проходят, наклоняясь, тела благообразных стариц, юношей, детей, и срывают благоговейно длинные голубые цветы. Они горят, как свечи.

Голоса удаляющихся.

Забыли мы, что искóни
Проржали вещие кони.
Благословляй или роси яд,
Но ты останешься одна —
Завет морского дна —
Россия.

Новые голоса удаляющихся.

Ушедшая семья морей
Закон предвечный начертала,
Но новою веков зарей
Пора текущая сметала.
Но нами вспомнится, чем были,
Восставим гордость старой были.
И цветень сменит сечень,
И близки, близки сечи.

1908. <1913>

А.Крученых, М.Матюшин, К.Малевич. Фотография. 1913.

Обложка К.Малевича к отдельному изданию «Победы над солнцем»; афиша О.Розановой к футуристическим спектаклям. 1913.

ГОСПОЖА ЛЕНИ́Н

Действующие лица: Голос Зрения. Голос Слуха. Голос Рассудка. Голос Внимания. Голос Памяти. Голос Страха. Голос Осязания. Голос Воли. <Голос Соображения. Голос Догадки. Голос Радости. Голос Разума. Голос Сознания. Голос Ужаса. Голос Воспоминания.>

Время действия — 2 дня в жизни г-жи Лени́н, разделяемые неделей.

Сумрак. Действие протекает перед голой стеной.

Действие 1-е

Голос Зрения. Только что кончился дождь, и на согнутых концах потемневшего сада висят капли ливня.
Голос Слуха. Тишина. Слышно, что кем-то отворяется калитка. Кто-то идет по дорожкам сада.
Голос Рассудка. Куда?
Голос Соображения. Здесь можно идти только в одном направлении.
Голос Зрения. Кем-то испуганные поднялись птицы.
Голос Соображения. Тем же, кто отворил дверь.
Голос Слуха. Воздух наполнен испуганным свистом, раздаются громкие шаги.

Голос Зрения. Да, своей неторопливой походкой приближается...
Голос Памяти. Врач Лоос. Он был тогда, не очень давно.
Голос Зрения. Он весь в черном. Шляпа низко надвинута над голубыми смеющимися глазами. Сегодня, как и всегда, его рыжие усы подняты к глазам, а лицо красно и самоуверенно. Он улыбается, точно губы его что-то говорят.
Голос Слуха. Он говорит: «Добрый день, г-жа Ленúн!» А также: «Не находите ли вы, что сегодня прекрасная погода?»
Голос Зрения. Его губы самоуверенно улыбаются. У него на лице ожидание ответа. Его лицо принимает строгий вид. Его лицо и рот принимают смеющееся выражение.
Голос Рассудка. Оно делает вид, что извиняет молчание; но я не отвечу.
Голос Зрения. Его губы принимают вкрадчивое выражение.
Голос Слуха. Он снова спрашивает: «Как ваше здоровье?»
Голос Рассудка. Ответь ему: «Мое здоровье прекрасно».
Голос Зрения. Его брови радостно шевельнулись. Лоб наморщен.
Голос Слуха. Он говорит: «Надеюсь...»
Голос Рассудка. Не слушай, что он говорит. Скоро он будет прощаться. Скоро уйдет.
Голос Слуха. Он продолжает всё еще что-то говорить.
Голос Зрения. Губы его не перестают двигаться. Он смотрит мягко, просяще и вежливо.
Голос Догадки. Он о чем-то нужном говорит.
Голос Рассудка. Пускай говорит. Он не получит ответа.
Голос Воли. Он не получит ответа.
Голос Зрения. Он удивлен. Он делает движение рукой. Несмелое движение.
Голос Рассудка. Необходимо подать ему руку, несносен обряд.
Голос Зрения. Его черный котелок плывет в воздухе, поднялся и опустился на русые кудри. Он повернулся черными прямыми плечами, на которых оставшаяся от щетки белая пылинка. Он удаляется.

Голос Радости. Наконец.
Голос Зрения. Он, темнея, мелькнул за деревьями.
Голос Слуха. Слышу шаги в конце сада.
Голос Рассудка. Он не придет сюда снова.
Голос Слуха. Калитка стукнула.
Голос Рассудка. Скамейка влажна, прохладна, и всё тихо после дождя. Ушел человек — и опять жизнь.
Голос Зрения. Мокрый сад. Кем-то сделанный чертеж круга. Следы ног. Мокрая земля, мокрые листья.
Голос Разума. Здесь страдают. Зло есть, но с ним не борются.
Голос Сознания. Мысль победит. Ты, одиночество, спутник мысли. Нужно избегать людей.
Голос Зрения. Прилетевшие голуби. Улетевшие голуби.
Голос Слуха. Открылась снова дверь.
Голос Воли. Я молчу, я избегаю других.

Действие 2-е

Голос Осязания. Шевельнулись руки, и пальцы встречают холодный узел рубашки. Руки мои в плену, а ноги босы и чувствуют холод на каменном полу.
Голос Слуха. Тишина. Я здесь.
Голос Зрения. Синие и красные круги. Кружатся, переходят с места на место. Темно. Светильник.
Голос Слуха. Опять шаги. Один, другой. Они громки, потому что кругом тишина.
Голос Страха. Кто?
Голос Внимания. Шли туда. Изменили направление. Идут сюда.
Голос Рассудка. Сюда — только ко мне. Они ко мне.
Голос Слуха. Стоят. Всё тихо.
Голос Ужаса. Двери скоро отворятся.
Голос Слуха. Щелкает ключ.
Голос Страха. Ключ повертывается.

Голос Рассудка. Это они.
Голос Сознания. Мне страшно.
Голос Воли. Но всё же слово не будет произнесено. Нет.
Голос Зрения. Дверь раскрылась.
Голос Слуха. Вот их слова: «Госпожа больная, будьте добры перейти. Господин врач приказал».
Голос Воли. Нет.
Голос Сознания. Буду молчать.
Голос Зрения. Они обступили.
Голос Осязания. К плечу прикоснулась рука.
Голос Воспоминания. ...белому когда-то.
Голос Осязания. Пола коснулись волосы.
Голос Воспоминания. ...черные и длинные.
Голос Слуха. Они говорят: «Держи за голову, возьми за плечи! Неси! Идем!»
Голос Сознания. Они несут. Все погибло. Мировое зло.
Голос Слуха. Доносится голос: «Больная все еще не переведена?» — «Никак нет».
Голос Сознания. Все умерло. Все умирает.

<1908>. <1913>.

ЧЕРТИК

Петербургская шутка на рождение «Аполлона»

Диалоги

Старик. О, дайте мне рог!..
Другие, внимающие. Рок...
Старик. Просторы смерьте...
Внимающие. Смерти...
Старик. Есть Он, радейте в нем любить...
Кто-то с застывшим взором. Внемлю: бить...
Старик. Смерть шествует с нами...
Внимающие. Снами...
Старик. О, лукавое имя! (*Роняет рог и исчезает во мгле*).
Слушающие. Ими...

С бритым худым лицом и в длинных волосах пробегает Ученый и кричит, разрывая на себе волосы.

<Ученый.> Ужас! Я взял кусочек ткани растения, самого обыкновенного растения, и вдруг под вооруженным глазом он, изменив с злым умыслом свои очертания, стал Волынским переулком, с выходящими и входящими людьми, с полузавешенными занавесями окнами, с читающими и просто сидящими друг над другом усталыми людьми; и я не знаю, куда мне идти — в кусочек растения под увеличительным стеклом или в Волынский переулок, где я живу. Так не один и тот же я там и здесь, под

увеличительным стеклом в куске растения и вечернем дворе? Вселенная на вопрошания мои тиха!
Кусты (*протягивая смехи как лица*). Ха-ха-ха...

Скачут голые Ведьмы с буйным свитком волос и, оседлав Ученого, мчат его на край видимого поля.

Ведьмы.

На водопой, на водопой седого ученого,
За очки его держитесь, как поводья,
Верхом, на коняке верхом!
Мы мчимся по полю на скакуне плохом?
На седом длинноволосом ученом —
О покажи, конь, свое робкое лицо нам!

Старица болота.

Он бывал в гостинице, человек умный и простой,
Где останавливаются боги, где приличествует быть богам.
И вот он разумом заплатит за постой.
И вот он вызвал ведем
— Лай и гам,
И ликование, вложенное в приподнятые губы: мы вместе с этим едем!

Любовник (*с поднятым воротником и блещущими смелостью глазами, в тени ворот, где злой стоит младший дворник*). Здесь должна пройти Оля. Черт, на помощь! На помощь, милый Черт!
Черт. Я здесь, молодой человек, что вам угодно от меня?
Молодой человек. Немногого. Ты видишь — на углу? Ты понимаешь, здесь толпы съехавшихся с разных концов русской земли девушек истребляют свои права быть нашим небом и справляют те, которые способны обратить ведьм в бегство, <черные службы Наву>. Ты понял, добрый Черт? Понимаешь, люди так захотели быть святыми, что самый злой черт все-таки немного добрее самого лучшего человека. Раз, два — ведьма и лешак. Я или она, но полет, полет по сиво-сумрачно-

му небу, где строи труб, где город, кушающий вершки и оставляющий людям корешки, стремится стать тем, чем давно уже умел стать лишай на корнях берез и их ветках. Полет, черт возьми, Черт!

Черт. Слушаюсь ваших приказаний, добрый и благосклонный господин и вместе с тем молодой человек, в котором кровь играет, как когда-то в вселенной божество. А ныне оно утихло.

Молодой господин. Обдумай в мелочах наше предприятие. Опьем эту ночь и эту легкую метель за наше предприятие и будем на «ты».

Черт. Я предпочитаю следовать вдохновению. Что же касается «Ты», «Вы», <это> плотина пруда и все<го>, что не луга, а мельник бывает виновником их затопления. Однако здесь становится жарко даже и для нас, умеющих жить в пекле. Ты знаешь, кто это? В сусличьей остроконечной шапке, в дубленом зипуне, подвязанном зеленым поясом, и притворяющийся пьяным? Это Перун.

Перун. А мне наплевать, хотите облесить степи виселицами для изменников и обезлесить леса — облесяйте. Ваше счастье и ваше добро — манная утка для диких товарищей, летящих на гибель. Вот почему она цела, зовет спокон веков на выстрелы. А мне наплевать. Я пришел вас спасти. А не хотите, как знаете.

Старичок. Ведомо, против воли нельзя...

Мальчишка (*к Перуну*). Дядюшка, а дядюшка, достань воробушка!

Перун. А мне наплевать. Городовой, а городовой, ты хороший человек, а?

Городовой. Некогда мне с тобою разговаривать.

Кто-то. Ух! вот это д-да! (*Изумленный, останавливается и бежит дальше*).

Молодой господин. Как ты думаешь, Черт, много ли сейчас времени?

Черт. Судя по вашему лицу, я думаю, осталось ровно столько, чтобы ко времени появления вашей обольстительницы ее красота имела нежные очертания скуки.

Молодой господин. В этом есть опасность, мой дорогой.

Черт. Опасность? Опасны, но я когда-то пас сны! Смотри: в охабне и жемчугами покрытой мурмолке «последний русский», ты видишь, идет. Не правда ли, его брови приподняты грозой, а на устах змеится недобрая улыбка. О, он предвидит то, о чем бросил пророчество в дубленом зипуне Перун, но кто его слушает? На него только с улыбкой оглядываются и, смеясь, показывают пальцами. Он тоже знает кое-что о лесах, о которых не знал Геродот. Но что это, цветочные войны? Мечи из цветов?! Смотрите, завязывается битва. Обороняются, играя снежками, выходя с книгами в руках, с утомленными лицами, они бросают и храбро ведут битву цветов. О, в этой битве цветов и я умереть готов! Здесь есть лица недурные даже для ведем. Но есть и ученые.

Крашеные кошки и собаки прилежно заменяют соболя расходящихся с учения девушек.

Песнь гуляк<и>.

Я пою навстречу тучам:
Сном мгновенным, сном летучим
Именуйте жизни зелье.
Жизни тесна, низка келья.
Но порою слишком жгучим
Взорам тонко покрывало.
Мы напевы смерти учим
До седьмого истин вала.

Одна. Кант... Конт... Кент... Кин...
Молодой господин. Она! (*Бросается с поднятой рукой*).
Черт. Куда?
Молодой господин. На звезду, купающую свой лик в котле, орошенном кровью.
Черт. Есть! Вы подымаетесь как два зверя, оставив на земле все ненужное. Среди возгласов «Ах! Ох! Ах!» падаете в обморок. В чем дело? Не нужно ли здесь присутствие черта?
Все (*с слабым ужасом*). Он<и> улетел<и>.

Черт. Неужели?

<Все>. Ее волосы печально порыжели
На образе зимней метели.
Они улетели.
Неужели
Им чужды стыд и страх?
Ах... Ах...

Закрывают лицо руками и, вынув платочки, плачут, сидя на снегу.

Черт. Какие прекрасные книги оставлены ею здесь. Целая куча. Все Конт да Кант. Еще Кнут. Извозчик, не нужен ли тебе Кнут?
Извозчик. А? — У меня и свой есть.
Черт. Дело! Неужели вся эта гора книг нужна была для сего весьма легкого и незамысловатого полета по этому зимнему звездному небу? Или это башня для разбега, к которой прибегали все начинающие воздухоплаватели. Ах, по-видимому, скоро будет открыто высшее училище передвижения вскачь на лошадях, лицом, волочащимся по камням, ногами, привязанными к конскому хвосту, хотя некоторые люди говорят, что в старину этот способ передвижения применялся обыкновенно к казни. Но, что хочет погибнуть — погибнет.
Старуха. А то еще есть город, где камни учатся быть камнями и проходят все три рода образования — высшее, среднее и низшее. А мостовая учится быть мостовой, и что же! — Все люди ходят из предосторожности с отбитыми предварительно носами, а кони, от избытка образования, там трехногие. — Потому что камни ходят и изучают Канта.
Черт. Да, велик свет и чудны дела его, все не поймешь, да и где понять! До свидания, сестрицы. Мы, может быть, встретимся с вами на болоте, если вам будет когда-нибудь угодно в собирании трав найти приятное и забавное времяпровождение. Не забудьте, впрочем, громко назвать меня по имени. Мое имя несколько страшное, именно — оно звучит «Черт», но это не значит, чтобы

я не был вежливым молодым человеком. Я даже люблю слушать бритого пастора. Что же касается <Христа>, то я люблю посещать обедню в день кончины Чайковского. Вы видите, с какой легкостью, и при том ничего не требуя взамен, я раскрыл перед вами свое общественное положение. Отвечайте мне тем же и вы, и между нами завяжутся отношения, ни к чему не обязывающие, — более призрак, чем вещи, — но все же изрядная сумка боевых выстрелов против скуки, хандры и других гостей, подражающих заимодавшим в недоверчивости к клятвенным словам прислуги, что хозяев дома нет или что год уже, как они умерли. Итак, еще раз до свидания. (*Кланяется, приподымает шляпу*).

Одна из девиц (*приподымаясь*). Ваше лицо несколько иное, чем у других. Ваши глаза несколько ярче, чем глаза других. Так как дома меня ждет только сухой чай с гороховой дочерью Германии и учебник положения городского населения при Капетингах, то я бы последовала за вами на ваше болото, собирая травы и слушая ваши рассказы, так как мне кажется, что это будет иметь большее значение для самообразования, чем мои обычные вечерние занятия.

Черт (*раскланиваясь*). Моя прославленная учтивость побуждает меня сделать все зависящее от меня, чтобы я отблагодарил вас за ваше общество, которым вы любезно подарили меня далеко превосходящим ваши скромные предположения образом.

Другие. И я! И я! (*Некоторые отымают от глаз платочки и гордо, не глядя, уходят*).

Черт. О, прекрасные девицы! Клянусь тем естественным дополнением к людям установленного образца, которым меня наделило людское недоброжелательство, вы найдете в моем болоте более того, чего искали Канты, потому что их искания слишком часто напоминают кусочек зеленой, но единственной колбасы у цветов на окошке.

Одна. Соловьев... Отечественный мыслитель сказал...

Черт. Да, мы там послушаем и соловьев. Знаете, что недавно я должен был принять ходоков от городских кошек, жалующихся, что несметное количество их сестер погибает от предрассудка, что весенняя песнь кошек, их хвала восходящему

солнцу менее приятна, чем песни их вкусных соперников по нарушению ночной тишины, соловьев, и что свод законов не ограждает их от летящих чернильниц, и просящих слезно рассеять этот предрассудок. Но я должен был им указать на ограниченность круга их миропонимания и заявить, что начало кошек, призванных заменить нечто мычащее или только еще хрюкающее (и здесь благородство имеет разделы) — есть мировое начало и восходит до звезд и даже дальше, за пределы сих светил, ибо сам мир — я должен это заявить голосом твердым и властным — есть лишь протяжное «мяу», зажаренное и поданное нам вместо благородного «м-му». Вы видите, что и я бываю способен на потрясение основ.

Одна. Вы несколько порой болтливы, Чертик. Вы позволите нам называть вас «Чертик»?

Черт. О — да, и заметьте при этом, и с большим удовольствием.

Другая. Если вы завели разговор о кошках только потому, что рассказывали раньше об окошке, то это доказывает ваш дурной слух и то, что пишете очень скверные стихи.

Черт. Это обмен рукопожатий в пляске скорой речи?

Одна. Только, ради Бога, не упоминайте о коромысле!

Черт. Я поражен, я побежден, я отступаю перед вашей наблюдательностью, блестящим лезвием вашей мысли. Увы! Зачем отрицать и отпираться, я именно о коромысле хотел упомянуть.

Одна (*смотрит на часы*). Однако мне нужно идти. Знаете, Чертик, когда вы очень волнуетесь, у вас на бровях показываются рожки. (*Мужественно, низким голосом, подавая руку*). До свидания, Чертик, мне нужно идти.

Черт. Как, вы уходите? Уже? Нет, этому не бывать! Где мы? А! здание княгини Дашковой. Милый Геркуля, ты простишь мне, что твое изображение красуется на всех порошках с древле-овсяной мукой? — Да, я винюсь, это была моя злая шутка. Но я думал оказать тебе услугу, что это тебя прославит, когда ты будешь везде в ходу, подобный средству, которое слабит. Что? Что? Ты недоволен сравнением? Идем, надень мой плащ! Здесь есть два сфинкса, где они? да вот они!

О, благородные и прекрасные создания, неподвижно смеющиеся в течение веков. Вы попадаете в общество, которое будет не менее чутко прислушиваться к вашим метким замечаниям, чем к разглагольствованиям человека с помоста, который умеет рассказать, какой величины был нос у того человека и в котором году вселенная услышала его «уа», который вытащил вас, не спрашивая вашего позволения, на свет Божий из сияющих песков, и блистательно молчит о вас самих. На ваших устах скользит известная доля пренебрежения ко всему земному, но тем приятнее будет вам это небольшое путешествие, так как, уверяю вас, оно состоится в противоречии со всеми земными законами. Вы видите, что на их лицах заиграла улыбка согласия? Но для того, чтобы привести в исполнение свое намерение, им нужно услышать священное слово «ка». Здесь нет сыщиков?
Ворона. Кар! Кар!
Черт. Вы видите — сфинксы, подобно тюленям, радостно кидаются в воду и, ныряя, плывут? Мы с ними встретимся на пути.
Кто-то. Что здесь такое?
Черт. Ничего. Это упал в воду снег. Что же касается сфинксов, то они отправились опускать избирательные записки. Кроме того, они объявлены неблагополучными по чуме и были увезены «скорой помощью».
Кто-то (*недоверчиво оглядывается*). Ты брешешь?
Другой. Тише, это лукавый! Я его сразу узнал.
Черт. Были тени. Кроме того, нам нужно вызвать Геру. Геркуля, кто у вас там есть?

Геркулес наклоняется и что-то шепчет на ухо.

Ах, вас представить! Это известный силач, бывший черносотенником давно-давно и ныне снова собирающийся вступить на борьбу с чудовищами.

Геракл подходит, по очереди пожимает руку.

Все. Ай! ай! И это обещанное возмездие за наше общество? Вы нехорошо отблагодарили нас!

Гера кл (*тихим голосом*). Простите. Я так долго стоял на выступе дворца, я так давно был лишен счастья пожать кому-нибудь руку. Было естественно утратить чувство меры. (*С чувством*). Простите!

Черт. Ну простите его; видите, у него слезы на глазах.

Все. О, мы великодушно прощаем! И кроме того, когда утихнет боль, это делается просто смешно. Вы страдаете дальнозоркостью?

Геракл. О да, я так привык смотреть вдаль. В течение такого долгого времени я должен был стоять на стене и смотреть вдаль. Вы не поверите, что только облака, а также божественная помощь в вычислениях над стаями ворон помогали мне проводить время. Я не хотел, я не мог смотреть на людей, столь легкомысленных, столь неглубоких. Ах, эти вороны! Знаете, они знают достоверно о нашей грядущей гибели. Они даже знают, из неизвестных мне источников, кое-что о тех, кто придут сменить нас. И при том, таково свойство этой породы, они надеются устроиться с неменьшим благополучием, чем при нас. О людях же они отзываются с величайшим презрением. О, почему никто не разгадал?

Одна. Как это глубоко! Как это умно, свежо! Вы наверняка предавались размышлениям, стоя у окон? На вашу голову капала вода с крыши, это неприятно, но, это, вероятно, очень освежает голову.

Геракл. Да, я размышлял.

Одна. Не хотите ли надеть мои очки, я тоже дальнозорка.

Геракл. Нет, бледно. О, если вы дадите черные очки, то я предстану ими украшенный.

Одна. Черные очки! Он просит черные очки, у кого они есть?

Другая. У меня есть. Наденьте. Вот так. Ну, теперь вы настоящий современник. Идемте.

Геракл. Да, я размышлял. Поверите, но среди людей я чувствую себя как живой ивовый прут среди прутьев, пошедших на корзину. Потому что живой души у городских людей нет, а есть только корзина. Я живо представляю себе жреца Дианы, с его веселыми блестящими глазами и чувственным красным ртом.

Он бы, конечно, сказал, старый товарищ и пьяница, что между <мной и> горожанином та разница, которая существует между живым оленем и черепом с рогами. Есть некий лакомка и толстяк, который любит протыкать вертелом именно человеческие души, слегка наслаждается шипением и треском, видя блестящие капли, падающие в огонь, стекающие вниз. И этот толстяк — город. О, как презирают нас вороны и как они зорко видят будущее! Они питают суеверный страх пред калеками. Не значит ли это, что пришельцы будут лишены конечностей? Может быть, их губы?..

Одна. Знаете, вы немного все-таки одичали. Всё вороны и вороны. Это ничего, что я вам говорю: одичали?

Геракл. О, что вы, сударыня. Я разрывал чудовищам пасти и нисколько не спрашивал у них на то согласия.

Одна. О, прекрасная невозвратимая Греция! Не правда ли, она мало походит на нашу величавую столицу?

Геракл. Мм... как сказать? О да, там были прекрасные девушки, и, кроме того, они больше плясали и охотились, чем учились, что было бы сочтено безрассудством и названо безнравственным. Кроме того, этим боялись бы навлечь гнев богов и кару могущественной Природы. Д-да... Но что это? за нами топот, впереди смятение. Чертик! — вы, кажется, называете его «Чертиком» — Чертик скачет на каком-то темном могучем слоне с еще мертвыми глазами и клыками. Опершись о плечо стоит, если не ошибаюсь, Гера.

Странное, загадочное зрелище. Что бы сказал мой приятель Никодим? Он, вероятно, сказал бы: бывающее бывает наделено в меньшей степени вкусом, чем я.

Черт. Мой закадычный друг и царевич — Мамонт. Он готовился принять престол своего отца, когда вдруг, по неизвестным причинам, весь род их умер, и он, скитаясь, нашел в молодых летах кончину в полузамерзлых болотах Сибири. Кроме того — Гера, прошу любить и жаловать. Я умчал его мимо ученых.

Гера. Как противны чувству красоты ваши прически и одежды. Фи! Так одеться не осмелилась бы у нас и рабыня. В противном случае из некоторых из вас могли бы выйти недурные гречанки.

М а м о н т издает трубный звук, подымая хобот.

Ч е р т. А вот мы и на болоте, вот лебяжий пух. Сорвите из них венок и украсьте им мертвую голову царевича, который так и не нашел возвещанного ему при рождении престола. О, покройте лобзаньями мертвого друга. (*Целует в глаза М а м о н т а*).
Г е р а. Страшная участь! Бойтесь, люди, трепещите, ужасное ожидая что-то, люди! Ужасна участь его, его и ему подобных!
Ч е р т. Но где же наши сфинксы? Но вот и они, с гордыми неизъяснимыми улыбками, вынырнули из воды и бодро поставили на берег лапы. Почему они молчат? Вы! Говорите!
С ф и н к с ы. Тише! Тише! Он рассердился! фырр...
Ч е р т. И улыбайтесь!
С ф и н к с ы. И улыбаемся.
Ч е р т. Достойное вас занятие.
С ф и н к с ы. Мы думаем!

Гера уходит на частное совещание с спутницами. Через несколько времени они возвращаются одетыми и причесанными по образу богини. Богиня стоит с высокой прической и улыбающимися глазами. Легкая метель плетет на ее теле снежные венки.

Г е р а. О люди! люди! От лучей зноя нас защищает метель. Если бы вы знали, как мы любим вас, пристально следя за ходом ваших судеб. Если бы вы поняли, что наша божественная власть зависит от вас и вне вас — призрак. О люди, люди, зачем вы покинули нас? (*Смотрит на звезды*).
М а м о н т (*падает на колени и глухо рыдает*). И я был царевич!
Г е р а. Перестаньте вы! О чем вы плачете? скажите. Стыдно, толстый юноша. Вот на вас белый венок одет?! Вы были царевичем, да? У вас была невеста? Нет! Не надо плакать, дайте я вас поцелую в ваш мертвый невидящий глаз. Не надо плакать. Развеселите его чем-нибудь, девушки!

Девушки ходят вокруг плачущего Мамонта и поют: «Заинька беленький, заинька серенький, поскачи, попляши», ударяя в ладоши. Мамонтом овладевает приступ неудержимого веселья, он начинает скакать и плясать и кружиться. Другие стоят и смотрят с улыбкой.

Мамонт. Я вижу! Я прозреваю! Я думаю!

Сфинксы. Он видит! Мы же перестали думать, находя это скучным, и только улыбаемся.

Гера. Да, он всё нашел. Он стоит в блаженном безумии. Совьемте ж вокруг него круг из рук и голосов, как слабо опьяненные вином рабыни пред своим царевичем.

Сфинксы. Обещанное возвещено.

Гера. Звезды, будьте свидетели союза земли и любви. Звезды, о звезды...

Сумасшедший (*с горящими глазами*).

Всё вожделея и им вожделенная,
Стояла девушка на берегу старого Волоха.
Но из протянутой вперед руки вселенной
Обнаженная высунута проволока.

Черт. Это не живая вселенная, а чучело. Чучело птицы с мертвым глазом и выходящей из кости проволокой, — ужасно!..

Сфинксы. Это страшно. Над этим мы не умеем смеяться. Здесь наши улыбки — трусы. В его выкрике есть какой-то мучительный вызов.

Черт. Да, его слова страшны, но зато он нисколько не опасен и может остаться. Пусть он смотрит в глаза Мамонта. Смотрите, он смотрит огненным взглядом на слепые глаза царевича. Смотрите, царевич вздрагивает. Закройте все глаза. Вы не вынесете — это лучи. Царевич видит.

Кто-то. Он и раньше видел.

Черт. Нет, он только что сейчас прозрел!.. Безумец зажег слепца безумным светом своих очей. Слепец прозрел. Мертвый царевич — видит! Так недополненный кубок божества, пролитый на землю, рождает зрение. Слепой не вынес луча безумия. Учитесь, о учитесь!

Сфинксы. Мы улыбаемся.
Черт. Рассказывали ли вам что-нибудь подобное учителя?
Все. Нет, дорогой, не рассказывали.
Черт. Мы невидимы для окружающих. Мы только мрак и струи марева для смотрящих извне. Но мы всё видим.

Но смотрите — что за странность!

Вот собирается множество лягушек самых разнообразных, больших и малых, которые образуют гребень волны, так что мельчайшие лягушки подобны пене, и вот, о чудо! Смотрите! Смотрите! Из пены рождается, возникая, новый жрец искусств — Белокумирный. Какой странный кумир!
Одна. Не содержит ли он, однако, крыс?.. Ну, мне пора, однако, идти домой. Уже поздно, и не близок путь... До свиданья, остроумный Чертик!
Черт. Странное, странное зрелище. Я очарован им.
Кто-то. Это не бог... это только выводок молодых лягушат, храбро поющих, каждый на свой лад, песни жизни.
Черт. Очень может быть. Искусственное заведение для разведения молодых лягушат? Совершенно невинное занятие, друзья, даже без знака вопроса; но почему здесь вопросы принимают очертания бога? Разводка лягушат... Ха! Ха! Ха!
Сверху. А, мы летим на раскатистый голос нашего друга. Нас там не приняли. Нас чуть не посадили в какую-то жидкость нетления, и только чьи-то чары, несмотря на негодование и вопль жрецов, спасли нас от преждевременного бессмертия. Ольга схватила насморк, простудилась. Я, от неудобного положения занятого разговорами и полета верхом на облаке, схватил головную боль. Кроме того, у меня болят зубы. Не знаешь ли, чем помочь?
Черт. Есть средства безусловно сильные. Например: положить руку на огонь. От сильной боли зубы должны утихнуть.
Молодой господин. Ты прав, по обыкновению. А это что за не по-нашему одетые особы? Какой у них лихой независимый вид! Фу-ты ну-ты! Это наши товарки!
Черт. О! это одна из шуток, которыми я забавляюсь. Видишь ли, из музея похищены древние и ценные статуи. Пораженные

тем, что происходило, они будут некоторое время стоять в оцепенении, мы же приведем на след их разыскивающих.
М о л о д о й   г о с п о д и н. О Черт, Черт! Ты обольщаешь всех, кроме себя.
Ч и н о в н и к. Вот они! А вот и воры! Буду стрелять при попытке бегства!
Ч е р т. Мы не двигаемся.

Все разбегаются, кроме Ч е р т а и М о л о д о г о ч е л о в е к а.

Это было бы слишком скучно, если бы у моего правила обманывать были желания. Да! Скучно делать льготы для себя и невинности быть обманутым.
Ч и н о в н и к. Убежали! В погоню, туда, в погоню!
О д н а   и з   у ч и л и ц. Мы не знаем, в чем дело. Мы отправились при очень невероятной обстановке. И вот...
Ч и н о в н и к. Извините, извините... Я так виноват. Я прикажу здесь подать вам лошадей. Я стал жертвой недоразумения.
О д н а. Да, но как же так?
Ч и н о в н и к. Извините, извините, сударыни.

Ч е р т и М о л о д о й господин одни, беседуют.

М о л о д о й   г о с п о д и н. Смотрите, видите озеро и охотник за осокой держит за шнурок утку. Это манная утка кричит, и к ней слетаются товарищи и падают мертвыми от выстрелов охотника. Утка кричит, кричит... Что это, сударыня, значит? Я должен размышлять, не страшен ли этот сон — этот повальный полет в смерть. Я тоже был охотником.
Ч е р т. Ужасна эта охота, где осока — годы, где дичь — поколения.
М о л о д о й   г о с п о д и н. Ты говоришь страшные вещи. И твои очи страшны сегодня.
Ч е р т. А вот девушка, подходящая к пропасти, чтобы кинуть нечто, лежащее на ладони. Но! Это живое — не только живое,

но и целый народ. Да, он несом к пропасти, раздираемый междоусобиями. Окруженный жестокими и грозными соседями, он презирает военное ремесло, существу<я> только своей многочисленностью; он стремится распасться на сословия, разделенные ненавистью. Да! его пропасть близка, и близок раздел между воинственными соседями. О леса, которые не предвидел старик Геродот, вы будете!

Молодой господин. Страшно, что ты говоришь, Черт. Ты сегодня мрачен.

Черт. Поневоле. О! я, как раненый олень, ищущий уединения, готов взбежать на отдаленную звезду и с закинутыми рогами простонать истину. В этом есть глубокий смысл, мой друг. О леса, леса, на них качаются не плоды, а люди. Не мимо ли кладбища мы идем? Не страшно ли, что близость кладбища наводит на размышление о природе бессмертия с проткнутой проволокой и стеклянными глазами? Потому что всюду, несмотря на снег, вижу летние, яркие, красные и синие и нежно-глиняные цветы, на таких же сине-зеленых или бледно-желтых широких густых ветках. Земная потуга на бессмертие. Но почему именно родили их глиняные и увядающие цветы? Или это голод бессмертия, зов его, идущий из дупла? Здесь люди задолго до смерти покупают место для своей могилы. И в дни именин — на место последнего покоя, и платят сторожу жалованье, чтобы он соблюдал порядок. Так они завоевывают весомый земной рай.

Нищие. Бабочки, а бабочки, помянем рабу Божию. (*Едят, стоя гурьбой, кутью с изюмом*). Подвиньтесь, родные, бабочки.

Нищий. Вон господа идут. (*Вкрадчиво*). Милый барин, дайте за упокой души.

Черт. Странно, черт возьми, очень странно. Идемте быстрей. Вот дом утолимой печали. Печали по отсутствующему бессмертию. Утолимой глиняными тяжелыми венками синих незабудок под стеклом с свинцовым днищем и боками! Странно! Очень странно! Вот надпись: «И настанет великая тишина». Под <ней> око с расходящимися лучами. Идемте, люди, быстрей!

Песнь мальчика на кладбище.

Ударится сокол о колья
Всем лётом соко́линой гру́ди.
Упал. Доля соколья!
Сверкает глаз в прозрачном пруде.
Всё ходит сокол около
Крутых и близких стен,
В походке страшной сокола
Покой преддверием смятен.
Он ходит, пока лов
Не кончен дикой смерти.
О! телом мертвых соколов
Покой темницы смерьте!

Черт. Он кончил. Поприще глиняных цветков под свинцом и чугунной оградой! Мимо знаков! Страшный вывод! Где живые люди? с восточными глазами... Кто не хочет смерти, тому мы не подаем руки. Того мы травим злобными взглядами и усмешками.

Пустырь. Метель.

Кто это? Вот один военный, который несет на себе другого.
Русский (*с длинными усами, несущий замерзшего человека*). Этого пьянчугу я нашел во время своей ежедневной прогулки за городом замерзающим и немогущим. Я нес его на плечах три версты и теперь, гордый и счастливый, что я могу спасти его, останавливаюсь перед вами, первыми встреченными здесь мной людьми. Помогите мне привести его в чувство и, когда он придет в себя, дать хорошего подзатыльника, чтобы он умел впредь, не замерзая, идти <по> большой дороге. Я счастлив, что спас его от смерти.
Черт. Замерзающий! Замерзающий людин! Судя по вашему бескорыстному поступку, высокому росту и отменно-дерзкому выражению лица, вы — отставной воин? Вы спасли его?
Русский. Да, я полковник, я полковник. И я спас его.

Черт. Я люблю видеть в вещах прообразы. Я люблю сквозь вещи зорким глазом видеть будущее. Вы разгоняете мои мрачные думы... Вы — добрый светлый луч, разогнавший сердечную непогоду. Но спешимте его привести в чувство. Ваша осанка и вид отставного военного заставляет меня снять шляпу и просить позволения пожать вашу руку.

Военный. О да, я отставной военный. При Тырнове мой полк переходил реку по шею в воде, шел лед. Мы сражались за Россию. Немногие остались живыми. Так со славою мне умирать?.. Но кто вы?

Черт. Нет, я — черт. Я борюсь только за могилы предков!

Русский. А... Мм-да. Что ж, всякое бывает. Н-да. У каждого свой нрав. Я протягиваю вам палец руки. Простите мне мой прямой и откровенный вопрос. Но я горд своей прямотой и тем, что два раза в лицо назвал одного временщика мошенником. Да, я ему прямо в лицо сказал: «Вы, ваше превосходительство, мошенник!» Теперь я с удовольствием пожму вашу, простите, честную руку. Да, я сказал правду, несмотря на то что я, как видите, очень беден. Я был у него на приеме и так и сказал: «Вы, ваше превосходительство, мошенник!» Что? и недурно?

Черт. Не только недурно, но и прекрасно. Прекрасн<ы> и вы, статный старик, несущий на плечах замерзающего пьянчугу... Но, по-видимому, здесь холодно. Знаете что? Оставьте его на наше попечение. Оставьте нам и свое имя, чтобы этот несчастный знал, кому он обязан жизнью, а мы знали, в ком приветствовать приход человека.

Военный. С удовольствием! (*Дает адрес*).

Черт. О, там бывал. Еще раз — вашу прекрасную ручку. Эта рука работала шашкой.

Военный. Бал-дарю... Всего, всего хорошего. (*Идет по снежной дороге*).

Черт. Какая прекрасная личность! И этих людей...

Военный. Я человек решительный. Ко мне раз подошли босяки: «Барин, барин, мы тебя зарезать хотим». Я им сказал: «Что вы думаете, что я цыпленок вам, что ли? Живой не дамся в руки! Подходите!» Они попятились и ушли. У меня же ничего с

собою не было. Ну, здесь наши дороги расходятся. Балдарю!

Черт. Отведемте этого босяка в чайную и там приведем его в чувство.

Эй! половой! (*На пьяного указывает*).

Половой. Что изволите?

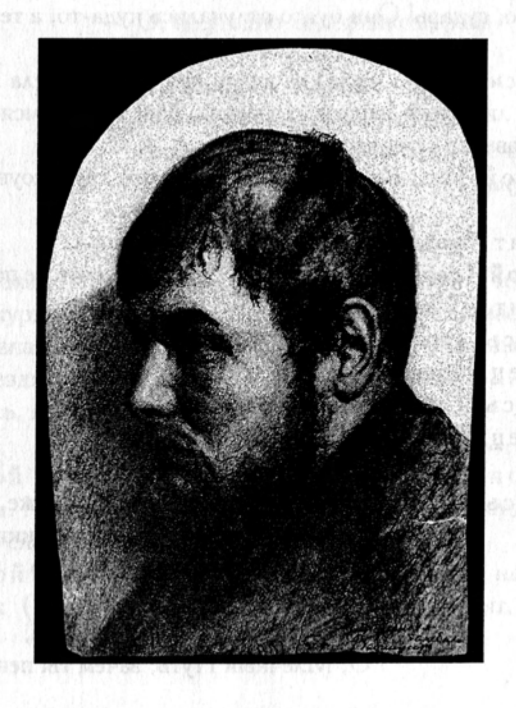
Черт. Снегу, да всего того, что нужно.

Половой. Слушаюсь.

Черт. Эти люди могут спасти Россию. Какая открытая и благородная усмешка!

Всегда и везде последним судьей выбирайте зверя. Не правда ли, великолепны эти извозчики со своими рыжими бородами, свежими голубыми глазами и тугими шеями? У многих из них лица властителей. С каким презрением отозвался бы зверь о наших!

Монашка. Братец, пожертвуйте на построение храма! Братец мой, спасибо, родной. Дай тебе Бог здоровья!

Портрет кучера. Рисунок В.В.Хлебникова. Начало 1900-х гг.

Молодой господин жертвует.

Черт. Видел того, чьи глаза то широко темны, то выпуклы и напрягаются? Не правда ли, он безумец?

Безумец (*вставая и протягивая руку*). Вы думаете, что я безумец? Безумец....! Да!

Половой (*осклабившись*). Сумасшедший!

Замерзший (*вытирает усы и перестает пить*). Благодарю! (*Подымается и уходит*).

Разносчик. Чулки вязаны, рукавицы теплые! Очень дешево, лучший товар!

Половой. Он теперь не замерзнет. Стреляная птица!

Черт. Но почему опять появляется на сцене чертеж России и слово «Россия» в страховании? Лишь только он ушел! Страшный человек!

Половой (*подходит и пальцем трогает слово «Россия»*). Так точно, сударь! Они будто отлучались куда-то, а теперь вернулись.

Черт (*смотря на часы*). Однако неотложные дела заставляют меня лишиться вашего общества. Мы встретимся завтра у Кругликовых в семь часов?

Молодой господин. Да! До свидания, глубокоуважаемый Черт.

Студент (*засыпая над пивом*). Отрешился...

Половой (*появляясь, строго*). Здесь засыпать не полагается.

Студент. А? кружку!

Сфинксы (*появляясь*). Кружку!

Сиделец. Черного? Белого?

Сфинксы. Синего. Мы пьем только синее небо.

Сиделец. Как угодно!

Сфинксы (*поют*).

Лапы протягивая друг к дружке,
Мы полним небом синим кружки,
Мы смотрим светло и спесиво
На все иные пива.
Мир станет небом постепенно,
О, Млечный Путь, зачем ты пена?

Петь и пить будет,
Кто нашу песню забудет.

Французская свобода. Я пришла сюда согреться!
Мои завяли крашеные перья,
Холодна и одинока теперь я.
О, куда мне деться?

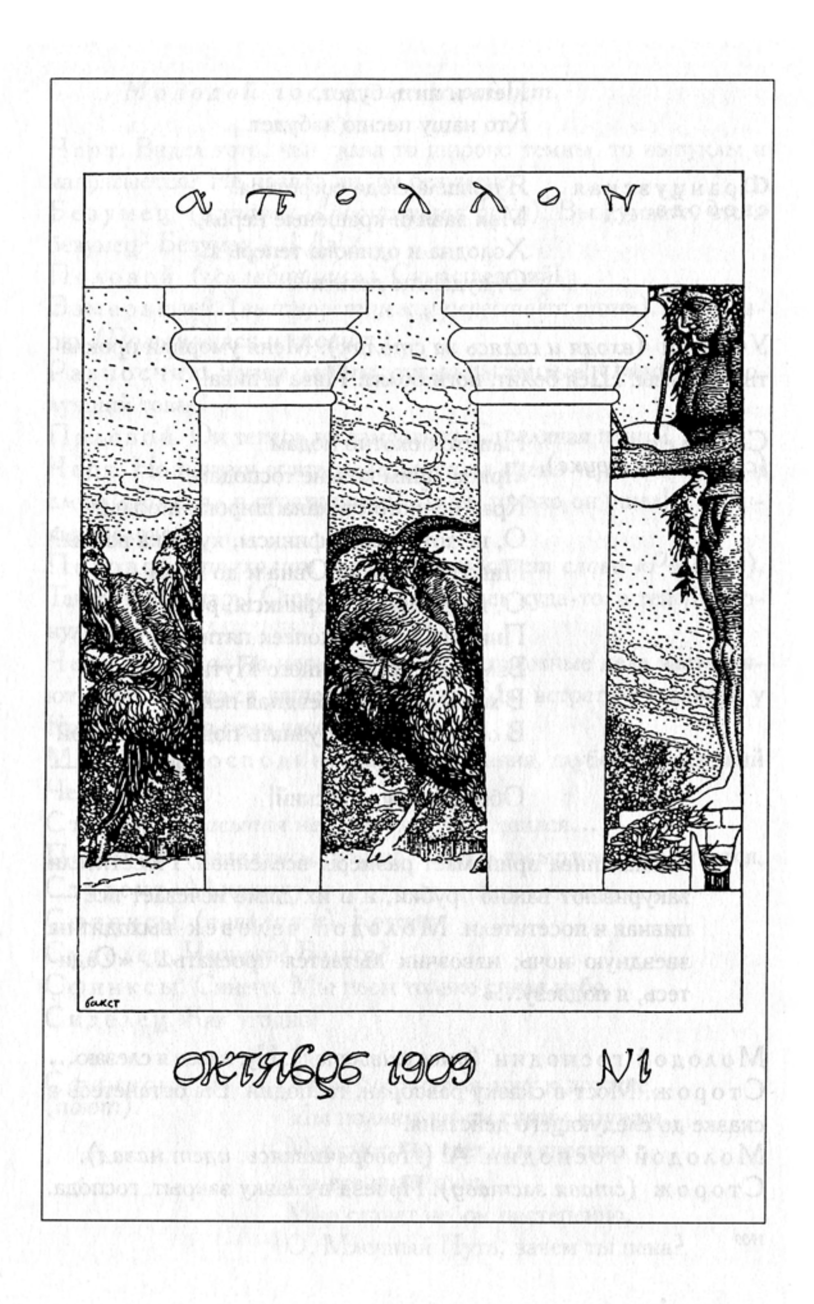
Ученый (*входя и садясь за столик*). Меня уморили проклятые ведьмы. Шея болит, ноги болят. Пива и пива!

Сиделец (*с кружкой в руке*). Напиток охотно подам
Пришедшим ко мне господам.
Края пенного стакана широки и облы,
О, не хотите ли, сфинксы, кусочка воблы?
Пиво взойдет до Овна и до Рака —
О, не угодно ли, сфинксы, рака?
Пиво не дороже копеек пяти,
Взметнет до Млечного Пути.
В моем стакане звездная пена.
В обширном небе узнать поднос с пивной закуской —
Обычай ново-русский!

Стакан пива принимает размеры вселенной. Посетители закуривают важно трубки, и в их дыме исчезает всё — пивная и посетители. Молодой человек выходит на звездную ночь; извозчик пытается проехать... «Садитесь, я подвезу...»

Молодой господин (*высаживается*). Ну, здесь я слезаю...
Сторож. Мост в сказку разобран, господин. Вы останетесь в сказке до следующего действия.
Молодой господин. А! (*Поворачиваясь, идет назад*).
Сторож (*ставя заставу*). Проезд в сказку закрыт, господа.

1909

Первый номер журнала «Аполлон» (фронтиспис работы Л.Бакста).

ЗАТЫЧКА

СБОРНИКЪ.

Велиміръ Хлѣбниковъ;
Давидъ, Владиміръ,
Николай Бурлюки.

Рисунки.

Стихи.

ФУТУРИСТЫ

„Гилея“.

Сборник 1913 г. с публикацией В.Хлебникова «Сатира“Петербургский Аполлон” (отрывок)».

МАРКИЗА ДЭЗЕС

<Перховский>

На днях я плясал.
На этой неделе. Какого дня?
Среда, четверг или воскресенье?
В сидячей жизни это спасенье.
Знакомые, приятели, родня.
Устал. Вспотел. Уж отхожу.
Как вдруг какой-то воин: «Подстричься вам пора-с!»
Сказал и скок в толпу. Я думал: вот-те раз!
Я уже послать ему собрался вызов,
Но не нашел в толпе нахала.
Кроме того, здесь нужно было перейти какую-то межу.
Я в созерцание ушел чьего-то опахала
Из перышек голубеньких и сизых.
Наука-то больно проста: сначала «милостивый
государь»,
А потом свинцом возьми да и ударь.
Да... А там, глядишь, и парни
Несут кромсать в трупарню.

Делкин

Ха-ха, куда он гнет!
Забавник! И не моргнет!

Перховский

Ну, я не трушу.
Это и не странно. Лицом имея грушу...

Делкин
Я бы хотел под мушкою стоять разок.

Глобов
А правда хороша, последний как мазок,
В руке противника горсть спелой вишни.

Перховский
Ну, тогда и выстрелы немного лишни.
И тот, кто сумрачен как инок,
Тогда уж портит поединок.

Холст
Э-е-е! Вы правы! Я как-то шел,
Станом стройный сын степей,
Влек саблю и серебро цепей...

Лель (сходя)
В взоров море тонучи,
Я хожу одетый в онучи.
В сегоденки-лапоткѝ
Я воткнул стоять цветки.
Вокруг пуговиц сорочки
Легли синие цветочки.

Все
Он чудо! Он прелесть!
Он милка!

<Кто-то>
От восторга выпала моя челюсть,
Соседка, передайте мне вилку!

Ценитель
О! Это тонко. Весьма!
Вы заметили, какая нежность письма?

Любитель

Да! здесь что-то есть!
Не знаете, здесь можно поесть?

Писатель

Какой образ, какой образ! Пойду и запишу.

Любитель

Пойду и что-нибудь перекушу.

Ценитель

Я, идучи сюда, уже перекусил.
Но он немного здесь перекосил.

Художник

Молодчага! Молодчинище! Здоровенно!

Писатель

И всё так изученно, изысканно и откровенно,
Здесь всё разумно, точно, тонко!
Стремление к письму цветочному
И явный вкус к порочному.

Пожилой человек

Какая прелесть глазами поросенка
Смотрит вот с этого холста.
Я бы охотно дал рублей с полста.
Он в белое во все одет, и лапоть с онучем
Соединен красивым лыком. Склонение местоимения
«он» учим, —
Могли бы ответить детские глаза спросившему,
чем занято
Ныне дитя. Наступят сроки и главным станет то,
Что сейчас как отдаленный гнев и ужас мерещится.
Так... Я буду рад, когда мое имя с надписью
«продано» на этот холст навесится.

Но что? Он подает нам руку! Послушай, дорогая,
это не полотно,
Что взгляды привлекло, как лучшее пятно.
Ну, что же, новый друг! Из холста воображаемого
выдем-ка!
Какая добрая выдумка
Заставила вас нарядиться в наряды Леля?
Или старинная чарующая маска
Готова по сердцу ударить, как новая изысканная
ласка?

Лель
Мне так боги Руси велели.

Пожилой господин
Да? вы чудак. Вы чудной.

Лель
Кроме того, я связан в воле одной...

Пожилой господин
Кем — полькой, шведкой, Руси дочью?

Лель
Нет, но звездной ночью,
Когда я обещанье дал расточить в Руси русск<ую>
рать
И, растекаясь, в битвах неустанно умирать.

Пожилой господин
Странное обещанье в наш надменный век.
Прощайте, добрый человек.

Поэт (одетый лешим)
Стан пушком златым золочен,
Взгляд мой влажен, синь и сочен.

Я рогат, стоячий, вышками,
Я космат, висячий, мышками,
Мои губы острокрайны.
Я стою с улыбкой тайны.
Полулюд, полукозел,
Я остаток древних зол.
Мне, веселому и милому козлу,
Вздумалось прийти с поцелуем ко злу.
Разочаруют, лобзая, уста,
И загадка станет пуста.
Взор веселый, вещий, древен,
Будь как огнь сотлевших бревен.

Распорядитель вечера (слуге)

За «Рафаэлем» пошли.
Кто это пришли?

Слуга

Маркиза Дэзес!

Маркиза Дэзес

Я здесь не чувствую мой вес.
Так здесь умно и истинно-изысканно. Но что здесь лучшее — ответь же, говори же!
Чудесен юноши затылок бычий?
И здесь совсем, совсем всё, как в Париже!
О, вы бесстрашно поступили, вводя этот обычай!
Повсюду чисто, светло. сухо.
Обоев тонкая обшивка. В них умирает муха?
Мило, мило. Под живописью в порядке расставлены цветки?
Духов болотных котелки?
Собачки дикой коготки?
Не той ли, что, бродя и паки,
Утратила чутье в душе писателя с происхожденьем от собаки?

Спутник

Быть может, да, но вот и он...

Маркиза Дэзес

Хотите дам созвучье — бог рати он.
Я вам подруга в вашем ремесле.

Спутник

Да, он — Багратион, если умершие, уставшие хворать
И вновь пришедшие к нам люди — божья рать,
Смерть ездила на нем, как папа на осле,
И он заснул, омыленный, в гробу.

Маркиза Дэзес

О боже, ужасы какие! Опять о смерти. Пощадите
бедную рабу.

Спутник

Я уже вам сказал,
Что я искал,
Упорный, своей смерти.
Во мне сын высот ник.
Но сегодня я уже не вижу очертаний неуловимой дичи,
Когда я преследовал, вабя и клича,
Дамаск вонзая в шею тура,
Срывая лица маск в высотах Порт-Артура,
Неодолимый охотник.
Пояс казаков с железной резьбой
Мне говорил про серебро далеких рек,
Порой зарницей вспыхнувший разбой, —
Вот что наполняло мою душу, человек!
Я слышу властный голос: «смерьте».
Просторы? Ужас? Радость? Рок?
Не знаю. Нестройный звук нарек развилок двух дорог.

Маркиза Дэзес

Ах, оставьте… вы всё про былое!
Оставьте! Смотрите, я весела, воскликнуть готова
«былое долой!» я.
Смотрите лучше: вот жена, облеченная в солнце,
и только его,
Полулежа и полугреясь всей мощью тела своего,
Поддерживая глубиной раздвинутого пальца
Прекрасное полушарие груди (о взоры, богомольные
скитальцы!),
Чтобы рогатую сестру горячим утолить молоком,
Козу с черными рожками и черным языком.
Как сладок и, светом пронизанный, остер
Миг побратимства двух сестер.
Миг одной из их двух жажды
Сделал мать дочерью, дочь матерью, родством играя
дважды.
Не сетуйте на мой нескладный образ,
Но в этом больше смеха, сударь, а я по-прежнему
к вам добра-с.
(*Пожимает, смеясь, руку*)
Пусть я с неловкостью дикарки
Беру лишь те слова, что дешевы, но ярки.

Спутник

Царица, нет — богевна!
Твоя беседа сегодня так напевна!

Маркиза Дэзес (*смеясь*)

Право! вот я не знала!
Но вставайте скорее с колен. Я подарю вам на память
мое покрывало.
Но тише, тише, сядем,
Мы всё это уладим.

Спутник

Я знаю, что «смерьте» — велел мне голос —
Ваш золотой и долгий волос!

Маркиза Дэзес

Да. Тише, тише. Слышите, там смеются. Это Мейер.
Сядьте сюда. Передайте мне веер,
Где были вы вечор?
Зачем так грустен ясный взор?

Рафаэль

Я слышал зов. Надеюсь видеть папу Пия и Анджело!

Распорядитель

Вино? Пришли!

Слуга (*заикаясь*)

Они изволили, то есть пришли.

Распорядитель

Ты мелешь, братец, чепуху!

Слуга

Нет, нет! Я как на духу!

Распорядитель

Но это явная ошибка! Быть может, вы не туда звонили!
Или, в самом деле, Рафаэля имя шутник присвоил? Или?

Рафаэль (*с легким поклоном*)

Мне при рождении святыми отцами имя Рафаила
некогда дано.

Распорядитель (*к слуге*)

О, олух! олух! Ду...
Я говорил тебе: вино!

Рафаэль

Я вызвал здесь и переполох, и смуту, и беду...
Я не думал... Я думал встретить Микель-Анджело.

Распорядитель

Ах, здесь посвежело!
(Пожимая руку Рафаэлю)
Ах, я не могу! Я не могу! Здесь путаница вышла.
Во всём вините, пожалуйста, слугу.
Я убегу (*убегает*).

Слуга

Ишь, куда повертывает Маковский дышло...

Кто-то

О, «Рафаэль» вино и Рафаэль живой! О прибаутка ведем!
Ну, что же, ты ошибся: домой, в путь обратный едем.

Рафаэль и незнакомец уходят.

Рыжий поэт

Я мечте кричу: пари же,
Предлагая чайку Шенье,
(Казненному в тот страшный год в Париже),
Когда глаза прочли: «чай, кушанье».
Подымаясь по лестнице
К прелестнице,
Говорю: пусть теснится
Звезда в реснице.
О Тютчев туч! какой загадке,
Плывешь один вверху, внемля?
Какой таинственной погадка
Тебе совы, моя земля?

Слуга

Одни поют, одни поют,
И все снуют, и все снуют,
Пока дают живой уют.

Зрители проходят и уходят. Маркиза Дэзес и Спутник в боковой горнице.

Маркиза Дэзес

То отрок плыл, смеясь черными глазами,
И ветки черные усов сливались с звездными лозами.
Я, звездный мир зная над собой, была права,
И люди были мне, березке, как болотная трава.
Неслышна ли ночь, незрима топь,
Но что это? Переживаем ли мы вновь таинственный потоп?
Почувствуй, как жизнь отсутствует, где-то ночуя,
И как кто-то другой воскликнул: так хочу я!
Люди стоят застыло, в разных ростах, и улыбаясь.
Но почему улыбка с скромностью ученицы готова ответить:
я из камня и голубая-с.
Но почему так беспощадно и без надежды
Упали с вдруг оснегизненных тел одежды!
Сердце, которому были доступны все чувства длины,
Вдруг стало ком безумной глины!
Смеясь, урча и гогоча,
Тварь восстает на богача.
Под тенью незримой Пугача
Они рабов зажгли мятеж.
И кто их жертвы? Мы, те же люди, те ж!
Синие и красно-зеленые куры
Сходят со шляп и клюют изделье немчуры,
Червонные заплаты зубов,
Стоящих, как выходцы гробов.
Вон, скаля зубы и перегоняя, скачет горностаев снежная чета,
Покинув плечи, и ярко-сини кочета.
Там колосится пышным снопом рожь,

И люди толпы передают ей дрожь.
Щегленок вьет гнездо в чьем-то изумленном рту,
И всё перешло какую-то таинственную черту.
Лапки ставя вместе, особо ль,
Там скачет чей-то соболь.
И козочки ступают осторожно по полу,
Глазом блестя, оставив живопись,
А сова, раньше мел, — над ними крыльями хлопала.
О спутник мой, крепись!
Щегленок — сын булавки!
И всё приняло вид могильной лавки!
Там в живой и синий лен
Распались женщин кружева.
И взгляд стыдливо просветлен
Той, которая, внизу камень, взором жива.
От каждой шеи, от каждой выи
Вспорхнули тени. Зачем живые?
Все стали камнями какого-то сада,
И звери бродят скучные среди них — какая досада!
В ее глазах и стыд и нега,
И отсвет бледный от другого брега.
Ей милостью оставлен легкий ток,
Полузаслоняя вид нагот.
Взор обращен к жестокому Судье.
Там полубоязливо стонут: Бог,
Там шепчут тихо: Гот,
Там стонут кратко: Дье!
Это налево. А направо люди со всем пылом отдались веселью,
Не заметив сил страшных новоселья.

Спутник

Бежим! Бежим отсюда, о госпожа!

Маркиза Дэзес

Но что это? Ты весь дрожишь? Ты весь дрожа?
Но спрашивать не буду. Куда же мы идем, мой «мой»?

Спутник

В божество, божество, спасающее глаз тьмой!
Мои имения мне принесут земную мощь!
В «вчера» мы будем знать улыбку тещ.
Но нет! не скучно ли быть рабом покорным суток.
Нет, этот путь, как глаз раба печальный, жуток!
Убийца всех, я в сердце миру нож свой всуну!
Божество. Стать божеством. Завидовать Перуну.
Я новый смысл вонзаю в «смерьте».
Повелевая облаками, кидать на землю белый гром...
Законы природы, зубы вражды ощерьте!
Либо несите камни для моих хором.
Собою небо, зори полни я,
Узнать, как из руки дрожит и рвется молния.

Маркиза Дэзес

Успокойся, безумец, успокойся!

Спутник

Сокройся, неутешная, сокройся!
Твоя печаль и ты, но что ты рядом с роком значишь?

Маркиза Дэзес (*закрыв лицо*)

Но ты весь дрожишь? Ты плачешь?

Спутник

Так! Я плачу. Чертоги скрылись, волшебные с утра,
Развеяли ветра.
Над бездною стою. Голос не умолкший смерти.
Не «ять» и «е», а «е» и «и»! Кого — себя? Себя для смерти!
Себя, взиравшего! о верьте, мне поверьте!

Маркиза Дэзес

Ты сумен, друг. Бежим, бежим!
Разве не ужасен этот ножа молчания нажим
К стеклу внимающего духа,

Кого, как нетопыря, растянуто ухо.
Слышишь, как умолкло странно всё вокруг и, в тишине внезапной нарастая,
Бежим, — сейчас войдут к нам горностаи.
И заструятся змейки узких тел.
Но что это? Чей меч иль бич в ночи свистел?
О бежим, бежим! Ты не можешь? Повсюду дышит новый зверь.
Я не Дэзес. Я русская, я русская, поверь!

Спутник

Бог от «смерти» и бог от «смерьте»!

Маркиза Дэзес

С твоей руки струится мышь. Перчатка с писком по руке бежит. Какая резвая и нежная она! Так, что-то надвигается! Я уже дрожу. Но подавляю гордо болезненную улыбку уст.

Спутник

Бежим!

Маркиза Дэзес

Хорошо. Я бегу. Но я не могу. Жестокий! что ты сделал! Мои ноги окаменели! Жестокий, ты смеешься? Уж не созвучье ли ты нашел «Нелли»? Безжалостный, прощай! Больше я уже не в состоянии подать тебе руки, ни ты мне. Прощай!

Спутник

Прощай. На нас надвигается уж что-то. Мы прирастаем к полу. Мы делаемся единое с его камнем. Но зато звери ожили. Твой соболь поднял головку и жадным взором смотрит на обнаженное плечо. Прощай!

Маркиза Дэзес

Прощай. Как изученно и стройно забегали горностаи!

Спутник

С твоих волос с печальным криком сорвалась чайка. Но что это? Тебе не кажется, что мы сидим на прекрасном берегу, прекрасные и нагие, видя себя чужими и беседуя? Слышишь?

Маркиза Дэзес

Слышу, слышу! Да, мы разговариваем на берегу ручья. Но я окаменела в знаке любви и прощания, и теперь, когда с меня спадают последние одежды, я не в состоянии сделать необходимого движения.

Спутник

Увы, увы! Я поднимаю руку, протянутую к пробегающему горностаю. И глаз, обращенный к пролетающей чайке. Но что это? и губы каменеют, и пора умолкнуть. Молчим! Молчим!

Маркиза Дэзес

Умолкаю...

Голоса из другого мира

— Как прекрасны эти два изваяния, изображающие страсть, разделенную сердцами и неподвижностью.
— Да. Снежная глина безукоризненно передает очертания их тел.
— Ты прав. Идем в курильню!
— Идем. (*Идут*). Я то же предложить хотел.

Конец 1909. <1910>

МИРСКОНЦА

I

Поля. Подумай только, меня, человека уже лет 70, положить, связать и спеленать, посыпать молью! Да кукла я, что ли?
Оля. Бог с тобой! Какая кукла!
Поля. Лошади в черных простынях, глаза грустные, уши убогие. Телега медленно движется, вся белая, а я в ней, точно овощ, лежи и молчи, вытянув ноги, да подсматривай за знакомыми. И считай число зевков у родных, а на подушке незабудки из глины, шныряют прохожие. Естественно, я вскочил — бог с ними со всеми! — сел прямо на извозчика и полетел сюда без шляпы и без шубы, а они: лови! лови!
Оля. Так и уехал? Нет, ты посмотри, какой ты молодец! Орел, право орел!
Поля. Нет, ты меня успокой да спрячь вот сюда в шкап. Вот эти платья, мы их вынем, зачем им здесь висеть? Вот его я надел, когда был произведен — гм! гм! дай ему царствие небесное — при Егор Егоровиче в статские советники, то надел его и в нем представлялся начальству, вот и от звезды помятое на сукне место, хорошее суконце, таких теперь не найдешь, а это от гражданской шашки место осталось... такой славный человек тогда еще на Морской портной был, славный портной. Ах, моль! Вот завелась, лови ее! (*Ловят, подпрыгивая и хлопая руками*). Ах, озорная! (*Оба ловят ее*). Всё, бывало, говорил: «Я вам здесь кошелек пришью из самого крепкого холста, никогда не разорвется, а вы мой наполните, дай бог ему разорваться». Моль! А это венчальный убор, помнишь, голубушка, Воздви-

женье? Так мы всё это махоркой посыплем и этой дрянью, что пахнет и плакать хочется от нее, и в сундук положим, запрем, знаешь, покрепче и замок такой повесим, хороший, большой замок, а сюда, знаешь, подушек побольше дай периновых, — устал я, знаешь, сильно, — чтобы соснуть можно было, что-то на сердце тревожно, знаешь, такие кошки приходят и когти опускают на сердце, сама видишь, всё неприятности: коляска, цветы, родные, певчие — знаешь, как это тяжело. (*Хнычет*). Так если придут, скажи: не заходил и ворон костей не заносил, и что не мог даже никак прийти, потому что врач уже сказал, что умер, и бумажку эту, знаешь, сунь им в самое лицо и скажи, что на кладбище даже увезли, проклятые, и что ты ни при чем и сама рада, что увезли ... бумага здесь главное, они, знаешь, того, перед бумагой и спасуют, а я, того, (*улыбается*) сосну.

Оля. Родной мой, заплаканы глазки твои, обидели тебя, дай я слезки твои эти платочком утру. (*Подымается на цыпочки и утирает ему слезы*). Успокойся, батюшка, успокойся, стоит из-за них, проклятых, беспокоиться, улыбнись же, улыбнись! На, рябиновку налью, вот выпей, она помогает, вот мятные лепешки, и свечку возьми в черном подсвечнике, он тяжелее.

Звонок.

Поля. А это от моли насыпь в сундук. (*Прыгает с подсвечником в руке. Она с победоносным видом запирает на ключ, оглядывает и, подбоченясь, выходит в переднюю*).

Голос в передней. Доброе утро! М-м э-э... Па... Нико... э-э?

Оля. Царство ему небесное! Вот... хмык, хмык (*плачет*)... увезли, спрятали. Увезли, а он, сердечный, — живёхонек!

Голос в передней. То есть? Э-э — тронулась старуха, совсем рехнулась! Э-э это чудо, это э-э, можно сказать, случай!

Оля. Умер, батюшка, умер, с полчаса только, ну что мне, старой, божиться — ногами в гробу, а он умер, честное слово... а вы, может быть, куда-нибудь торопитесь, спешите... А? а то посидите, отдохните, если устали... уж уйду свечу поставить, знаете, обычай... вы отдохните, посидите в гостиной, покурите, а ключа не дам ни за какие смерти, режьте, губите, волоките на

конских хвостах белое тело мое, только не дам ключа, вот и весь сказ. Посидите в гостиной, не бойтесь.

Он. Того...

Оля. Да вы не спешите, куда же вы торопитесь? Ушел таки... А странный, говорит, случай. (*Стучит ключом в шкап*). Ушел, соглядатай проклятый, уж я и так и так...

Поля. Что, ушел?

Оля. Ушел, родной.

Поля. Ну и слава богу! И хвала ему за то, что ушел. А я сижу здесь да думаю, что и как оно обернется, а оно всё к лучшему.

Оля. Уж я ему: да вы куда-нибудь торопитесь, может быть, спешите... А ему всё невдомек, прости господи. Да ты выдь, батюшка. Опять звонок! И отпирать не буду, прямо скажу — больна, да при смерти! Кто там? (*Неясный ответ*). Больна, сударь мой, больна.

Голос неизвестного. Я врач.

Оля. А у меня, сударь, такая болезнь, что увижу врача — или метла в руку прыгает или кочерга, а то воды кувшин или еще что хуже.

Голоса за дверью. — Что? — по-видимому! Как быть?
— А бог с ней! нам-то что?
— Пусть себе ездит на помеле.

Оля. Ушли, удалой мой, ушли.

Поля. Что-то глуховат...

Оля. Я им метлой, как тут не уйти. (*Отпирает ключом дверь. Накрывает на стол*). Уедем в деревню... не хорошо: певчие, чужие люди, лошади в шляпах.

II

Старая усадьба. Столетние ели, березы, пруд. Индюшки, куры. Они идут вдвоем.

Поля. Как хорошо, что мы уехали! до чего дожили — в своем дому пришлось прятаться... послушай, ты не красишь своих волос?

Оля. Зачем... а ты?

Поля. Совсем нет, а помнится мне, они были седыми, а теперь точно стали черными.

Оля. Вот слово в слово. Ведь ты стал черноусым, тебе точно лет 40 сбросили, а щеки как в сказках — молоко и кровь. А глаза, глаза чисто огонь, право! Ты писаный красавец, как говорили деды в песнях старых. Что за притча такая?

Поля. Ты видишь, кстати, наш сосед приехал к нам и об естественном беседует подборе с Нинушей. Смотри да замечай, не быть бы худу.

Оля. Да-да, и я приметила. А Петя бьет баклуши, пора учиться отдавать.

Поля. К товарищам, пускай собьют толчками и щипками пух нежный детства. Не дай бог, чтоб вырос маменькин сынок.

Оля. Ну, уж пожалуйста! Помнишь ты бегство без шляпы, извозчика, друзей, родных?.. тогда он вырос и конский колыхался хвост над медной каской и хмурые глаза смотрели на воина лице угрюмом, блестя огнем печально-дорогим, а теперь пух черный на губе, едва-едва он выступает, как соль сквозь глину, — опасная пора, чуть-чуть не доглядишь и кончено.

Подходит Петя с ружьем и вороном в руке.

Петя. Я ворона убил.

Оля. Зачем, зачем, кому же надо?

Петя. Он каркал надо мной.

Оля. Обедать будешь ты один сегодня. Запомни, что, ворона убив, в себе самом убил ты что-то.

Петя. Я сыт, я сливки пил у Маши.

Оля. У Маши? Завтра ты уедешь!

Поля. Да, сударь, рано, очень рано!

Петя. И хлеба черный кус она мне принесла.

Поля. Пора служить!

Петя. Кому, чему? себе согласен, а также милым мне.

Поля. Приятно слышать! А, происхождение видов! Добро пожаловать к нам в гости! Нинуша, Иван Семенович здесь! Не

правда ли, что у обезьян в какой-то кости есть изъян? Мы не учены, но любит старость начитанных умы.
Оля. Ушли куда-то...
Поля. Как будто бы в беседку.
<Оля.> Опасная соседка!
Поля. Беседка... м-м... пора, пора.

Появляется сияющая Нинуша.

Нинуша. Он... он...
Отвечая на молчаливый вопрос говорит: «Да, да!»
Нина. ...Он начал про Дарвина, а кончил так невинно: «На небе солнце есть...», а после: «Я имею честь...», и сделался совсем иной и руку поцеловал слюной.
Поля. Я очень рад, я очень рад, будь весела, здорова, умна, прекрасна и сурова.
Нина. Об этом знала я тогда, когда сидели мы в саду на той скамье, где наши имена в зеленой краске вырезаны им, и наблюдали сообща падучих звезд прекрасный рой, и козодой журчал вдали и смолкли шепоты земли.
Поля. Давно ли мы, теперь они, а там и вы — так всё сменяется на свете.
Нина. Но видишь, он стоит под деревом, и я скажу ему: согласна. Согласен? (*Хватает за руку*).
Поля. М-м-м.

III

Лодка, река. Он вольноопределяющийся.

Поля. Мы только нежные друзья и робкие искатели соседств себе, и жемчуга ловцы мы в море взора, мы нежные, и лодка плывет, бросив тень на теченье, мы, наклоняясь над краем, лица увидим свои в веселых речных облаках, пойманных неводом вод, упавших с далеких небес, и шепчет нам полдень: о дети... Мы, мы свежесть полночи.

IV

С связкой книг проходит Оля и навстречу идет Поля, он подымается на лестницу и произносит молитву.

Оля. Греческий?
Поля. Грек.
Оля. А у нас русский.

Встречаются через несколько часов.

Оля. Сколько?
Поля. Кол, но я, как Муций Сцевола, переплыл море двоек и, как Манлий, обрек себя в жертву колам, направив их в свою грудь.
Оля. Прощай.

V

Поля и Оля с воздушными шарами в руке, молчаливые и важные, проезжают в детских колясках.

1913

Екатерина Турова. Ошибка Барышни Смерти. 1917.
(Из альбома Л.И.Жевержеева, хранящегося в Петербургском музее театрального и музыкального искусства. Рисунок опубликовал и подробно объяснил Д.Бернштейн, см. «Терентьевский сборник». Вып. 3. М., 1996).

ОШИБКА СМЕРТИ

Тринадцатый гость

Действующие лица: Барышня Смерть, 12 посетителей и 13-й посетитель.
Место действия: харчевня веселых мертвецов-трупов с волынкой в зубах.

Барышня Смерть. Друзья! Начало бала Смерти. Возьмемтесь за руки и будем кружиться.

Запевало. В шали шалый шел.
Морозный слышу скрежет,
Трещит и гнется пол,
Коготь шагающий нежит.
Ударим, ударим опять в черепа,
Безмясая пьяниц толпа.
Там, где вилось много вервий
Нежных около висков,
Пусть поют отныне черви
Песней тонких голосков.
Мой череп по шов теменной
Расколется пусть скорлупой,
Как друга стакан именной,
Подымется мертвой толпой.
Жив ли ты, труп ли ты, пой-ка!
Да славится наша попойка,
Пусть славится наша пирушка,

Где череп веселых — игрушка,
И между пирушки — старушка
И с пьяною рожей старец веселья,
Закутан рогожей, — он князь новоселья!
Всё, от слез до медуницы,
Всё земное будет «бя».
Корень из нет-единицы
Волим вынуть из себя.
Довольно! (*Останавливает круг*).

12 гостей. Теперь что делать, барышня Смерть?

Барышня Смерть. Ты часы? Мы часы!
Нет, не знаешь ни аза,
Кверху копьями усы
И закрой навек глаза!
Там, где месяц над кровлей повис,
Стрелку сердца на полночь поставь
И скажи: остановись!
Всё земное, — грезь и явь.
В старинном сипе
Ночных дверей
Погибни, выпей,
Умри скорей.
Как бусы ниток,
Виденья дней
Рассыпь, нишкни так
И стань бледней.
Бледней и шатайся...
Окончим бал Смерти, господа! Я устала. Я сяду.
Мы летели, мы дышали,
И на теле эти шали,
Точно птицы, пав на снег,
Подымая нас на смех,
Знали, есть обед из нег.
Вот. Тот мот, —
Кто-то, что лучше
За гробом чарующей тучи.

Берет соломинку и пьет вишневый сок из стеклянного стакана. 12 гостей делают то же. Длинный стол, крытый белым. В стаканах красное, темное. У некоторых черепов черные губы.

Пир.

Барышня Смерть (*сосет красную сладкую воду; в губах ее соломинка золотистая, узкая*). Мне дайте голову Олега, — мой милый, храбрый мальчик (*Пьет и задумывается*). Эй! Дайте лед! (*Зевает*). Эй! белые чары! К ужину, господа! (*Медленно встает и уходит в дверь*). Мне показалось, — там у дверей стоит этот мальчик.

Медленно снимает с соломинки чехол. И в белом вся бродит с хлыстом среди гостей. Укротительница среди своих зверей. Чаши — с глиняно-желтыми надбровными дугами и серыми скулами — около гостей. Стук в двери.

Барышня Смерть. Кто там, кто там в этот час?
Кто прильнул сюда, примчась?

Дружок, отворите двери — вам ближе; а вы передайте мой хлыст — вот он там.

Так безумен и неистов,
Кто стучится в темный выстав?
На горящее окно
Его бурей принесло?

Голос. Эй! Отворите!

Барышня Смерть. Он сюда стучит опять,
Он сюда вошел, скользя.
Нас всего... Четыре, пять...
Он — тринадцатый, нельзя!
Иль немой сказал: «Агу»,
Иль он молвил: «Не могу»,
Он вошел и стал под притолкой.
Милый, милый, его вытолкай.

В о ш е д ш и й. Эй! Торговка смертью!
Я не читал про город Глупов,
Но я вижу много бледных трупов.
Они милы, они милы,
В когтях смеющейся плутовки,
Их губы — скорые винтовки,
Но лица их — мелы, мелы.

Они молчат, они умерли, как огонь, брошенный на снег, и лица их белы, как пятно мела на стене. Да, это харчевня мертвых гуляк. Вот куда я попал. Я также хочу быть сытым всем, чем здесь сыты эти белые, эти меловые у стен. Некоторые из них еще шевелятся: так мухи умирают на цветке — лениво и с неохотой.

Слушай! (*Сгибая шашку*). Я, тринадцатый, тоже хочу пива мертвых. Мне нравится моя греза.

Приходит сон: одни ложатся и шепчут «няня», другие — «братец» и что-то бормочут и ворчат.

Слушай! Я требую пива мертвых: его напились эти белые, эти меловые у стен. Струятся, как оплывшая свеча, их одежды, и у всех пол-ореха в руках.

Эй! Я приказываю!

Б а р ы ш н я С м е р т ь. Слушаю, барин; да как же это сделать, стакана нет свободного?

В о ш е д ш и й. Это не мое дело. Я приказал, я покупаю в харчевне мертвецов глоток кубка смерти.

Б а р ы ш н я С м е р т ь. Ах ты, напасть какая! На рынок, что ли, пойти?

В о ш е д ш и й. Ни снежинки совета и помощи.

Б а р ы ш н я С м е р т ь. Уж очень ты подозрительный человек — вот что, верно говорю.

В о ш е д ш и й. Да, или ты лишаешься права торговли смертью навсегда и повсюду.

Барышня Смерть. Вот какой строгий. (*Надевает платочек*). И вправду беда. Ну, чего смотришь, проклятый? В харчевне мертвецов нельзя пить чужими стаканами.

Среди мертвецов некоторое оживление, и у некоторых за меловой маской — огонь живых. Они шевелятся концами бровей, рта.

Барышня Смерть (*берет хлыст*). Назад, проклятые! Назад, в смерть! (*Щелкает хлыстом*). На кого теперь их оставлю? Сидите смирно (*Уходит*).

Двенадцать, которые прилипли к стенам, как скамья мертвых, оживают; некоторые зажигают спички: «Позвольте прикурить» — «Благодарю вас». Другие сладко позевывают, потягиваясь: «Ох-хо-хо!»

Барышня Смерть. Нет дома соседки. А здесь все повскакали. Уйди ты! что надо? Еще зарубит.

Тринадцатый. У меня ни капли сострадания. Я весь из жестокости.

Барышня Смерть (*перебегает к двенадцати и усаживает их*). Сидите, ястребы! Голову я потеряла.

Тринадцатый. Я, тринадцатый, спрашиваю — голова пустая?

Барышня Смерть. Пустая, как стакан.

Тринадцатый. Вот и стакан для меня! Дай твою голову.

Барышня Смерть. Вот не соображу, что делать; будь полная, знала бы.

Тринадцатый. Идет? — Ставка на глупость смерти.

Барышня Смерть. Идет.

Тринадцатый. Ты стояла когда-то на доске среди умных изящных врачей, и проволока проходила кости и выходила в руку, в паутине, а череп покрыт надписями латыни. Ну?

Барышня Смерть (*потупившись*). Да. Нас было три на цепи.

Тринадцатый. Отвинти свой череп. Довольно! Чаша тринадцатого гостя. А вместо него возьми мой носовой платок. Он еще не очень грязен и надушен (*разворачивает*).

Барышня Смерть. Повелитель! Ты ужаснее, чем Разин. Хорошо. А нижнюю челюсть оставь мне. На что тебе она? (*Закидывает косы и отвинчивает череп, передает ему*). Не обессудь, родимой.

Тринадцатый (*передает носовой платок*). Не обессудь, родная.

Барышня Смерть. С носовым платком плохо видно. Сам налей себе. В черном бочонке, в черном твоя вода. Слушай! не обмани меня! Как женщина, когда ее ведут в застенок, обнимает ноги палача, так я обнимаю и целую твои. Я ослепла. Я не вижу. Мой череп у тебя, у силача.

Тринадцатый. В первый раз в жизни я очень тронут таким добросердечным раскаянием. Смерть валяется в ногах у меня.

Двенадцать посетителей. Ты не обманешь, но мы обманем; мы, невольники у стены, в глазах у которых скоро будет по государству червей, мы заклинаем: обмани!

Барышня Смерть. Я не увижу ни букашек, ни пира в харчевне: горе мне, я слепа, я обнимаю ноги — ты хотел, угрожал, требовал квас мертвых. Он в бочонке, а мой в голубом. Не перемешай их. Смотри: дочь могил — как березовый веник у тво-

их ног — молит и заклинает. А если ты маятник между «да» и «нет», — то имей сердце!

Тринадцатый. Ты сама нальешь напитки.

Барышня Смерть. Но где мой череп? Где глаза? Слушай, я знаю, ты победил (*Ищет голову*). Что теперь мне подскажет мой носовой платок? — ничего! Я победила или умираю? (*Вскакивает*). Больше свиста свирелей из берцовых костей человека! Треска позвонков! Ударов в тазы! Больше лютней из узких мизинцев! Вы, двенадцать, вы хитро перешептываетесь. Среди вас я бродила с хлыстом. Теперь тоже не растерзаете меня. Прочь! Прочь!

О, черепа, играйте в лютни!
О, кости, бейте в балалайки!

Я налью две чаши — жизни и смерти — и сделаюсь иной, невкусной, беленой у дороги. Теперь выбирай.

Тринадцатый. Сама выбери.

Барышня Смерть. Я слепа.

Тринадцатый. Поэтому и выбери.

Барышня Смерть. Я пью, — ужасный вкус. Я падаю и засыпаю. Это зовется ошибкой барышни Смерти. Я умираю (*Падает на подушки*).

Двенадцать оживают толчками по мере ее умирания. Веселый пир освобожденных.

Барышня Смерть (*подымая голову*). Дайте мне «Ошибку г-жи Смерти» (*Перелистывает ее*). Я все доиграла (*Вскакивает с места*) и могу присоединиться к вам. Здравствуйте, господа!

23 ноября 1915

Библіографія.

В. В. Хлѣбниковъ. Ошибка смерти. Москва. Стр. 16. Ц. 60 коп., Лирень. 1917.

Кажется, проходитъ время, когда отношеніе ко всѣмъ поэтамъ футуристамъ было какое то гуртовое. Всѣхъ брали кучей, не отличая Маяковскаго отъ Каменскаго, Хлѣбникова отъ Игоря Сѣверянина. Конечно, удивляющая и раздражающая (какъ все непривычное) новизна пріемовъ, хотя далеко не всегда одинаковыхъ, но одинаково новыхъ, была этому причиной. Все было непонятно, все сердило и все было похоже одно на другое.

Давно ли путали Бальмонта съ Брюсовымъ, Блока съ Вяч. Ивановымъ, Сологуба съ Гиппіусъ, одинаково отказываясь ихъ понимать?

Давно ли первое дѣйствіе „Валкиріи", для насъ ясное почти, какъ музыка Мейербера, казалось музыкальной Абракадаброй? Я помню, какъ такая отнюдь не революціонная опера, какъ „Евгеній Онѣгинъ", считалась лишенной мелодій и всякаго толка. Кажется, только школа акмеистовъ избѣгла этихъ первыхъ шаговъ признанія и никому никогда не представлялась непонятной, или возмутительной.

Теперь, я думаю, никто не смѣшаетъ Маяковскаго съ Сѣверяниномъ и многіе знаютъ что у В. Хлѣбникова серьезное и важное лицо поэта. Конечно, этотъ поэтъ — наиболѣе крѣпкій орѣхъ и добраться до его ядра представляетъ нѣкоторый трудъ, тѣмъ болѣе, что самъ поэтъ почти не помогаетъ своимъ читателямъ. По мѣрѣ того, какъ выясняется поэтическій образъ Хлѣбникова, дѣлается болѣе понятной и его родословная (какъ это ни досадно, можетъ быть, для футуриста, но она всегда существуетъ). Это—южно русскія лѣтописи, слово о полку Игоревѣ, малороссійскія повѣсти Гоголя и особенно стихи Пушкина. Разумѣется, это неожиданное и блестящее родство нисколько не убавляетъ индивидуальныхъ особенностей и личнаго таланта Хлѣбникова. Послѣдняя его книга заключаетъ въ себѣ пьесу „Ошибка смерти" и нѣсколько лирическихъ стихотвореній. Въ пьесѣ, написанной необыкновенно сильными и крѣпкими стихами и прозой, представляется, какъ Барышня-Смерть погибаетъ, сама себѣ, будучи обманутой, наливъ смертельнаго напитка. Чѣмъ то напоминаетъ „Балаганчикъ" Блока, особенно въ концѣ. Хлѣбниковъ пользуется пріемомъ „причудливости" (Die Laune) нѣмецкихъ романтиковъ, перешедшимъ по наслѣдству къ А. Блоку.

Рецензия М.Кузмина
(журнал «Северные записки». Пг., 1917. Январь).

Б. См. Я умираю (падаетъ на подушки).

12-ть оживаютъ толчками по мѣрѣ ея умиранія.

Веселый миръ освобожденныхъ.

Б. См. (подымая голову) Дайте мнѣ „Ошибку г-жи Смерти" (перелистываетъ ее). Я все доиграла (вскакиваетъ съ мѣсть) и могу присоединиться къ вамъ. Здравствуйте, господа!

Можетъ быть: это—самая доступная изъ книгъ Хлѣбникова и по моему, всякому, кто безъ предразсудковъ захочетъ познакомиться съ прекраснымъ и такимъ значительнымъ поэтомъ, слѣдуетъ начинать именно съ этой книги. Только мнѣ кажется, что при своей доступности, (можетъ быть, въ связи съ нею) эта книга не такъ характерна для Хлѣбникова, какъ хотя бы „Міръ съ конца" или „Дѣти Выдры".

Меня нѣсколько удивило отсутствіе знаковъ препинанія, тѣмъ болѣе, что оно какое то частичное: временами, довольно неожиданно, появляются точки, запятыя и даже восклицательные знаки,—такъ что это или небрежность, или непонятное желаніе сдѣлать болѣе темными и безъ того не очень ясные стихи.

Я понимаю, что знаки препинанія мѣшаютъ сосредоточиться на звуковомъ смыслѣ стиха, но Хлѣбниковъ вообще, если не исключительно поэтъ-мыслитель, то во всякомъ случаѣ поэтъ философствующій, которому, казалось бы, интересно, что бы была понята и его мысль и логическое (какъ бы странно, образно и сжато ни было оно выражено) содержаніе стиха.

Также мнѣ кажется совершенно ненужнымъ и нѣсколько смѣшнымъ стремленіе къ сложнымъ риѳмамъ: „непремь" — „зь травѣ прямъ"; „богъ рыбъ"—„погребъ"; „воскъ кости"—„плоскости"; „васъ точка"—„ласточка". При стихѣ Хлѣбникова это производитъ впечатлѣніе ненужной связанности, неуклюжести или нарочитости юмористическихъ куплетовъ.]

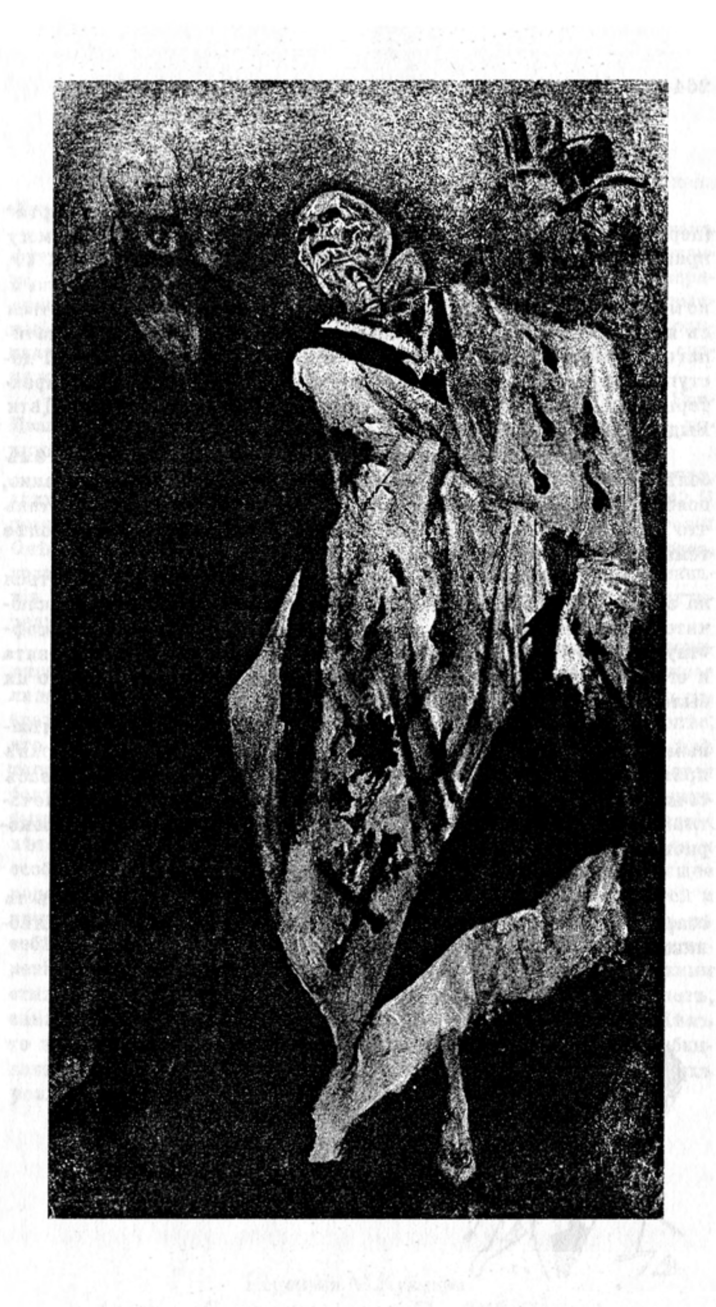
Построеніе стихотворенія на одной согласной:

Жмутъ жгутъ жестокихъ жалобъ въ жолобъ—тоже какъ то старо и не совсѣмъ достойно прекраснаго и величаваго стиха Хлѣбникова.

М. Кузминъ.

Николай Кульбин. Портрет М.А.Кузмина. 1913.

Фелисьен Ропс. La mort au bal masque. 1890.

БОГИ

Туда, туда,
Где Изанаги
Читала моногатари Перуну,
А Эрот сел на колена Шанг-ти,
И седой хохол на лысой голове бога
Походит на ком снега, на снег,
Где Амур целует Маа Эму,
А Тиен беседует с Индрой,
Где Юнона и Цинтекуатль
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шахматы,
Облокотясь на руку,
И Хокусаем восхищена Астарта, —
Туда, туда!

9 мая 1919

Где Ункулункулу — бревно с глазами удивленной рыбы. Их выковырял и нацарапал нож. Прямое жестокое бревно и кольца нацарапанных глаз.

Тиен — старик, с лысым черепом, с пушистыми кустиками над ушами, точно притаились два зайца. Его узкие косые глаза похожи на повешенных за хвостики птичек.

А Маа Эму — морская дикарка, с темными глазами цвета морского вечера, могучая богиня, рыбачка дикарка, прижимающая к груди морского соменка.

Шанг-ти — седой бородач, спотыкающийся в своей бороде.
Индра — могучая дева с зарей облаков на волосах. В черном поясе лесных цветов на теле.
Небесная баба — Юнона — облаком сизым ноги закрыла, четками утренних нег облаков.
Тор — старик с снежной бородой роящихся пчел. Снежные пчелы-вихри бороды, липовый улей — лицо, два летка — глаза.
Юнона, одетая лозою хмеля, напилком скоблит белоснежные каменные ноги.
Ункулункулу прислушивается к шуму жука-дровосека, проточившего ходами бревно деревянного бога.
Цинтекуатль — мысленно ловит личинку комара, плавающую в лужице воды в просверленной голове бога.
Венера — ставит на своих белокаменных плечах свежую заплатку, посвятив время починке белого камня любви.
Шанг-ти — смывает с черепа облако копоти. Как зайцы, над ушами висят два снежных клока седины.
Тиен — гладит утюгом свои длинные, до земли, волосы, ставшие его одеждой.
Астарта — стоит у водопада и держит около груди маленького сома.
Изанаги — надевает на себя на плечи нить серебряных рыбок.

Эрот: Юнчи, Энчи! Пигога́ро!
Жу́ри ки́ки: синь сонэ́га, апсь заби́ра
милючи́!
(*Впутывает осу в седые до полу волосы старика Шанг-ти*).
Плянчь, пет, бек, пиро́йзи! жабури́!

Амур (*прилетает с пчелой на нитке — седом волосе из одежды Шанг-ти*): Синоана — цицириц!
(*Летает с пчелкой, как барин с породистой собакой*).
Пичири́ки чилики́. Эмзь, амзь умзь!

Юнона (*натирает белые снежные волосы желтым цветком луга*):

Гели гу́га грам рам рам.
Му́ри-гу́ри рикоко́!
Сипль, цепль, бас!

Э р о т (*колотит ее по белым плечам длинным колосом осоки*):

Хахиюки! Хихоро́! Э́хи, а́хи, хи!
Имчири́чи чуль буль гу́ль!
Му́ри му́ра мур!

Ю н о н а: Чагеза! (*отстраняет его, как муху, хворостиной*).

У н к у л у н - к у л у: Жепр, мепр, чох!
Гигога́гэ! гророро!

(*По деревянным устам течет дикий мед, который он только что кушал. В волосах, из засохшей крови убитого врага, гнездо золотых ос. Их тела — золотые свирели — они ползают по щекам старого бога*).

Ю н о н а: Вчера был поцелуй.
Му́ри гу́ри рикоко́.

(*Печатает неделю и число на деревянных плечах бога*).
А вот и имя Зи-зи ризи! (*Вырезывает ножичком*).
Сиоку́ки-сисиси́!

У н к у л у н - к у л у: Перчь! Харчь! Зорчь!

(*Сопит и уходит. Записная книжка великой красивой богини, следы любви строгими буквами на книге. Падают снежинки*).

Ю н о н а: Ханзиопо! Мне холодно.

(*Перун подает ей черную медвежью шубу сибирских лесов. Богиня зябко окутывается в нее от снега. Снежинки*).

В е н е р а: Эн-ке́нчи! Рука Озириса найдена
на камнях у водопада сегодня мною.

Эн-ке́нчи! Зибга́р, зорга́м! Дзуг заг!
Мэнчь! Манчь! Миу!
Целуйте! Зев зив диобэ! Цицири́ки ца́ца!
Целуйте!
Гребнем рта чешите волосы страданий!
Сикики́хи хазаде́ро.
Омр, бром, мэу, цицилици ци́!
Цу́ги бу́ги хорм!
Браг! брезг! дзо!
Арака́ро дзу́го дзи! бздрак!

Лелейте ресницами и большими птицами в них с испуганными крыльями — плачьте!

О́мре, и́мре, у́мре.
Хала хала хити ти́ .
Ху́рм! хурм!
Миогэ! Миогэ!

Анче Патяй (*во рту его вечный улей пчел, и он сосет свои медовые усы, седые*):

Бархар ку́ко псо псо псо!

Эрот (*садясь ему на плечо*):

Ла́ты ле́ти куль куль куль!
Амза о́мза мигоа́нчь!
Сио э́льчи буль чулю́р!

(*Трепыхает снежными крыльями, садясь верхом на руку*).

Чомпас (*седой старик с божественными глазами*):

Гдрак рари́ро рироро́!
Хув, хав, хев.

(*Снимает черную шкуру*).

Кость медведя годится сосать и писать имена.

Юнона: Дай мне.
Мара ра́ма бибабу́ль —

Укс, кукс, эль!
Сиоха́са чичиди́!
Рededиди дидиди́!

Кали (*в одежде из черных змей*):

Вода течет, никто не пьет — вот череп для питья. Красивый враг смотрел на звезды, и боги приказали умертвить, и сломан шелком позвонок.

Вейтесь, змеи смерти!
Ягза, пе́рчи, бе́бзи ой!
Зергза ули лой мой той!
Грой эмчь а́мчи парири́!
Зи́рию го́ра, пичири́!

Тор (*в снегах, точно в белых медведях*):

Ртеп нaго́ги пиличи́ли?
Пали чо́чи чиполо́чь!
Бург гаве́во ригора́п.
Рамигома забзараг!
Муро баба буро пчех!
Гагао́я — гигага́з!
Гийи! Гик! (*Ункулункулу*)
Старик, дорогу!
Дерево — почет чугуну!
С меня течет свинцовый пот.

Кали: Дай руку, дай обнять!
Но бойся змей!
А их укус смертелен, бог!

Эрот (*хватает змею и летит, волоча змею*):

Бигу гу́ барз, берз, гичичи!
Пипси о́пи, па́га гу
Чочи гуга, гени ган!
Аль, эль, иль!
Али, эли, или!
Чирчь, чарчь, смуль, нози! зика!

Му́ли мо́ли моль!
Эк ак ук! кайи йоки пинии юк!
Гамчь, гемчь! кирокиви вэ́ро!
(*Кружится со змеей, козодоем хлопает в крылья*).

Боги: Эча учи очи
Кези нези загзарак!
Низаризи озири!
Ме́аиму́ра зиморэ!

Кали: Ветром смерти на них! Мертвого духа!
Мазачичи чиморо!

Перун: Я нового бога привел, Ундури.
Познакомьтесь! Пни будут ложами!
(*Эрот разбивает змею о каменные пальцы Цинтекуатля*).

Кали: Глюпчь! Пенчь! Дзэ́ро.
(*Тянется к мертвой волосами змей*).
Прости, змея.

Цинтекуатль: Мап! Мап!
Брагви́ро цигаро́
Шалишь, малой! Не балуй!

Эрот: Лельга, оньга, эхамачи!
Ри́чи чи́чи чичичичи́!
Бродаду́до бираро́
Пульси пе́льси пипапе́й.
(*Прячется в волосах Юноны*).

Юнона: Дитя, что хочешь ты?
Макарао киочерк?
(*Пепел богов падает сверху*).
Логуа́га дуапо́го!

Велес (*скотий бог*): Брувуру́ру рururу́.

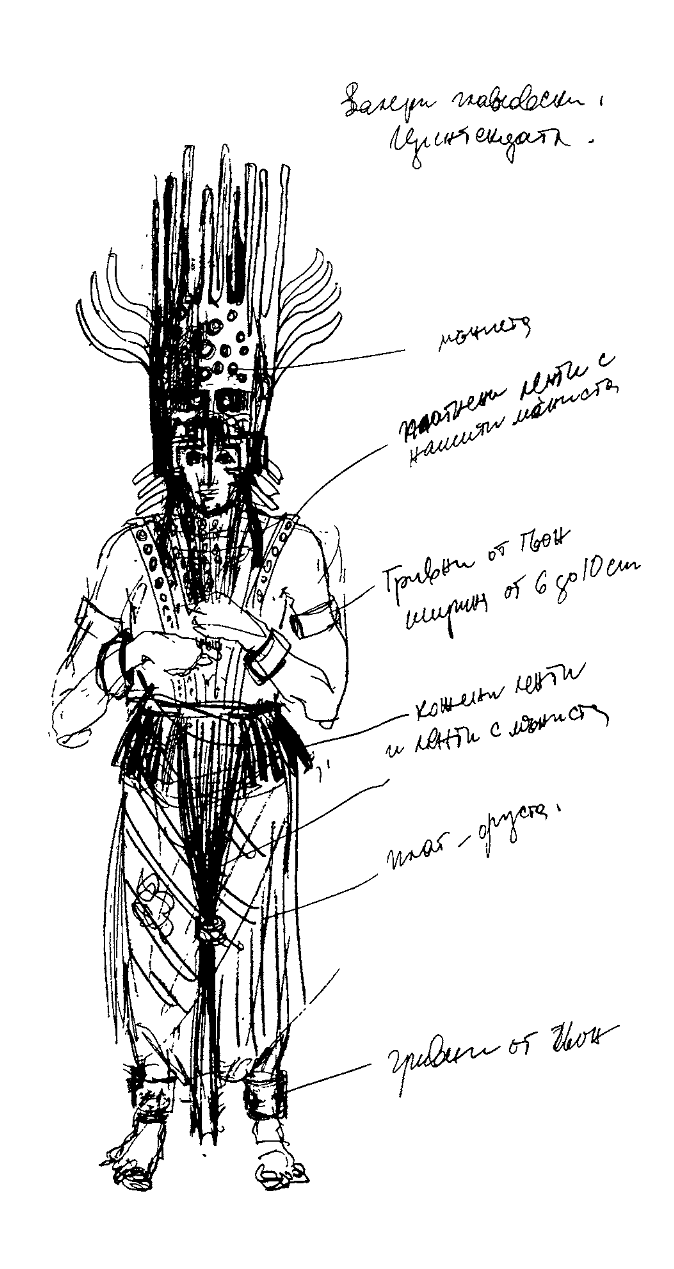
Пице цапе сэсэсэ!
Брувуру́ру — рururу́.
Сицилици цицици!
Пьянзь, пензь, панзь!

Эрот: Лельга, о́ньга, эхамчи́!
Ричи чичи чичичи!
Ле́ни ну́ли эли а́ли!
Бачика́ко кикако́.
Накико́ко кукаке́!
Кукари́ки кикику́.
Папа пу́пи пигиги́!
Мород, мород, миучали
Ка́па, ка́па, кап!
Эмч, амч, умч!
Думчи, дальче, дольчи!
(*Взявшись за руку уносится с Велесом*).
Макарао киочерк!
Цицилици цицици.
Вракуло́ки ка́ка кам!
Чукурики чок!

Стрибог (*нюхая алый цветок, смотрит на горы*):
Бируры зирора́! нели мали килико́!
Пигогая ранани; вуру туры пироро́!

Перун: Тарх парака прак так так!
Пирирара пурурору!
Тохо даго пороро́ро! прокрокро́!
Прокрокра́пти!

Ундури: Шарш, чарш, зарш.
Сегодня остяк высек меня и не дал тюленьего жира.
Рщи чакуру кумыбал!

Марина Райчинова. Эскиз костюма Цинтекуатля к представлению «Маленькие трагедии» В.Хлебникова. Болгария. 1989.

Марина Райчинова. Ункулункулу. 1989.

Юнона: Леоло́ла буаро́! вицеоле сесесе!
Люнунуля изазо
Винавива мельчь и ульчь.
Сицоцара грозаза! морохоро ратата́ти
Козомозо мионеги хиракуки сцицили!
Серикикика кукури!

Амур: Бей баюро! Лиое́ли!
Мани эза, плюки оки, пель, пель, пель!
Пичиопи туртурту!
Пинчь, пенчь, панчь!
Сололо́ло морами.

Цинтекуатль: Пруг, буктр, ркирчь.
Практв, бакв, жам!
Жрат, гаврт, тивт!
Марж бзор мерчь
Гигога́го! гро ро-ро!
Бзуп, бзой, черпчь жирх!
Рапр грапр апр!
Перзи орзи чивири.
Ляя уля нользи
Мони кино ро.
Бзлом!
Кукако́ка апсь чиме!
Лаждь нажд кажд, шажд! цири!
Пум там турктр! Жепр, мепрь чох!
(*Жарит оленя, положив ветки на каменные ладони бога жабы*).

Лель: Левиа́пи, липаречи чизело!
Мури гури рикоко!
Бух, бах, бох, бур, бер, бар,
Эх, гиль ох!
Цицили!

Юнона: Бальдур, иди сюда!
Зам, гаг, зам!

Ундури: Дех, мех, дзупл.
Туки, паки сицоро,
Мигоанчи, мечепи!
Рбзук квакада квакира! хлям!

Тиен: Сиоукин сисиси.
Сиокуки сицоро!
Хрюрюрюрю чицацо́.
Печь, пачь, почь.
Хавихо́хо хрум дур пор!
Амт, гулп, пелп!
Хапри эпри хамти укси.
Цог! бег! чип! зуип!
(*Кушает листья дерева*).

Локи: А вот и нож убийцы!
(*Вонзает нож в шею Бальдура*).
Мезерезе больчича!

19 ноября 1921.

ПРУЖИНА ЧАХОТКИ

Шекспир под стеклянной чечевицей

Действующие лица:

I. Кровяной шарик.
II. Винтик чахотки (пружина чахотки).
III. Писатель.

Я: Какая досада! Зажигалка не работает; пружина выпала; что делать? (*Задумываюсь*).

I

Вихрь чахоточной битвы.

Винтик чахотки. I-ый взвод чахотки! — направо, кру-гом!
Нóжку, нóжку! Стучок! Стучок!
Азь — два! Азь — два!
Первый конный полк! Ноги вдевать в стремена! Ноо-жки! Направо!
Первый конный полк чахотки,
Шашки выдер-Гать В-он!
Ать! Ать!
Стой, стерва!
Ать! Не уйдешь, курва! Готов! Есть! Тихо... Лежит...
Падай, как падает краснощекое государство.

II

В и н т и к   ч а х о т к и. Страшные воины крови! Что вы толпитесь, как четки на толстых пальцах жреца? Четками одной нитки, стадом овец около палки одного пастуха? Грудой пятаков, сложенных желтым скопцом, столбиком денег менялы? Эй! идешь, что ли, один на один? Не будь бабой! Кто у вас есть такой богатырь? чета мне?

Я — чахотка-воин! знаешь такого? А что?

Распахнись, душа! — Выходи! Один на один, Господа мать! Будь бойцом!

Распахнись, моя душа! Распахнись, плечо!

Эх ты, сила богатырская, да зачем меня мать родила? Господа мать! один на один!

Или я просверлю тебя насквозь, подлый воин крови, как вилка селедку!

И выйду узорной змейкой, величавым винтиком чахотки, с обеих сторон твоего живота!

Маша чахоткой с обеих сторон тебя — некая золотая рыбка!

Черт и молния! Искаженные зрачки святых!

Небо и пекло! Море марух! Нож и нега!

Святой и торгаш! Святой и ракло! 33 несчастья!

Ать! Ать! Взял за горло? Ломишь? Стой! — врешь!

Скинь шишак здравого смысла! Пришел нечетный вихрь дней. А это нехорошо!

Черт и молния! Я проткну копьем моего тела твое рыхлое, мягкое пузо, кровик шара!

Боевым, военным, крученым копьем пройду тебя и выйду сзади с черного хода.

Чванливый шар! Лепешка спеси!

Кубышка пыхтения!

Не лежи перед вилкой голодного, на блюде серебряном лакомкой.

Черт и молния! Я проткну твой живот, воин краснощекого здоровья, как олень протыкает рогами живот задремавшего удава, съевшего его, слышишь, кровяной шар?

Насквозь! Насквозь! Зыззз! Зыззз Эййа!

Аййа! Веййа! Бззы!

Первый чахоточный полк!

Шашки Вы-дер-Гать- вон!

Направо рази! Налево руби!

Ззз-а мм-ной!

Гром и боги! Столпотворение миров. Азбука шагает — что страшнее?

Довольно барышничать барышней, воспитанной тонко!

Снимите шлемы благоразумия!

Рев и песнь! Сто поцелуев на одном месте!

Ззы эзз! Ззы эзз!

Валяй! шагай! Громоздя упоенно горы черепов!

Башни шатать! крушить! крошить!

Наглец на наглецов! Стон стен! Я крученый меч!

Умри, или я умру и ты свернешь меня в пружину, покрыв меня обоями благоразумия, и усядешься на мне, воине чахотки, как важно читающий ведомость на мягком кресле.

Ты думаешь, что сложишь меня в большой мешок своего живота и заснешь, пока не скушаешь меня? Военные страсти, ужасные нравы.

И точно рога оленя в пестром животе удава, я буду бодать тебя тонким рогом, собираясь проткнуть иголкой полосатую кожу.

Честный поединок, черт возьми!

Дева и царские кудри!

Черт и лобзание влюбленных!

Чума и чахотка бледных стен! Яд и молния!

Ну, шагай, подлый воин крови, врукопашную.

Трус! дурочку валяешь? Празднуешь трусу? Стыдись! Поединок чахотки, бой алого здоровья и чахотки.

Стук черепов. Слышишь? Слышишь?

Решетка челюстей, черные пятна глазниц скачут по полю. Это череп пришел!

Завоевать средние пространства одного волоса.

Уф! Уф! дух битвы, радость крови, радость бытия; я втягиваю в ноздри радость битвы.

Я весел сегодня!
Я воин!
Гром и молния! Я буду бодать твой желудок!
Урр! Урр!
Ать! Ать! Полки, за мной!
Стой, стерва! не уйдешь!
Харр... Хырр... курва! Куда?
Величайшая во вселенной битва внутри одного волоска!

III

Винтик чахотки. Дикой лавиной пошли воины смерти.

А! не уберег головы для белой чахотки!

Воин крови (кровяной шарик). Ай, все волосы седые! на волосах зимняя погода — на волосах выпал снег.

Там уже можно ездить на санях. На рощах и лугах лица осенняя погода. Желтые листья. Скучный желтый лист. Летит черный ворон из глаза.

В клеточки мозга бросились воины чахотки. Начались убийства ученых за письменным столом, ... во время мысли об обеде из глины, священные замыслы высших. Окровавлены снежные волосы и рукописи с тонкими расчетами о съедобной глине.

В седых волосах главные бои.

Там развертывается главная игра.

Время распечатывает новые колоды сил.

Брошены <ко>зыри лучших полков, самых военных, самых храбрых, на поля главного сечения одного волоска.

Мертвая пора. Борцы схватились, сейчас умрут в соединительной ткани, соединяйтесь! вместо разницы мозга и крови и кости.

Мировые истины падают, как боги. А тело строгими глазами, стеклянной черной птицей, летящей вкось, следило за поединком чахотки и здоровья в хриплых легких, похожих на меха кузнеца.

Раздувайте огонь! чужим грудям.

Винтик чахотки. Воин здоровья, шагай на лютый бой, не будь бабой!

Писатель. Что делать с этой пружиной смерти? Она остервенела! Ба! не дать ли ей службу? В моей вполне приличной зажигалке нет пружины и она не работает.

Сегодня я даже израсходовал целую коробку спичек, не по кошельку! Вставить чахотку вместо пружины зажигалки.

Кровяной шарик. Ну, что, как? идет дело?

Писатель (*смеется*). Есть. (*Показывает зажигалку*). Зажигается! И какое хорошее красное пламя! Краснее губной помады.

Из чахотки вышла хорошая пружинка для
За-жигал-ки!

Совет: Пру-жиньте пружинку чахотки
для зажигалок!

21 января 1922

III

КОММЕНТАРИИ

В зале. Папа глубоко сидит в креслах, положив ногу на ногу. Вера перебирает цветы.

Папа. Вот это я понимаю! Это так! Это ты Софье Николаевне? не правда ли, голубушка?
Вера (*упрямо*). Не только ей, а и себе.
Папа. Но и ей?
Вера. И ей тоже.
Папа. Вот это мило. Она больная, и ты ей принесешь. Ты ведь сама понесешь?
Вера. Не знаю...
Папа. Сама?
Вера (*жалующимся и тихим <голосом>*). Как же я понесу?
Папа. Ну, голубушка моя, уж понеси. Неловко будет.
Вера. Если я не могу...
Папа. Ну уж, как же так — нельзя, голубушка.
Вера. А если я не могу?
Папа (*вспыливая*). Ах, Вера, Вера, — такой простой вопрос, и ты этого не хочешь сделать!
Вера (*тихо, но упрямо*). Взяли бы и снесли... вот и всё.
Папа. Ах, Вера, подумай, что ты говоришь? подумай только, что ты говоришь! Ну...
Вера. А если я не хочу...
Папа. Как «не хочу»?! (*Устало*). Ах, Вера, Вера... (*Замолкает*).

В.В.Хлебников. Портреты сестры Веры и отца.
Рисунки 1900-х гг.

Вера выходит с букетом в коридор. Водворяется молчание. Слышно, как в соседней комнате Папа вздыхает, потом перебирает газету. В коридоре слышны чьи-то тоскливые шаги. Потом они замолкают. Встает С<офья Николаевна> и, тоже грустно и тоскливо, поет: «Бедная, бедная я, черные очи сгубили меня».

Мама (*обращаясь к Папе*). Ну, пойду я...
Папа (*досадливо*). Куда?
Мама. Тебе за «Хозяином».
Папа (*досадливо, <нрзб.> морщась*). Да полно, пожалуйста, перестань, пожалуйста! Как ты не понимаешь...
Мама. А, ну тогда, когда хотите! как хотите!

Разворачивает белый с голубым горошком лоскуток ситцу и примеряет его. Потом встает и уходит. Слышно, как она проходит в коридор.

Мама. Верочка! может быть, сделаешь? сделай, пожалуйста!
Вера. Ну, мама...
Мама. Ну ради меня... ну я прошу тебя: сделай... ну в последний раз.
Вера. Ну...
Мама. Ну больше не буду, ну не буду. (*После некоторого молчания*). Снесешь букет? ради меня! в последний раз, больше не буду...

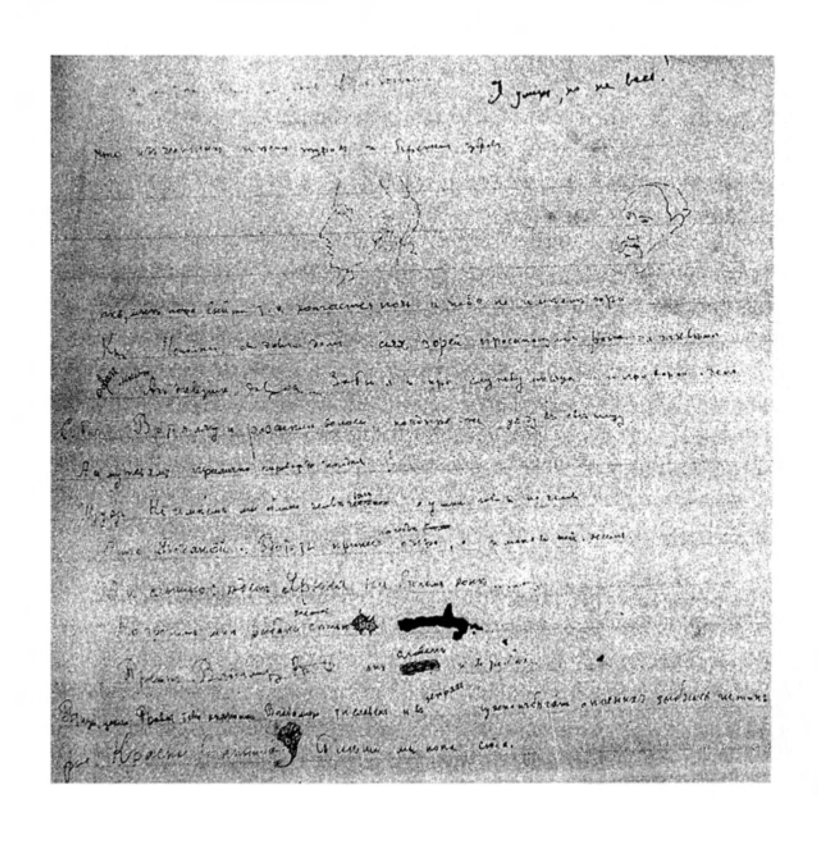
<1904>

* * *

<Утренняя заря.> Ах, мне пора выйти, так как кончается ночь и небо не имеет зори.
Князь. Исполни свой девий долг, сияя зорей просыпающимся [рано на рассвете.]
Образ месяца. Ах, девушка, девушка... Забыл я про службу месяца и про ворог-день.
С<естра> Владимира. Вот я лягу и рассыплю волосы. Позднее же уйду в светлицу. А и мужьям прилично пировать до полдня!
Щука. Не имеем мы облика человечьего, а умеем говорить по-человечьи. Отче Водяной! Вот ты принес на себе озеро, а и меня с ним. А и слышно: едет Ярыня на белом коне... Но грозит мне рыбак частой сетью. Привет Владимиру: он славен и в рыбах.
Птицы, цапли. Привет тебе, князюшко Владимир, ты славен и в зверях.
Рыбак. Красное Солнышко... С<лышим> мы — попа сюда... Позволь мне поднести улов.

> Дует ветер, и озеро синеет [и рябит] по телу. Едет рыбак за сетью; подымает сети и, вынув судачков и лещей, кладет их в зипун, подобный году, полному прекрасных дней, и, кланяясь, подносит, белец волосами, Владимиру.

Не погнушайся, князь... отведай свежей рыбки. Над нами милостив Водяной. Но и он за княжьим столом? Батюшка-Водяной!

«<Утренняя заря>». Черновая рукопись. 1908.

Водяной. Хо-хо-хо, дед, ты не забыл, как тебя тянули в воду?

Рыбак. Не забыл, батюшка, не забыл, властилец. А и вот тебе соболя.

Князь Владимир. Отведай, дед, брага здесь, мед.

Дед. А в старину и не так пивали... А и озеро не простое: его оставил конь Святогора, ступая.

Водяной. Славный дед! Он в первый раз пришел на озеро, когда пришла моя Негея. Она любила слушать песни чернокудря рыбака. Теперь он, как озеро зимой. Негея тоже уж не та.

Р<ыбак.> Вкусны меды, холимые во славу Владимиру, но еще вкусней вечер, распиваемый зорями и зеленым юношей с ними <вместе>.

Владимир. Пейте, други мои, что призадумались?

Дружина. Не белый лебедь бьет крылом волну...
Веселыня! Ярыня!
О, Веселыня!

Инок. Опомнитесь! Опомнитесь, близко царствие Бога.
Погаснет пусть бесчестья Веселыня.
Владимир, князь полей родимых,
Зачем поругана святыня?

Водяной. А и не ведаю, почему поругана святыня. Хоть я и бог, а и не знаю, чем худо пить зеленое вино. А и не худо о боге судить богу.

<1907–1908>

ХОЧУ Я

Долирь. Небини скинули, глянь, черно-синие тайилища и в плясьменах под дуду смехунно высотовую дерзача свершают красотинный ход до зари. Утриня с востоковатыми устами улыбенеет некаменно и властно простирает над землей вселенновую руку. Зоричи-небичи, благословен<ия> зоричи сыпятся с неба милебой неба с соннеющей землей — небовые красно-багряные цветы. О, небатая тонеба меня в нея! Небак, миреющий взором и златоволнач волосежом, стройнивец плечами и прямивец станом, берет днерокотную свирель. Утроч сквозь волны белизн и чернизн правит челн. Повсюду утрири. Утро.

Я. Милеба небского могача и небской силебы с земнатой хилебой не предвещает мне добренеющих зело дел. Зловый дождь, дождь зла, вижу, ожидает меня. Имея ум гибкий, как у божества, так как лишь точка божества я, как и всё живое, я нашел бы выход достойный и точный в удаче.

Ручьиня. Ощупывающий меня взором! Видун будь, надменник, этих глаз: некогда были громадны, как мир, будучи прошлым и будущим вселенной, и вселенничами были детские взоричи, будучи памятью у одного и надеждой у другого. И все были божичами. А ныне я меньше стрекозы, и лишь рыбаки пугаются моего тощего тела.

Мстить, мстить! О, мстенеющий замысел! Самоубийствоватые крылья слепи из дней прожитых и путиной небеснатой и чистой, желамец навин и жалимец всех, лети, лети! и, подобно щиту останавливая в себе и мешкотствуя полету вселенничей,

ом<ст>еней бессрочно, — новый вид бессрочия, — брызга бессмертных хлябей, и делай то, что тебе подскажет нужда. Самотствуя, но инотствуя, станешь путиной, где безумствуют косяки страстеногих кобылиц, но, неся службу иной можбе, будешь волен пасть в пасть земных долин.

Всесущиня. Можебная страна велика, и кто узнал рубежи?

<1907–1908>

ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОМЕЩИЧЬЕЙ УСАДЬБЕ СРЕДНЕГО ДОСТАТКА

Владыка сада. Горе! Вокруг темно. Хмурые хмары все заволокли и несть солнца. О, позовите, о, пусть придет сюда верный холоп!

Верный холоп. Здесь я, склонив седую голову раба, покорный.

Владыка. Вот. Узкой громадой встало Неприятное, и нет уже в просвете, откуда падает свет, Мудрой Надежды. Слушен будь мне, раб, и, слушая, устреми косое око за дворец. Где мощные сады и где зелень? И как пройдет легкою стопой Дщерь? Облетели цветы, ниспали листья, и как осмелюсь сказать Дщери «услади душу дыханием трав и песнопением листвы»? Источены ходами зеленые блистающие ткани, обнажена нагота сада. На место листа на каждой ветке — желтый изогнутотелый длинный жук. Ныне созови простых подростков и дщерей, дабы легкими и проворными руками сняли прилежно с дерева и кущ ненасытную алчбу. Подобные трепету пламени, пусть носятся то здесь, то там красные подростки, собиратели гнуса, насыпая жужжащей и ворошащейся грудой подолы и освобождая от полона живые деревья. Другие же, с могучими и мощными руками, пусть роют рвы и, наполняя живым током жучьих тел, упорно гонят к общей гибели, где их ждут вепри с седой щетиной и окровавленными клыками. Так волит воля моя, всегда равная себе.

В е р н ы й х о л о п. Исполню, всегда верный, твои повеления. Ты же выслушай мой совет. Отверзни ведунный слух к жизнеточцам. Пойми их в себе, как они видят себя. Мудрую забаву таит в себе мой совет.

В л а д ы к а. Холоп послушный, не изменивший мне! И в этот раз, как и раньше, исполню твой совет. Итак, вслушаюсь в голоса сознания моего.

Г о л о с с о з н а н и я В л а д ы к и. Всюду видны доказательства послушания холопа. Носящиеся по воздуху Сельские Работницы проворно очищают сады от гнуса. Вон на длани одной из них, изгибая тело, доверчиво ползут три червя. Она летит свободно и беспражно к гибели, они же свободно идут по ладони в противную сторону. И кто из них раньше достигнет цели: они до края ладони или она до гибели? Но не ведом им путь ее, и им ведом лишь свой путь на ладони.

Г о л о с п о н и м а н и я. Этот из мечущих свои петли червей носит...

<1909>

* * *

— Ты, Смеющиеся Очи, медом детей накорми, а ты, Печальная Усмешка, смотри надзор. Кормилицы! Мало того, вливать избранный мед в эти детские слабые рты, корни разумных древес, забот и поступков, но и в рассудке храните только высокое и то, что красиво. Юное — зеркало старших. Когда-то о вас так заботились крылатые няни. А это кто? А, трутень! Бесполезный сударь!

Трутень. А, несчастные! Здравствуйте, почтенные девы-няни. Скажите мне, вкусен ли хоть мед? Или вы в нем смыслите столько <же>, сколько новорожденные в на<строениях> <их>. Прощайте, холодные барышни, до скорой смерти.

— Какой нахал! Ах, какой нахал!

— Намедни шайка этих сорванцов напала на работницу и мед отбила, что день-деньской от звездочки до вечера сбирали те в лесу черемух снежнолистных.

— Когда же наша госпожа окончит с ними шуры-муры? А пора! Уж отцветает...

— У нас короткая расправа с этими.

— А мне их жалко. Счастливчики на месяц. Они ведь рано умирают. Они ведь так же входят в строй родимой жизни, как и мы. Я отдала недавно взятку сама летавшему по полю трутню.

— Переверни дитя. Вот так. Заснуло? Жалко? Сестры! Мы маемся день целый. Там возьмешь, здесь возьмешь, там шмель вспугнет, здесь мухи досадные взяли цветок, там щурка или пчелоед. Всюду опасности, чуть что — беда какая-нибудь случится. А тут... Нет, уж я не понимаю вашей доброты. Извините!

<1911>

* * *

— Управда! Ты русский! Твоя кровь могущественна в белой пустыне, среди дубрав, между семью морями. Страна, в которой ранами и сечами своего дяди ты вознесен править народом, вдовицей век оплакивает, когда среди могущества и чести был жив ее покойный муж. Да, Рима нет. Померк сей образ светлый. И мужа недруги на жизнь зарятся вдовы. Лишь мечом можно обороняться от врагов.

....

Бежать? в отчизну предков, где дуб, сосна, Перун? И на могиле дедов от венчанного внука принести жертвовозношение?

Нет! Молнию держит еще рука русского.

— Стыдись, ты кто? Забыл ли ты, как ночью я шептала, как нужно править [народом]? Взглядом и бичом смиряй его, бабра заставь, как кошку, ластиться у ног, мурлыкать, песню петь, как будто бы с лежанки спрыгнул домашний кот. Сильный покорен только сильному; с бабрицей будь более, чем она, бабрица, с народом будь более, чем он, народ. Советам моим следуй, и снова ложе брачное повторим среди укрощенных взглядом повелителя зверей.

Они собрались: тридцать тысяч. Вели полководцу жечь, колоть глаза, изрубить их, и тигр взвоет от ярости, но покорится, почувствовав сильнейшего; рубить их прикажи, — святош, беснующихся, законников и всю ту масть цветов бабровых, которая зовется мятежом. Сожги те зданья, где они, осироти весь город, — тогда почувствуют. Сегодня придут лукавые вельможи, усмешкой язвя и вспоминая то время, когда я пела и плясала им.

Я их заставлю благословлять мой след, целовать мои ноги за то, что оставляю власть и не лишаю жизни их, свидетелей доцарственной судьбы, и, великолепная, я усмирю их новой вспышкой красот и дерзости. Если я знала их поцелуи, как плясунья и певица, они узнают тут меня как их повелительницу. Ударом бича усмиряй толпу, казни и отымай, дари и даруй, — вот мудрость. Твой воевода усмирил остготов, — ужели он не сумеет победить полчища неумных тройкобежцев?!

— Убийства, смерти, казни! Без них нельзя вести людей? Как стройно все в законах и как законов плащ багрянцем казней окружает жизнь...

Нет, видно, ветхо племя, и передать другим мудрость веков прошедших — вот все, что ему осталось. А мы, разве мы не упадок? Я получужестранец на престоле, от племени другого дар дряхлеющей стране, а ты — и дочь, и мать веселья, — чета ужель времен могущества?

Ты права: пусть укротится царственный мятеж. Итак, меч против поднявших меч. Меч и горе, и слезы тех, и вечный плач уже неутешных вдов и матерей! Что делать: законы не везде всё предусмотрели и иногда их покрывает кровь. Пусть воин завоюет власть, почет и уваженье.

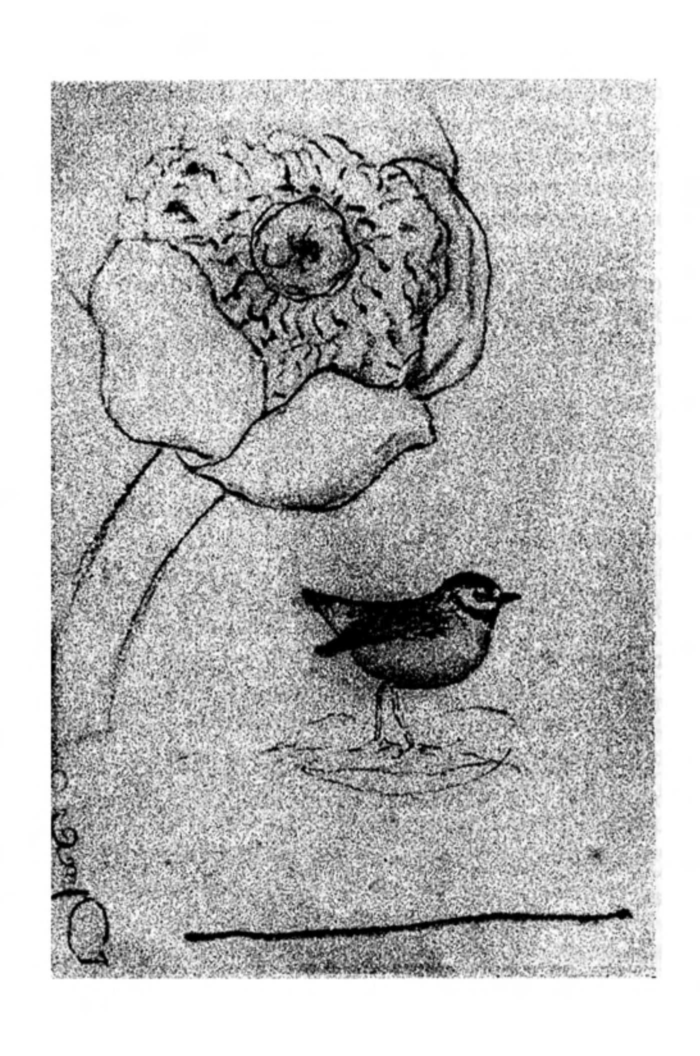
Законоизмышлять — это то же, что установлять теченье звезд, и лишь народ, как море бурное, теченье звезд согласных нарушает.

Еще ни одно лицо красивое зеркалом так не было искажено, обезображено, как законодателя предначертания страной.

Что ж, меч рассудит, кто был прав.

Царства старинного доспехи не по плечу изнеженным потомкам.

1912

Лотос и птичка.
Рисунок В.В.Хлебникова. 1900. (Фрагмент).

МУДРОСТЬ В СИЛКЕ

Утро в лесу

Славка. Беботеу-вевять!
Вьюрок. Тьерти-едигреди!
Овсянка. Кри-ти-ти-ти, тип!
Дубровник. Вьор-вэр-виру, сьек, сьек, сьек!
Дятел. Тпрань, тпрань, тпрань, а-ань!
Пеночка зеленая. Прынь, пцирэб, пцирэб! Пцирэб сэ, сэ, сэ!
Славка. Беботэу-вевять!
Лесное божество (*с распущенными волнистыми волосами, с голубыми глазами, прижимает ребенка*).

Но знаю я, пока живу,
Что есть «уа», что есть «ау».

(*Покрывает поцелуями голову ребенка*).
Славка. Беботэу вевять!

<1913>

ШАБАШ

А<старта>. Еще упруга эта кожа
И войско морщин не пришло,
Еще слыву княгиней ложа,
Венчая прелестью чело.
Налей! налей, жених случайный,
Морской прибой в мои стаканы.
Нет, не покинул поздней тайной
Стыдливый череп черт обманы.
Но перст могильный указует
Кусты на кладбище цветов.
Для дщери снов, для дщери сует
Могильный череп уж готов.

Подруги. Мы, грешницы, под соснами
Подъемлем к небу чаши,
Твердим устами косными,
Что наши годы — наши.
Ручей стезей зеленою
Задумчиво бежит.
И отрок, опаленный
Волшебницей, лежит.

О<трок>. Сквозь невод волн для взоров вкось,
Как снег, сверкает тела ось.
Бойся ты, глазунья, ей,

Табуна моих страстей!
Всё потопчут и сомнут,
Лишь глаза твои уснут.
Как снег весной, вы поголовно
Сдаетесь, девы, поцелую.
Ах, сердце ваше не виновно:
Ведь вьются кудри врассыпную.
Но я до смерти не пойму,
Зачем мы люди, почему?
Но всё ж волнует нас чуть-чуть
Льна за горошком снег иль грудь.
И утро пусть приходит, пусть!
На смену тайн греховных мигу:
Я знаю, помню наизусть
Тобой рассыпанную книгу.
И не втуне и не всуе
Кротко жили поцелуи.
Тебе довольно «ах» да «ох»
Рождать одним своим видением.
Душиста ты, как дикий лох,
И быть с тобою — сновидение.
Лицо даете нам вы даром,
А персь и плечи свои нет.
Свирепым было б то ударом,
Будь вы свободны от тенет.
Ужель из кубка вам досыта
Так трудно страстью насладиться?
И, чтоб зимою было жито,
Греховный сноп связала жница.
Где вместе с «вместе» слилось «врозь»
И где так нежны шелк и дым,
Туда стремиться вкривь насквозь
Глазам пристойно молодым.
Чтоб, всё поняв и вглубь и вдоль,
Решить: ничто удел есть воль.
Ну, улыбнись, скорее, ну!

Ведь на тебя опять взгляну.
Лицо поставив набекрень,
Двумя руками скрывши груди,
Вы стали чутки; страшна тень:
Быть может, бес, а может, люди.
И быть раскрытыми навеки
Боялись кротости опеки.
Из уст соседей «ах» да «ох»
Ты исторгаешь, как свирель,
Прекрасна ты, как дикий лох,
Бурун закрыл младую мель.
Я только страсти имена
Твержу, покорный как ягненок.
Ты хочешь жертвы? возьми, на, —
Стою я, согнут, бел и тонок.

А<старта>. Полны цветов земные логи —
Цветам полевым я завидую.
Я вам молилась, великие боги.
И что ж? неслыханной обидою
Ответили мне; я одинока,
Напрасно страсть кипит Востока.
Когда журчать ко мне дерзает
Мн<ой> опьяненная волна,
Меня одно всегда терзает
Виденье страшного челна.

<1913>

НОЧЬ В ГАЛИЦИИ

Русалка.

С досок старого досчаника
Я смотрю на травы дна,
В кресла белого песчаника
Я усядуся одна.
Оран, оран дикой костью
Край, куда идешь <ты ныне>?
Ворон, ворон, чуешь гостью?
Мой, погибнешь, господине!

Витязь.

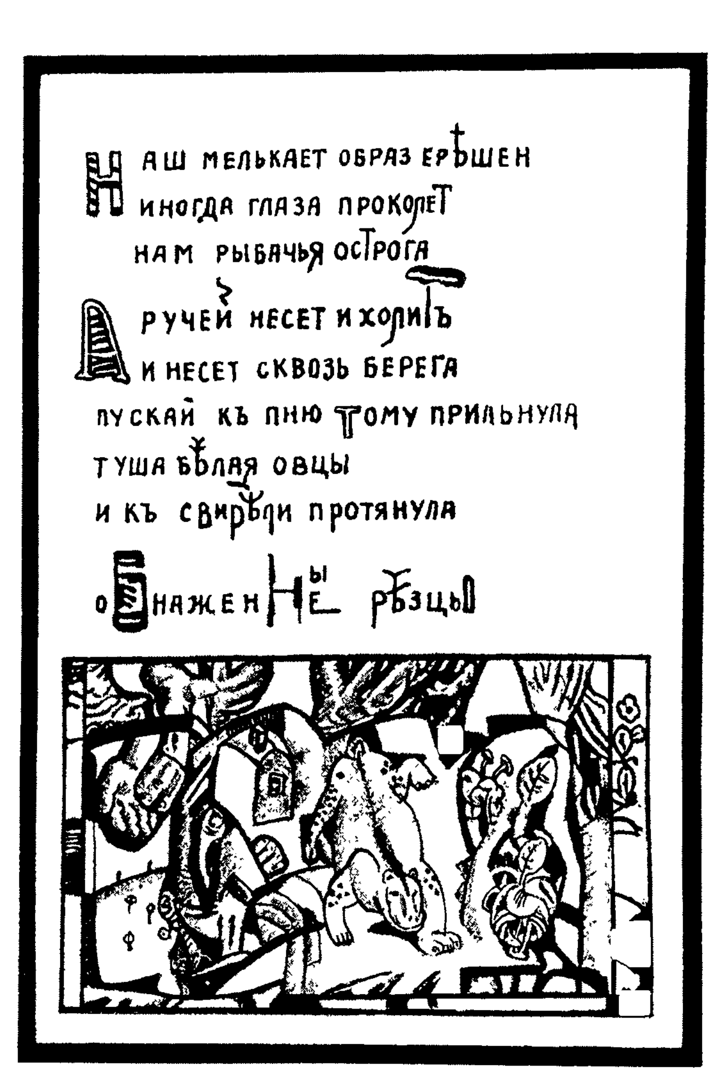
Этот холод окаянный,
Дикий вой русалки пьяной,
Всюду вой и суматоха,
Оставаться стало плохо.
(*Уходит*).

Песня ведьм.

Ла-ла сов! ли-ли соб!
Жун-жан — соб леле.
Соб леле! ла, ла, соб.
Жун-жан! жун-жан!

Русалки (*держат в руке учебник Сахарова и поют по нему*).

Иа ио цолк.
Цио иа паццо!
Пиц пацо! пиц пацо!

Литография П.Н.Филонова
из книги В.Хлебникова «Изборник». 1914.

Ио иа цолк!
Дынза, дынза, дынза!
Между вишен и черешен
Наш мелькает образ грешен.
Иногда глаза проколет
Нам рыбачья острога,
А ручей несет и холит,
И несет сквозь берега.
Пускай к пню тому прильнула
Туша белая овцы
И к свирели протянула
Обнаженные резцы.
Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац!

Похороны опришками товарища:

«Гож нож» — то клич боевой,
Теперь ты не живой.
Суровы легини́.
А лица их в тени.

Русалка. Кого несет их шайка?
Соседка, отгадай-ка.

Русалки. Ио, иа, цолк,
Ио, иа, цолк.
Пиц, пац, пацу,
Пиц, пац, паца.
Ио иа цолк, ио иа цолк,
Копоцамо, миногамо, пинцо, пинцо, пинцо!

Ведьмы (*вытягиваются в косяк, как журавли, и улетают*).
Шагадам, магадам, выгадам.

Рулхадо, рындо, рындо
шоно, шоно, шоно
Пинцо, пинцо, пинцо
пац, пац, пац
Похороны опришками товарища
«Гож нож» то клич боевой
теперь ты не живой
Суровы легини
а лица их в тени.
Русалка. Кого несеть ихъ шайка
соседка отгадай ка
Русалки: іо, іа цолк
іо, іа цолк
Пиц, пац, пацу
пиц, пац. паца
іо іа цолк, іо іа цолк

Страница из книги «Изборник». 1914.

Чух, чух, чух.
Чух.

Разговаривающие галичанки.

Вон гуцул сюда идет
В своей черной безрукавке.
Он живет
На горах с высокой Мавкой.
Люди видели намедни,
Темной ночью на заре,
Это верно и не бредни,
Там, на камне-дикаре.
Узнай же! Мава черноброва,
Но мертвый уж, как лук в руках:
Гадюку держите сурово
И рыбья песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней,
Шагами хищными сильна,
С дугою властных глаз она,
И ими смотрится в упор,
А за ремнем у ней топор.
Улыбки нету откровеннее,
Да, ты ужасно, привидение.

<1913>

* * *

I. Лицо чернеет грубое, вся в белой простыне. О, Черная Жена, скажи мне, кто в хижине живет? Ручья звенит недальний гром, подходит волкодав.

II. О, Белый Господин! Седой Отец с Старухою здесь в хижине живут. Скинь обувь с ноги пыльной и в хижину войди. Вереном зовут сына, Вереною же дочь. Я, нянька, служу им уж скоро двадцать лет.

I. Сухой удав набитый, простой дубовый стол. Над ружьями Толстой и Врубель рядом с ним. В истоках Нила хижина. Не шутка ли странная?

Сосет старуха трубку, как будто сладко чмокая.

II. Когда раздастся голос иль если шелест змей сольется с ворчаньем неба — Верена то вернулась, запомни, господин.

Но слышишь шаги быстрые, взволнованную речь?

III. С кувшином шла я по лесу, шагая через хворост. Вдруг глаз блеснул за деревом, как будто человека, но все же не его. Сквозь дерево блистал он, как черный мрака луч. Рука же волосатая ствол с судорогой держала и ногтем скребла круглым застывшую смолу. И тень как будто звездная бродила по пятам, рукой порой маша, и все же глаза два, два добрых черных глаза сквозь сумрак проникали. Была то обезьяна.

Лесные ходят люди по тропам вечеров. Но зла нам не приносят. На чашку опрокинутую лицо у них походит: синеет беловатое, морщинами узорное. Глаза же их печальные — ты, верно, то заметила. Как будто много сказок теснится меж ресниц. А руки у них синие, широкие и длинные.

Вдруг голос я услышала: он тихим был и строгим; звучало в нем невнятное, как будто бы «сестра», а может быть, «Верена». Из ловчей ямы вынула высокое копье и с ним одна я двинулась сквозь сумрак и траву. И пепел падал вечера на плечи и на руки, но более никто уж в лесу не проходил. Но сумрак падал грубо, как черная метель.

I. Ответь мне, синеглазая: не он ли путешествует в зверинце по местечкам с косматым королем, сдавив рукой решетку холодную и круглую, и прячется в углах?

III. Ты прав, пришелец странный: то он, кто шел опасливо и прятался в лесу. Но стон донесся из лесу, циновка же вздрогнула, как сердце от удара. Так люди наклоняются, спасаясь от чужого бешенства, как свечка наклонилась и язычки смешала с синим. Ты помнишь рой пчелиный? Верен его нашел; из сот свечу слепили, пчелиных диких сот (*молчит*).

Верена слышу голос, Верен сюда вернулся. Мне кажется, сегодня столпилось много судеб у дверей этой хижины, у старого порога, где я грустила часто, закутанная в волос, ресницами подруга Медведице высокой.

IV. Узнай же, что сегодня со мною было небо. Упал я в путик ночью, но там копья уж не было. Но кто пришелец странный с жестокими глазами? Узнай, что я не робок и смелым быть могу.

I. Зачем такие речи? Немного добродушия, и скоро я уйду. Поужинай и мыслящую печку дровами затопи. Ты станешь веселее.

IV. Ну вот что, чужеземец, поймаем обезьяну, — здесь бродит вечерами. В зверинце лучше ей.

Пришелец убивает Верена.

<1914–1915>

Отдельные издания.

1912 г.

1. *Учитель и Ученик.* Разговор. На обложке рис. Владимира Бурлюка. Пар. тип. преемников О. Д. Ходушиной. Стр. 13. Херсон.

1913 г.

2. *Ряв.* Изд. Е У Ы. 1908—14 г. Рис. Д. Бурлюка и И. Малевича. Стр. 29, С. П. Б. 1) Воззвание к славянам, 2) Заклятие смехом, 3) Черный Любирь, 4) Выход из кургана умершего сына, 5) Вилла и Леший, 6) Зверинец, 7) Маркиза Дезес (отрывки), 8) Мир с конца, 9) Сутемки. Сувечер. 10) Аспарух, 11) Ряв о железных дорогах.

1914 г.

3. *Творение.* Том I. 1906—1908 г. Статьи о творчестве Хлебникова Д. Бурлюка и В. Каменского. Рис. В. и Д. Бурлюков. Издание «Первого журнала русских футуристов». На 4 стр. обложки помечено: Издательство «Лит. К-о» футуристы «Гилея», стр. VIII+106. На обложке Москва. Печаталась в Херсоне. Электротипография «Экономия» Ф. С. Наровлянского и Ш. В. Фадмана. 1) Сын Юноны (конец), 2) Погонщик скота, 3) Лесная дева, 4) Любавица, 5) «Чортик» и др. вещи.
4. *Изборник.* С послесловием речаря. 1907—1914 г. Рис. Филонова, Малевича и Н. Бурлюка. Литографированные приложения: Перун и Ночь в Галиции. Изд. «ЕУЫ.» Типо-литография «Свет», стр. 48.+XVI. Петербург.

Первый опыт библиографии произведений В.Хлебникова в кн. «Настоящее». 1926. (Фрагмент).

ПРИЗРАКИ

Хоровод

1-ый. Я конский череп, я на липе.
Вот белены напиток — выпей.

2-ой. Я в щеголя одежде: воздух,
Ничто, ничто, но тень на звездах.

3-ий. Бег крови я, текут чернила,
Меня чернильница пленила.

4-ый. Я только в зеркале живу,
Когда сверкает наяву.

5-ый. Кто я? Любовной лютни зой,
И мой стакан блестит слезой.

6-ой. Я оценил всё за пятак
И осужден иметь пятак.

7-ой. Я про судьбу твержу, как дятел,
Мне говорят: «Давно ты спятил».

8-ой. Давно просил: мне туловища нет ли?
Давно я пел про плаху и про петли.

9-ый. Священных чисел ясный кнезь,
Себя в тростник <з>асую: грезь!

10-ый. Мой дух за морем носят две при,
Меня на суше рвали вепри.

11-ый. Я золотистее загара,
Струй ядовитее угара.

12-ый. Я сапожком одел чуму
И в путь иду искать куму.

13-ый. В моей ладони горстка
Равно смертельного напёрстка.

14-ый. А я вам дам знакомый облик
На той сухой и бурой вобле.

15-ый. И я, забыв свой образ облый,
Живу на даче внутри воблы.

16-ый. Чешуей блестя плотвы,
Я воскликнула: тут вы!

17-ый. Я с перьями в шлеме число,
Я парус ищу и весло.

18-ый. Гнусавлю я, прыгаю, квакаю.
Кажусь я ненужной ломакою.

19-ый. [Я смотрю на всех пилой,
Я немного плохой и гнилой.]

20-ый. А я в лукошке, где тухлые яйца,
О, зрители, меня ловите глазами зайца.

21-ый. Скоро меня под решетку и в замок.
Я дикое бешенство самок.

22-ой. [Хоть без телес, мы люди — люд
Морозных слюд.]

23-ий. Мы вреды, мы бреды
Ужасной победы.

24-ый. А я, а я простуда
И к вам пришел оттуда.

25-ый. Я изнуренная веками кляча.
Зачем я — я, скажите, для ча?

26-ой. Людским челном в объятьях смерча
К вам прихожу, ваш сон поперча!

27-ой. Икотою древней велик,
На всё я отвечу вам: ик!

28-ой. [Я ха-ха-ха и хи-хи-хи,
А изредка проще, простое апчхи!]

29-ый. [Я как жаба приятна,
Иногда не понятна.]

30-ый. Я к вам ползу в приплясκе корч,
Одетый язвами из порч.

31-ый. [Ночи сумрак наши шлемы.
Все мы немы.]

32-ой. Мы храп и хрип,
Шелест, шум и сип.

33-ий. Храпеть, хрипеть,
Урчать, ворчать,
Рыдать, стонать,
<Свистеть>, шипеть.
О! А! А! О!

Убегают.

<1916>

Коллективные работы (Отд. изд.)

1912 г.

1. *Игра в аду*. В сотрудн. с А. Крученых. Рис. Н. Гончаровой. Типо-лит. Рихтер. Стр. XIV. Литогр. изд. М.
2. *Мир с конца*. В сотрудн. с Крученых. Литогр. изд. 36 ненум. стр. Рис. Ларионова, Н. Гончаровой и Татлина М.

1913 г.

3. *Бух лесиный*. (Крученых-Хлебников). Литогр. изд. СПБ.
   1) Ты богиня молодости.
   2) Раскричались девушки в пшеницу.
4. *Слово, как таковое*. (Крученых-Хлебников). Теория. П.

1914 г.

5. *Игра в аду*. 2-е доп. изд. В сотрудн. с А. Крученых. Рис. О. Розановой и Малевича. Изд. ЕУЫ. Литогр. «Свет». Стр. XI. П. Литогр. изд.
6. *Тэ-ли-лэ*.(Крученых-Хлебников).50 нум.экз.Изд. ЕУЫ.СПБ.
7. *Бух лесиный*. Старинная любовь. 2 изд. (Крученых-Хлебников).
8. *Листок на проезд Маринетти в Россию*. (Лившиц-Хлебников).
9. *Взорваль*. Новые сцены из «Игры в аду». (Крученых-Хлебников).
10. *Победа над солнцем*. Опера Крученых. Предисловие Хлебникова.
11. *Грамоты и декларации русских футуристов*.

Из библиографии в кн. «Настоящее». 1926. (Фрагмент).

* * *

Внимание.

Улица будущего: двое в черных развевающихся перьях и латах снежного полотна.

1-ый. Куда вы спешите, дружок? Уиль-уиль окейт юкут юлин куайнц уог! Ведь вы умрете завтра?

2-ой (*роется в записной книжке*). Я родился третьего листопада. Дважды два четыре. — Да! Как это ни грустно, я умру завтра.

1-ый. А родись в день Ганги синеглазого! Дорогой мой! Уходя из жизни, вы должны позаботиться, чтоб место этой вашей жизни не было занято другим. Не поленитесь — вы рассеянный человек — позаботиться о соединении этой вашей жизни со следующей через полицию. Конечно, вы должны внести налог, но ведь он очень невелик. Ведь это так несложно: две-три статьи закона, свидетельство судьи, что вы именно тот, кто имеет родиться тогда-то!..

2-ой. Э-э-э... Да, как это ни грустно, — я завтра умру. Я должен окунуться в реку смерти и принять холодное купанье. Брр... Но ничего. Умирая в последний раз, я немного простудился и схватил насморк — теперь возьму набрюшник.

1-ый. Зато тем бодрее вы выйдете на другой берег, стряхивая воду, как мокрый гусь. А ваш прекрасный труд о значении

1/365·365 суток вы откладываете до другой жизни? Тогда вручите его мне на хранение.

2-ой. Нет, у меня много хлопот с красивоокой Наги Вэйи. Эту работу я буду продолжать после второй смерти в третью жизнь.

1-ый. Ну, что ж — до второй жизни! Так вы передайте работу мне. Хорошо?

2-ой. Да. Я буду беситься под знаком любви, а там я буду холодный и спокойный разум. Слушайте, дорогой мой, я прошу сжечь меня и мешочек с пеплом подарить мне в день моего рождения. Если я не ошибаюсь, вы будете в полной силе своего здоровья. Хорошо?

1-ый. Хорошо. С удовольствием. До свидания! Если кого-нибудь встретите — поклон. Будьте мертвы, не забывайте. Кланяйтесь Зи-Зи и Ду-Ду умершим. Скажите, что мы их ждем. Готовится встреча с цветами. Поклоны. Приветы всем друзьям!

Расходятся.

<1916>

Повременные издания (журналы, газеты, сборники и пр.)

1908 г.

1. *«Вечер»*. Газета. СПБ. «Возвание к славянам».
2. *«Весна»*. Журнал. «Заклятие смехом».

1909 г.

3. *Садок судей*· 1-й М. 1) Зверинец, 2) Маркиза Дезес, 3) Журавль.

1910 г.

4. *Студия импрессионистов* Книга 1-я 1) Заклятие смехом. 2) Были наполнены звуком трущобы

1912 г.

5. *Пощечина общественному вкусу*. Сборник. 1) Предисловие. 2) Конь Прежевальского, ст 3) Девий бог, 4) Памятник, 5) И и Э, 6) Змеи поезда, 7) Конь Прежевальского (поэма), 8) Песнь Мирязя, 9) Образчик словоношеств в языке, 10) Взор на 1917 г.
6. *Пощечина общественному вкусу*. Листок «Трепетва».

1913 г.

7. *Летучая мышь*. № 2. Куй-аса Под ред А. Крученых. Отчет о заседании кикапурного кружка.
8. *Требник троих*. Стихи. Портрет Хлебникова работы Н. Бурлюка.
9. *Садок судей*. 2-й П. 1) Гибель Атлантиды, 2) Перевертень. 3) Мария Вечора, 4) Ховун, 5) Сутемки. Сувечер 6) Шаман и Венера, 7) Крымское.

Из библиографии в кн. «Настоящее». 1926. (Фрагмент).

СМЕРТЬ БУДУЩЕГО

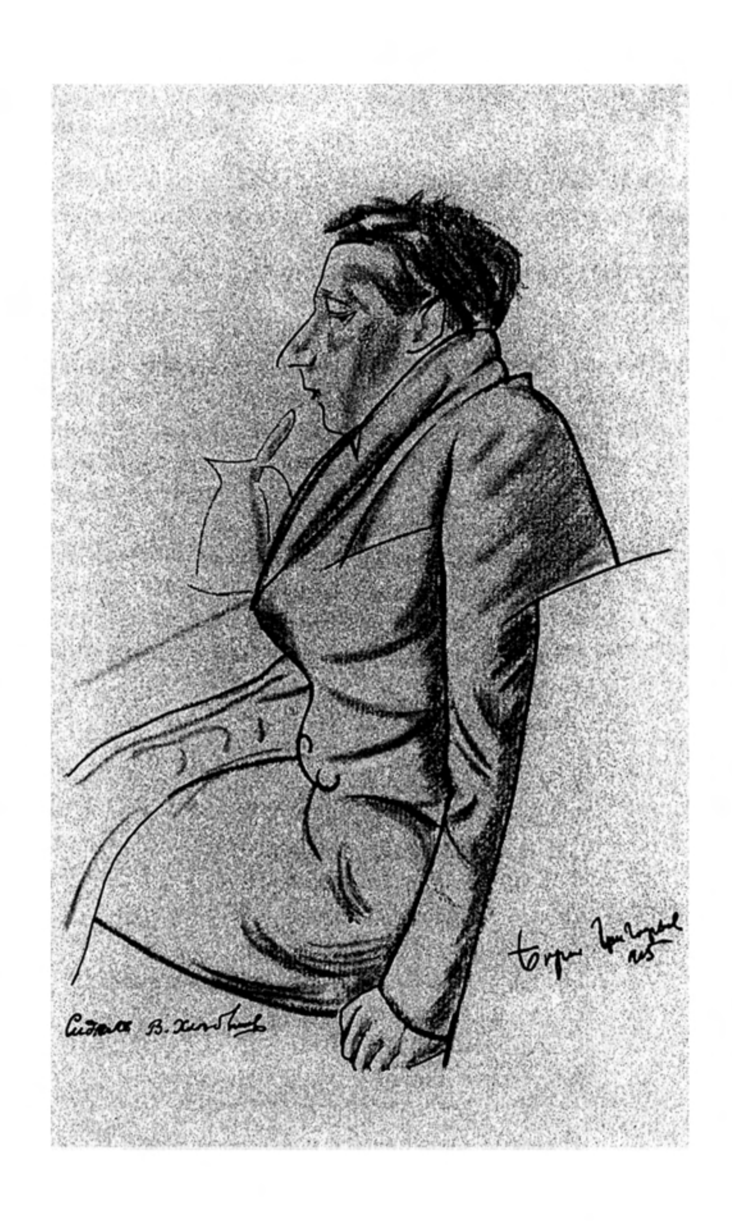
I. Дружок, за что? Родной, постой!
— Храм выстрелов в руке,
Пять глаз,
Пять темных пятен.
И крови снегири алеют на сорочке.
Вспорхнули на широкий куст груди.
Я умер и хриплю, как грустно.
Пять дырок у меня в груди.

II. Умри. Хрипи.

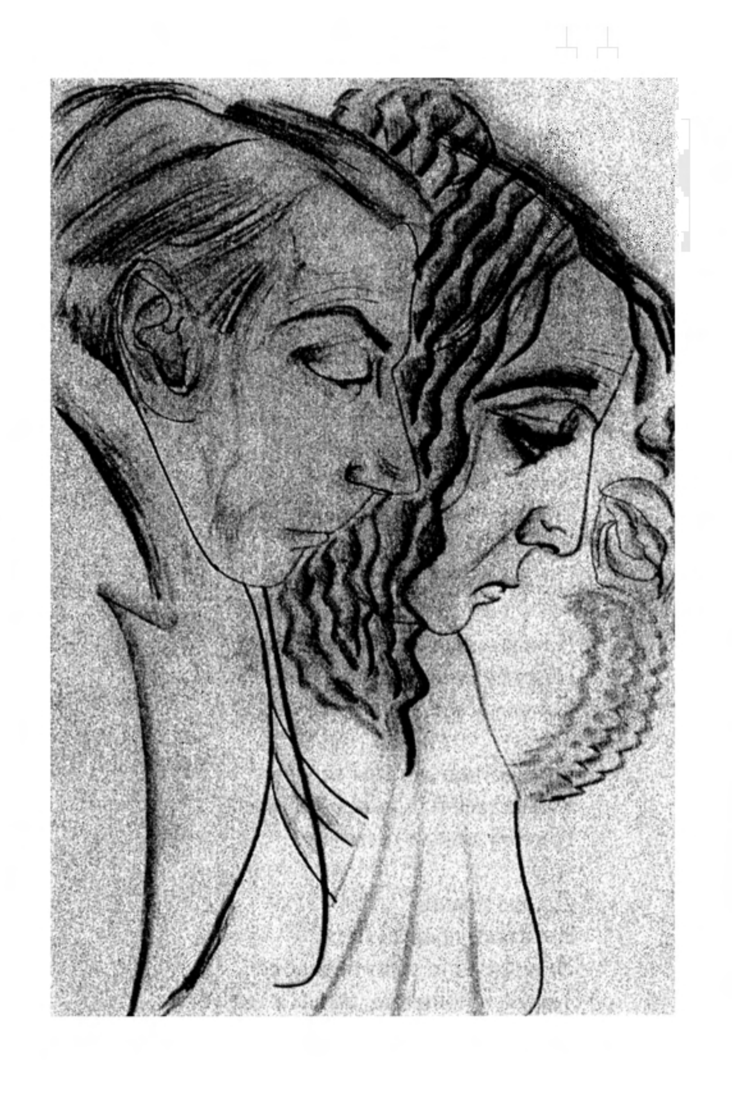
I. А ловкая работа.
Хвалю тебя, разбойник.
Ты из меня устроил решето.
Спасибо скажет каждая стряпуха.
Досадно! право, не везет.
А я хотел гулять по Невскому.
И книгу начать солнца, его весенних дней.
Позволь, но почему же?
Сейчас узнаю.
Вот справочник на столике.

II. Я сам не знаю почему, пойми, о человек!

I. Когда родился?
Сутки, год, дыханье, миг?

Борис Григорьев.
Портрет В.Хлебникова. 1915.

Борис Григорьев.
Хлебников в будущем. 1916.

II. Шестого дня играй-овраги,
Когда зеленая звезда пересекла
Пути ночей, сияя в вышине как Бог.

I. Прекрасно, вот закон: сейчас
Открою скобки
И общий множитель наружу вынесу.
Рождений наших
Общий знаменатель.

II. Нет, не то
Старик великий произнес:
Довольно знать места и время.
И здесь неправильно:
Здесь степени не те.
И вы забыли множитель Ги-Ги.

I. Я пользуюсь дробями Зего!

II. Какой кривой и сложный путь.
Гораздо лучше способ Вик-Вак-Вока.
Он помогает вычислять.

I. Прелестной истины зарево
Уже встает над полем уравнений.
К итогу мысли прихожу.

II. Да, вы правы!
Вы взяли правый путь.
Здесь нужно вынуть скобки.
Теперь я понимаю, зачем я вас убил.
Спасибо за возвышенный урок.
И мысли честную работу.

I. Я не разберу, какая степень,
Но праотцы склонилися ко мне последним облаком.

II. Теперь я понимаю. Убитого благодарю.

I. Благодарю тебя, убийца!
Ты дал мне повод для размышлений.
Еще раз крепко руку жму
Жестокому убийце.

Апрель 1921.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

I

<Разговор душ>

I

Сердца прозрачней, чем сосуд,
Вам судьбы горести несут.
Ведь вечно пролита там кровь,
Где вихрем смерча шла любовь.
Любовь приходит гневным смерчем
На слишком ясные зеркала,
Она вручает меч доверчивым
Чернобагрового закала.
Она летит резвей, чем голубь,
Где дремлет старая чета,
Она приводит деву в пролубь
Свести позорные счета.
Ее красивый отголосок,
Ее речам младой «ау»,
Чета голубеньких полосок,
Венком украсивших главу.
Ее дела клянут отторженные
От всех забот, от всех забав,
Ей служат юноши восторженные,
На склоне берега упав.
Она ткет ткани ворожбы
Волшебных откликов божбы.
Она проворно внемлет клятве,
Быстрей, чем лани в нежной жатве.
О, ей, послушник, благодарствуй,

Скажи: богиня, нами царствуй,
Иди, тобой я вечно грезил,
Тебе престолы я ковал,
Когда бродил и тосковал.
Возьми меня, как кроткий жезел.
Тебе, стыдливой и воздушной,
Я, песни воин прямодушный,
Слагаю лучшие мечты
Во имя прежней красоты.
В тени славянского глагола
Тогда мечтали страсти голо,
И, звонкой кривдой не сочтешь,
Была красивей молодежь.
И цветов плетеный меч
Дает смелость мне воззвать,
Устать плясать и лечь
На дикую кровать,
И, не боясь жестоких сеч,
Союз верноподданных любови основать.

<1912>

ЛЕСНАЯ ТОСКА

I

Вила.

Пали вои полевые
На речную и ночную тишину.
В поле вою
Заунывно и пустынно.
По полям тополям,
Полевая, полевую
Пою волю.
И качаются кусты
Над рекой озолоченной,
Рощи вещие миры,
Волшебство ночной поры.
Умоляю и молю так
Мышек, ласковых малюток:
Без отчизны прелесть голоса,
Жизни признак — трепет колоса,
Нити шелковые лоз,
Мошек вещих и стрекоз.
Позови меня, лесную,
Над водой тебе блесну я,
Из травы сплету копытце,
В бусы вдену небеса я
И, могучая, босая,
Побегу к реке купаться
К водяным холодным дверям
Девой-воплем, девой-зверем.

*

Точит деревья и тихо течет
В синих рябинах вода
Ветер играет в нечет и чет.
Тихо стоят невода.
Полон истомы и тихих испарин
Воздуха ночью покой.
Где-то не знают кручины,
Темный и смуглый, выросли парень
Вместе с дивчиной.
Где-то поют молодчины
Богу ночному почет —
Здесь и всегда, навсегда!
И только усики осоки,
И только дрожь ночного злака,
И кто-то, бледный и высокий,
Стоит с дубровой одинаков.
Темен, с цветами, и наг
Вижу качнулся венок.

Леший. Умирающего лета
Слышу тихое ку-ку.
Твои губы — брови тетерева,
Твои косы — ворон падает.
День-деньской я это лето реву,
Но сердца ничто не радует.
Здесь потонете! Здесь пути не те!
И застонете и застынете!
Я сижу один и думаю,
Про тебя пою, беду мою.
Ожерельем серебряных капель
Ты одета.
И подругой серебряных цапель
В воде ты.
И бусами прозрачных четок
Березы мирные текут.

И был таинствен, свеж и четок
Их каждый лист, их каждый прут.
И ты присела и просила,
Чтоб лился ливень.
Молчит созвездий ласковая сила —
Им дождь противен.
Пошла босая, отпечаток
Твоей ноги был <там> и тут.
Сверкали рыбки вместо денег,
Их ожерельем ты носила.
Линя живого ты схватила
И после съела, как вареник.
Кто тихо рыдал за зеленым кустом?
И бил свои бедра косматым хвостом?
    То я...
Тело слабое тая,
Через синюю струю
В госпожу смотрел мою...
— Верный страж ночного света,
Донеслось кукареку.

Вила. Молчи, плутишка!
Стой стеной
Над водным призраком своим.
Или тоскуй, стони и ной:
Быть не дано вдвоем двоим!
    Постой, сынишка!
Шаги опять шагают там...
Ты это, ветер, ты?
То клонишь нежные цветы,
То подымаешь их к устам
И тела образ теневой
Несешь над слабою травой.
Верю, ветер любит ни о чем
Грустить неучем,
После петь путь

Моих утренних ветреных пят.
А песен опасен путь.
Без плаща и без котомок
Ты несешься, звезд потомок,
В поле сумрачных потемок.
Кудрей таинственные нити
Люблю ловить рукой прилежной,
Чтоб угадать в ковре событий
Твой образ милый, образ нежный,
Мой мальчик шаловливый и мятежный.
И ты летишь и ты пророчишь,
Что непогоды близки сети.
Когда же тела ты захочешь,
Тебе отвечу: нате, нети!

Ветер.

Видел — дик, и бос, и весел
Возле паруса и весел,
На обрыве, где гвоздика,
Где гвоздика без гвоздей,
Где учу любви учебник,
Парень соседней деревни —
Известный волшебник —
Вырезал жезел,
Уселся и грезил,
Что скажет кривая рыбацкая палка.
Он неводом частым отрезал
Беглянке пугливой и нежной пути.
— Как билась русалка,
Страдая, и сестрам кричала: прости!
Из плена рвалася рука!
А сеть, казалось, что живая,
С ударом каждым оживая,
Ее стянула злым узлом.
Сутки бьется она в сетке,
Где излука и излом.
Вместе с славкой ястребиной,
Желтоглазой и рябой,

Кущи падали рябины
Красно-зеленою резьбой.
Послушай, парень твой знакомый?
Видала ты его хоромы?
Там где хутор, там где хаты,
Где откос реки покатый,
Где косматому холопу
Стражу вверила халупа,
Рыбак, он властью чар ужасных
Богиню в невод изловил
И на руках ее прекрасных
Веревки грубой узлы вил.

Вила. Какое вероломство!
Беру в свидетели потомство
И эту белую звезду:
С коварным порвано знакомство,
Поспешно к пленнице бегу.

Ветер. Не думал я, что сразу
Поверишь ты рассказу.
Ах Вила, Вила!
Ты простодушьем удивила
Меня, присяжного лгуна.
Ушла! исчезнула она!
Разве есть тебя резвей?
Что же, волосы развеяв,
Побеги меж темных елей
По тропинке чародеев,
Рви побеги плауна!

<Вила.> Зачем ты обманул?

Ветер. А так, я без проказ совсем уснул.
И плутовство — моя природа.
Она ушла, а здесь свобода.

<Вила.> Довольно глупости болтать!
Уж начинает рассветать!

II

Вила. Где же ты, где ты, сестра?
Ничего, лишь тень костра.
Только дым над речкой вьется,
И река устало бьется,
Оцарапала плечо.
Сердце бьется горячо.
Пойду к костру, согрею руки.
Повсюду тишь, нигде ни звука.

Пастух у костра. Но, неведом и невидим
И в зеленой чаще скрыт,
Дыма белого не выдам
Грому пляшущих копыт.
Как сиры пламенные серы,
Суровой спичкой зажжены.
Седой пастух видал примеры
Из искор вспыхнувшей жены.
Она из пламенной постели
Встает, закутав дымом плечи.
И вот покровы опустели
И дымный призрак ног далече.
Здесь падший вихорь синих бус
На смуглых волнах тела сизого.
А здесь блеснул красивый спуск
В ущелья ног с оттенком вызова.
То в дымном небе грудь купает,
То в кружеве морском исчезла.
То молчаливо выступает
В дыму малинового жезла.
Она то молнией нагой

Блеснет одна в дуброве черной,
То белосумрачной ногой
Творит обряд упорный.
Как красный ветер усмехается,
Из черных углей ожерелье.
Она поет и колыхается,
Костер ночной ее веселье.
Она поет, идет и грезит,
Рой мошек косами разит
Как дым по хвойным веткам лезет,
Как воздух к месяцу скользит.
Так золотой чертой огня
На теле сизом верх очертится,
Так синей чешуею головня
И бегает, и прыгает, и вертится.

Вила. Скажи, о чем поешь, пастух?
Скажи, зачем огонь потух?

Пастух. Огня остатки берегу.
А та... на дальнем берегу.

Вила. Скажи, здесь никого нет?
В рыбачьих сетях женщина не стонет?
И здесь никто, никто не тонет?

Пастух. Спокойно все. Рассыпав Божие величие,
Блистает ночь.
И только лешие-лесничие
От света прочь.
Да я, старик, чиню свой лапоть
У слабого огня
И славлю пляшущую копоть,
Сожегшую меня.

Вила. А где она?

Пастух. Она за мостиком, за речкой.
Увидишь недалечко.

III

Русалка. Всюду тени те,
Меня тянете!
Вы помните, страстничал вечер
Без ветреных вычур,
Жмуря большие глаза,
Прячась и снизу и за
Веток больших голубых.
Тогда я держала в руках голубей,
Сидя на ветке шершавой и старой,
И опрокинутой глыбой
Косы веселий
Висели
В осине осенней.
Шип чудный придавил плечо,
А ветер шепчет о навете горячо.

Леший. Нет, не в этом вы виновны
<Нет, не в этом вы> греховны.
Виноваты вы не в этом,
Виноваты не обетом,
Что застали поздним летом
За продажею пруду же
В час пустынный, час досужий
Легковейные часы,
Своей ветреной красы,
Что пышней, длинней и далее
Золотые косы дали ей.
Вы греховны тем, что нынче
Самой звонкой птицы звонче
Обещали клятвой слезной:

Полотенцем легкой грезы
Ветру вытру его слезы.
Где сребром сияли росы
Над осокой, где сусак,
Как серебряный русак,
Опускались ваши косы
На цветов весенних тризне.
Ветер — ветреный изменник
И в нем выси нет!
Ворон видит: я не вру!

Ветер. Не верь морю — я не спорю!
Ворон каркнет — я не верен!
Норов ворона не мой!
И тяжелый и немой —
Нивы морень!
Не позвольте ему сесть
На плечо, как злая весть!
В кумир верю — не верь морю!
Я виновен, да! но ты?
Ворон-вестник темноты!

Русалка. Ты клянешься, верю чуду!
И за бедами забуду,
Что изменчив, как вода,
И обманчив как всегда.
Верю, чист, как синий лен,
И опять в меня влюблен.
Лени друг и враг труда!
Туч и голоса среда.

IV

Милая воля
Ранней зари.
Сказку глаголя,
Шли рыбари.

Старый рыбак.

Вышел к сетям — мать Владычица!
Что-то тупо в сетку тычется
Белой мордою тупой.
Изловили ли сома?
Да таких здесь не видать.
Человека, видно, больше.
Иль приплыл он к нам из Польши,
Или я сошел с ума?
А глаза уж смотрят слабо:
Я не вижу — рыба? жаба?
Вышел парень:
«Водяная бьется баба», —
Молвил он, — ни дать ни взять!»
И давай со мной тикать!

Русалка.

Слышишь, ветер?
Слышишь ужас?
Злая шутка стала делом:
Сквозь осоку обнаружась,
Бьется Вила своим телом.
Режут листья, как мечи,
Кожу ласковых услад.
Водяной бугай, мычи!
Жабы, вам забить в набат!
Вила лесным одуванчиком
Спускалася ночью с сияющих веток.
Злым и суровым обманщиком
Тело месяца лучей,
Добрых вдумчивых очей

Стало добычею сеток.
Там, где белые купавы.
Прямо ты, а я направо.

Вила. Засада, соседи, соседи, осада.
Чуть повыше водопада
Ветра шалостью дурацкой
Я попалась в плен рыбацкий.
Удалого рыболова
Страшным смехом испугаю.
Он посмотрит, убегая.
Ветер длинный.
Час тревоги.
В мокрой глине
Мои ноги.
Сестры, подруги,
Зубом мышиным
Рвите тенета.
Ветер, маши нам!
Шествует кто-то.
Струи сквозные
Сети широкой,
Сны водяные
Пытки жестокой.

Дивчины. Ля! девушки, ля!
Льется вода
Сквозь невода,
Всюду заминка,
Белая жинка.
Внемлет земля.

*

Ветер. Цапля с рыбою в зобу
Полетела за плотину.

Вила милая, забудь
Козни легкой паутину.
Синеглазою девицей
Купайтесь по ночам.
Венок волос струится
Крученым панычем.
Одоленом одолею
Непокорство шаловливое!
Чары белые лелею,
Опрокинутые ивою!
— Сети рву!
— Все на яву!

Люди. Поспешите, пастушата!
Серебро синеет хаты!
Ни видений, ни ведуний;
Все спокойно, все молчит.
На селе в далекой клуне
Цеп молотит и стучит.
Скот мычит, пастух играет,
Солнце красное встает.
И, как жар, заря играет,
Вам свирели подает.

1919

ПРАЧКА

<1.>

Тулупы мы.
Родились глупыми:
Земляные кроты,
В вечер осенний
Ворочаемся в сене.
А бары-забавнички
Оправляют свои нарукавнички,
Охорашиваются,
На поцелуи милой напрашиваются.
Чтоб муха, смотри, не нагадила.
Дескать, <мы> и ночью одеты,
И зимы уголок — белый и свежий.
Барин голый,
Попляши, попляши,
Дай мне радость
Для души, для души.
Посмотрю, какой ты нагой:
Кривые ноги,
Пуза мешок,
Что чесать — не найдет гребешок!

2.

Во дворцах мы нé жили.
Нас никто не нежил.
Росли, как щенята, <и ползали ужом>.
А теперь я потчую вас ножом.
Эй, толпа людей,
Знайте,
В мозгу зарубите
И меня, чернявую,
Полюбите.
Нáте!
Наш нож,
Гож нож!
Он красавец, длинный нож,
В сердце барина хорош.
Я простая девка,
Прачка чернорабочая,
Ножом вас потчую.
Ай хорош, ай хорош
Нож.

3.

Жили в поту
И бар целовали пяту
По-муж<ицки> и по-бабски,
По-рабски.
Чтоб царей на обух,
Господ на обух <...>
Несите секачи!
Горячее поле, сюда скачи
На трех ногах собакой раненой,
Трехногое, скачи,
грози костылем, безносое.

Землянки теплого навоза,
Бегите на лапах мороза.
Все на бегу
Ковыляйте в снегу,
Как собака с ногой перебитой.
Нашли свой царский дворец
В конском дымящемся кале.
Вас кричат ножи,
Вас ножи искали.
Хотят лезвиём
баловаться с барьем,
целоваться,
По горлу скользя.
А без вас — нельзя.
Тонкий край секача
Кадык бар щекоча,
Алую зарю
Возвещает царю.
Толп несите налет и нажим
С Горячего поля!
Жарко ждут ножи.
Они зеркало воли.
Войском нищим, войском нищим
— Чем блеснув за голенищем? —
Хлыньте, хлыньте!
Выньте, выньте!
И вы, Гинденбурги
Нечистот Петербурга,
Ночного обоза,
Когда господа вынимают платок,
морщатся —
Бороться, бороться!
За право борща
<Ножами> колоться —
Бу́дет черпать из колодца!
Алый зовет вас Восток!

Есть Дворец-грёза:
Там вино веселит
И там сладка еда
И зимою цветет тепличный цветок
Страны юга,
На него как на диво
Смотрится вьюга.
А в снегу и навозе
Рассеяла Русь лики,
И вы, детские лица, —
В норе из помета скорбные суслики
Скорее столица, отныне столица
для пота, для пота!

4.

Весь город в снегу.
Полночи час.
Трескучий мороз.
Лишь дымится навоз,
Он для бедности Спас.
И овес коней косяка
Сотни лет богатеев конюшни
Здесь спасал босяка —
Дал тулуп и наушник,
И шубу, и обувь, и братца
Спать во сне рядом,
Горячего братца.
Довольно, довольно!
За нож и ножом
С <пушкой> драться.
Пора
За железное дело
Смело браться!

5.

Вы, женщины, что растворяли щедро
Свои больные, в язвах, недра
Подросткам гнилых городов
И крали у них жизнь на длинный ряд годов,
Чье имя подло и преступно,
Служа свободе неподкупно,
Вы ветки знати отрубали
И остовы богатства оголяли,
Как будто ребра мертвого кита.
Вы, племя убийц посылавшие в кровь
Сынков богатеев,
В чужие земли, в чужие государства,
Когда вы толпой приморских чаек
                    меняли на деньги любовь
И получали шляпы — затеи,
Шляпы — падшие столицы,
Шляпы — солнц затмения
С черною длинною спицей,
Хохочите, летите стаей птиц по улицам столицы
Из больницы в больницу,
Когда честной девушке спится.
Вы, обрывавшие цветы у барства,
Наденьте шубы и шелка
                    с толчка
И белоснежное белье
И бросайте одежды, пропахшие
Пота и семени мужчин
Гнилье<м>.

<6.>

Эй, девчоночки неважные,
Покупные, запродажные,

Врывайтесь в особняк,
Скачите перед зеркалом!

Каблучки-дурачки!

Эй мила, ай мила́!
Ведь буря богатеев
След бегства замела.
Ах вы губки, мои губки,
Да ночные покупки!
Ах вы ножки, мои ножки
Хорошие какие!
По ковровой по дорожке,
Ровно блошки,
Вы по Невскому скакали,
Господинов всё искали!
Ах вы рученьки-малютки,
В белой сыпи, в белой сыпи!
Да зачем я лысая,
Белобрысая...
Вот куплю себе прическу,
Вдену алую полоску,
Стану милая, стану милая!

В ночном потоке шлюх, богородиц, потаскушек,
Где ходит зверем сказочный богач,
Добычу ищет мот-послушник
И олуха несет лихач.

7.

Царь — выстрел вышли!
Мы вышли.
Где же пули?
Лоб ждет, ваше величество!
С нами всё Горячего поля девичество,
Смольный преступного мира,

Великосветский мир острога.
А ну-ка, пушки, гремите строго!
Бом! Бом!
Кто там? Милюков?
Или Керéнский?
Сегодня нету дураков,
Сегодня вéрен, с кем
Толчок любви
Гнилого города,
Чье отпадает с десен мясо.
Часы любви ловли
И глаз торговли.
— Шагаешь?
Шагай!
Пули
Пели,
Пали
В Горячие поля.

8.

— Бог! говорят, что там, на небе, твоя ставка?
Сегодня ты получаешь отставку!
— Эй, где чинят Бога?
— Здесь чинят божество?
Медники, стекольщики, бочары, плотники
Глухого переулка,
Где здесь починка Бога?
Чистят колеса, ставят заплаты?
Люди, вы слышите раскаты
Грома гулкого?
Где чинят Бога?
Конский навоз, что нас спасал и грел от мороза,
Постав<ят> на его место
В тяжелых окладах серебра.

— Серебро и ряд свечей, блести!
И круглыми стенами окруж<ат>.
И тучные люди с Богом на брюхе,
и старухи —
И всё как раньше.

9.

Дворцы замерзли в инее,
В лебяжьих одеялах снега.
И вся столица, блестя огнями,
Как светская красавица была —
В снегу и горностаях утопая,
холодная и недоступная.
А там, вдали, дымилися Горячие поля
Неумирающим огнем.
Как склады пороха — зрачки.
И гневом сломанная бровь.
Темнели бурые бугры —
Чумные города́ людей,
Как прокаженные гонимых
Перчаткой белой городовых
В час зимнего мороза.
И приняв милость от другой столицы —
конской,
Надели шубы с плеча коней.
Горел, дымился навоз горячий.
Дети <из нор> выползали,
И матери — воровки
Добычу приносили го́рода,
Возились у костров. Отцы несли листы
Гнилой капусты,
Селедок тощие хребты
И с боен кости и кишки.
Садились в круг семьи

И ели дары дня.
Не вы ли
Войском нищеты,
Темнея ржавым голенищем,
Пойдете на дворцы
На набережных Невы?
Седые рваные тулупы
Из снежной халупы...
Это пальцы <ног>
Смотрят <из драных> сапог,
А другие в валенках
На Горячего поля завалинках.
Сестры и жены.
Отцы и мужья.
Нож у одних.
<У других> мышьяк.
Так зимовали
В снежном подвале.

10.

Разве вы
От холода не выли?
Вдвоем в землянке костей <бычачьих> не сосали?
И драк с собаками не знали?
И от усталости не падали?
И <не валялись>, сытые, на теплой падали?
Не спали на ходу, склоняя голову?
Так лейте пули — вот свинец и олово!

11.

Слухайте, люди, слухайте,
Рабочие люди, очухайтесь.

Я, дочь народа, вас потчую,
Несу свободу ножом!
Бар плетку отчую —
Летит ужом —
Сломаем.
Мы всё сломаем!
Сёл очаг даст силача!
Идем — Мамаем,
Поем — Мамаем,
Люди Горячего поля,
<Нам — секача!>
Здесь ведь живет девушка Воля,
Наша лучшая Доля.
Ее давно любила очи я,
Простые, рабочие.
Я девушка русская, чернорабочая,
Сегодня вас свободой потчую.
Люди, люди!
Не будет боле
Боли и голи,
Боли и голи!

12.

И никогда, никогда их не увидит
С душой веселой око юное.
В норе, в навозных кучах жили.
Они скрывались, окаянные,
Они умели ненавидеть
Не по-царски.
Свой городок <они> построили
В кучах дымящихся калов.
Не по-барски
Нежили <их> стены
Темных сквозных подвалов.

Столетние бугры
В том месте,
Где дышится вольно гневу и мести
И спокойно лежит окровавленный нож.
И город стерег их зубами оскала,
Граждан города из конского кала.

13.

А мы, а наша рабочая темь
Виновата тем,
Сто́я дрожа,
Что кулак без ножа.
Долго не будем сносить белые чванные груди
Мы, окаянные, сгнившие люди.
А они раком речным вылезут из темени ночи
И у них на лоб вылезут очи,
Лишь придет мой желанный жених —
Нож рабочих!
Нож рабочих!

14.

Треух немецкий,
Грозя грозе железной палкой,
Строил белый город на месте болот.
И дыры, сшитые в зипуне —
Зимой нагие Волги плечи —
Открыли Горячее поле.
Два города, два выстрела, два глаза —
Они друг друга стерегут,
В окопах скрыты до отказа.
Война!
Война речей, одежд, движений, пищи.

Два города в упор друг в друга целятся
Стволами ненависти.
Чу, перебежчик — пес
Кость жирную пещерному люду принес,
И люди вышли кучей её делить.
В том городе русло свободной волны
Затянуто в доски умершего моря.
Как женщины грудь — китовым усом,
Затянуто русло Невы серыми досками волн.
Из трупа морей
Эти львы и серые ступени
Вели к дворцам, одетым в камень-кружевняк.
Прямой суровый камень (похож на слово «нет»)
Вдруг делался кудрей воздушней
И вьется вьюгой каменной (воздушней кружева),
Где каменеет женский поцелуй.
Цари здесь жили
И темнели в окнах по ночам.
А там столетние полы конюшен,
Город, чьи стены из сена,
Прошедшего конский живот,
Населены детьми и старцами.
Кто первый спустит свой курок?
В венце навоза нищета
Иль белый царь, народам грозный?

<15.>

Город белый, тревогу забывший,
Тысячей белою зайцев заснувший,
Лишь чернеют трубы — уши.
К нему с головней крадется злоба
Поджечь высоких замков надменную речь.
Этот час — повар,
Чтоб поднялся <навар> и говор
До облаков.

Это Москвы рука
Мстила невским царям,
Снимая венец: выручи!
Это в замки забралась
Грозная тень — непрочитанная книга.
Имя ей — Хам.
Вам тесаки —
Дома высоки.
Вам секачи —
По горлу щекочи.
Тот ящик струн,
Где барышни слышался вой
И звуки Шопена, —
Из окна по мостовой!
Пива немецкого хлынула пена
К выскочке финских болот:
Это ринулось Поле Девичье
Отомстить за царевича
Великому царю в треуголке,
В заморском треухе и с палкой.
Это Ходынка
Над трупом невских царей
Воет зловеще в волынку.
Отплясать за царевича
Пляску злобы и надсмешки.

16.

Подвалами лица́ <пугая>,
Идите, «стоп» нарушив, лая.
Так вы рычали в общей свалке,
У стаи уличных собак,
Худых и грязных,
Оспаривая
Конины дохлой брюхо теплое,

На воздух шумно подымая
Седую стаю галок и ворон.
Широк стежок суровой нитки
Рогожным шилом —
Собранье дыр тулупа вашего.
И грубы швы залатанной одежды,
Гнездо для грязи и для гнид.
В руках неловких ружья и пищали
К стволу — трубе водопроводной
(Отхожих мест труба у ваших ружей дуло)
Веревкой серою привязана доска забора — ложе.
Трудился ты в снегу, жилец навозных куч,
К щеке <прикладывая то, что с ложем схоже>.
В стенах, где камнями сугробы,
Полы из камнеломен конюшен царских,
Не он ли, раб второй,
Сказал «Товарищ!» первому рабу,
Копыто помощи подав.
Иль это просто случай,
Игра судьбы?
Но как глаза угрюмы,
Мощны скулы.
Идите!
<Люди> Горячего поля,
С вами кони
В общем заговоре.

17.

Пух лебедя — дворцам,
Грей белым снежным одеялом.
А для лачуги — пушки бухают.
Потей!
Капусту и лук жри до изжоги!
А над нами где-то боги

Витают небесные.
А ты на колодке
Точи сапожищи и сапоги.
Но и сапог — это бог.

Мы торцы мостовой,
Чтоб в коляске катался помягче богач,
За широким и светлым стеклом,
на кузове черном
Едет толстый купчина-божище,
Хорошо знакомый
Живописцам вывесок Петроградской.
Его образа висят
На всех улиц боках
Рядом с мордой тупого быка,
Белою тушей гусят.
Сегодня, пробегая за спичками,
Я видел три раза
Его образ.
Фу, боги уехали!
Шляпу одел,
Сижу и думаю:
А если бы я был божище или божок?
А он сапожище <или сапожок>?
Недаром приделай «атый»
Из «бога» выйдет «богатый».
В один гроб закопать их лопатой!

18.

А другие, иные
Борются, ссорятся,
Чтоб как боров зажирели
Купчин шеи без труда,
А купчих без ожерелий

Свет не видел никогда!
Небоскребы, как грибы,
Вырастали на Пречистенке,
А рабочие гробы
Хоронил священник чистенький.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак —
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.

19.

Идем!
Друзья, во славу нас
Мешки людей дырявые,
Темнея дырками для глаз,
Шагая, падали, корявые,
На пятипалые отростки
Своего туловища.
И были ду́ла вещи.
Их семеро дырок других,
Кроме тех, что над бровями,
Всего их девять на теле.
Царские пули еще больше наделали.
Птичками свищут,
Ищут
Тела уют.
Цветок я деве дал, —
Экая не́видаль!
<Барские усики:
Что, барышня, трусите?
Что, барышня, боязно?
Что вам снится?
Чужие ресницы?
Я вас обидел?

Полно дуться!
Вчера я видел:
Идут, жмутся.
Гноя знак.>

20.

В том черепе надменном тлел
Костер венчанных предков.
Здесь в вдавленной коробке лба
Таилась подлая судьба,
Столетий долгой власти шелест.
Там тяжело ложилась челюсть.
Чванно
Беседовали старцы.
Легок на помине
(Погоды мена),
Худой и бритый,
Король кожи
Метал и ставил.
Сияла голубая кровь
Потомков Рюрика, Романова
И Гедимина.
Им золото носило корки кус?
Шестерки и восьмерки. Туз.
Смотрели жены через плечи
С улыбкой утренних ресниц.
«Зеленому полю сегодня
Я дал двести тысяч, —
Сказал мужчина, улыбаясь
В свои душистые усы. —
Двадцатая часть урожая
Для мелкой игры ничего!»
Он не увидел, что
Молчаливой тенью,

Дыша навозом, скаля гнилой череп
И с черною косой
Гнилых волос остатка,
За ним стояло,
Руку ему на плечо положив, —
Горячее поле.
— Друг, о Горячем поле ты забыл?
Ты ничего туда не бросил? —
Насмешливо шепчут уста,
Смеется безмясый оскал
И лижет ухо тухлым языком
нищета.

21.

А вон проходит красота.
Вся в черном,
но дымится дуло.
— Ни черта!
И она уснула.
Идут, молчат. Ни звука.
В Москву!
Пли!
На пузе бог.
Перо им в бок!
Бог на брюхе.
Меньше мухой!
Городовой на крыше.
Прицелы выше!
Священник,
отсыпь свинцовых денег!
Красная подкладка.
Гладко!
Пьяные бары —
В Самару!

Плывет белуга —
В Калугу!
В слуховом окне пулемет.
По черной лестнице вперед!
Готов, разбил мозги.
Ни зги!
Пристав —
В лоб выстрел!
А, прапор —
Добро пожаловать!
Ты белый,
А пуля ала́ ведь.
Друг, площадь очищена!
Винтовка, пищи на!
Эй, загнем тебе салазки,
Белая повязка!

22.

Сверкая в сумрачной заре,
Стояли над Невою замки
В оградах, колючих как окунь.
Один, малиновый, горел
Решеткой огненною окон,
Толпя кумиры над собой.
Другой был сер и строг,
Как тайной прелести острог,
Осев на толстый зад,
К Неве поворотясь стеной,
Лишенной золотистых глаз,
<Он> походил на белую свинью.
<Стоял поодаль> третий
У позолоченной иглы.
На высоту
Чугунной конницей взлетев,

Возница кровлю украшал,
Коней железных укрощал.
Напротив — крепость на убой:
Сюда возили недругов царя,
Чтоб памятник сложить веревкой и огнем
Про этот шест и вестника крылатого на нем.
И был угрюм, недобр
Его одетый пушкой выступ:
Он угнетал во сне и наяву.
И сумрак, как седой камчатский бобр,
Одел красавицу Неву.

23.

Летит чугун, заразы вой.
Ты сказочки рассказывай,
А мы, твой зная сказ,
Пройдемся наискось,
Пустынною пустыней.
Все окна здесь черны.
Зубчатый край стены
Небесной синевы
Отвоевал широкий угол.
За полумертвые дворцы,
В чехол закутанные мглы,
Идет пустынная дорога.
Блестели лезвия пришельцев наглых,
И кто-то лез, в тень призрака сужась,
За особняк узорный, вея ужас.
Зачем чернело дико дерево садов,
Где листья трепыхались, как множество годов?
Зачем нагнулось низко
Оно к земле?
И белая записка
В сетях его колючих, в сучков его кремле?
И лист одинокий и желтый,

Ударив о землю (плашмя),
Нам шепчет: «Тяжел ты
Голос, которому внемлю, —
Топот громад».

24.

Не бесись,
Ведь ты не на небеси!

Это чудо: озеро серое,
Золотого севера
Почерк волн с красным отливом.
Щуки плещутся.
Рядом утесы с шумящей сосной.
Синеет луг, голубая лужайка, на ней
Незабудка цвела.
Пришел косарь с косой,
Перо павлина в шляпе,
Мешок для сена пуст.
Скосил лужайку он,
Сложил в мешок
И в город снес
На царскую конюшню.
Всю ночь жевал травы мешок,
Волнуясь черной гривой, конь
С блестящим оком.
И незабудка только ночь
В училище его живота ночевала,
А утром на возу перекочевала
В Горячее поле, как стебель навоза, —
Греть детей босяка.
И много сестер увидала
В стенах пещеры, в снегу.
Товарищи: труд, незабудка и конь.
И братва зажжет огонь.

25.

Добрые, хорошие красавчики,
Сложим все винтовки,
Разобьем мерзавчики,
Белые головки.
На пустой бочонок,
Бочонок от вина,
Созовем девчонок
Целовать спьяна!
Ой, девчоночки, ухнем!
Ай, красоточки, ахнем!
Ой, молодушки, охнем!
Охала, ухала, ахала…
Ходим мы и сохнем,
Да огнем всполохнем
По незримому врагу.
Эй, девчата, ни гу-гу!
Это уж четвертый погреб.
Мы, как рыбы, в <винном мехе>.
Не бывает ног у рыб.
Эй, сюда торговку смехом!

26.

Мы писатели ножом
Мы мыслители брюхом
Ученые корки хлеба
Художники копоти
Мы пророки грязных штанов
Мы любители желудка
Любовники водосточной трубы
Счетоводы галок и ворон
Мы скрипачи зубной боли

Мы влюбленные в простуду
Обжоры прошлым годом
Пьяницы вчерашнего дня
Мы торговцы черных небесных очей
Мы богатеи желтых червонцев на дереве
Священники хохота
Богачи зари
Божьи дети —
Все мы, все мы сегодня цари!

27.

Нищие мы.
Спим в снежных норах на морозе.
Мы ночные цари на обозе
Дворцовых нечистот.
Наш город — вторая столица — в навозе,
Наши дворцы <живьем нарастали>
И мы с нашими девушками,
Матерями, отцами и детьми
Спим в столетнем конском кале.
А вы, цари, спите во Бозе.
Мы, цари на обозе
        Будем жить
        Тлея,
        Светлея.
        А вы заснули во Бозе.
Если не пропляшу
Кровавый шут
Я,
Старый безбожник,
Пляску портновских ножниц, —
Моя шутка <будет> петля.

28.

Братушки, братушки, братушки!
Часа предсмертного сватушки!
Тесно и больно в груди.
Кто с неба смотрит? — гляди!
Это драка снежных дур
Со широкою метлой.
Это бродит бедокур,
Крик «долой!»

29.

Давно ли было?
Гирями горя согнуты,
Ветер развеял лоскуты —
Идут.
А, Волга, не сдавай!
Дон, помогай!
Кама, Кама! <Ты орлина>!
<А вот и> Днепра чуприна!
Здравствуй, ржаная рать.
— Всем помирать!
Эти широкие кости
С бледными, злыми, зелеными лицами,
Прежде кротки и добры
<Граждане навозной столицы>
Глухо прорвали плотину и хлынули
Туда, где полки голые шашки вынули.
С челюстью бледной, дрожащей, угрюмой,
С окаменелою думой
Идут, согнутые горем
<Навозных пещер> кроты
Крикнуть престолу: «Ты!»
Дать по-бурлацки в зубы и в морду.

Ответа искать с кого.
И не обеднею Чайковского,
Такою сладкою, что тают души,
А первою чугунною обедней,
А черною всенощною смерти,
Чтоб раскорячились по снегу туши,
Ответил выстрел первый и последний.
    Дворец свинцовыми устами
    Похож на мертвеца,
    Похож на Грозного-отца,
Народ любимый целовал —
Тот хлынул прочь, за валом вал.

30.

— Что варишь,
Товарищ?
— Из оха и уха
Уху.
Добавь сюда:
— Эх!
— Их!
— Ах!

Ноябрь 1921.

II

<СНЕЗИНИ>

Деймо в 3-х деинах

<1-е деймо>

Снезини. А мы Любоча хороним... хороним... А мы беличи-незабудчичи роняем... роняем...

Веют снежинками и кружатся над Снегичем-Маревичем.

Смехини. А мы твои посестры, из подолов незенных смехом уста засыпаем, смехоемные...

Немини. А мы тебе на помощь... на помощь... Снимем с вольных уст повязку немовую, немязливую...

Слепини. А мы тебе глазины снимем слеповые, <повязку> слепязливую...

Снезини. Глянь-ка, глянь-ка: приотверз уста, призасмеялся — жаруй! Приоткрыл глаза, прилукавился... Нацелился. Ой, девоньки, страшно!

С криком разбегаются. За ними, смеясь и со словами «люби меня», гоняется и касается до них руками Снегич-Маревич. Пойманные остаются на месте. Смехини роняют вдогонку смех. Немини надевают повязки на уста видочей. Слепини слепят глаза чужим, поникая ликом.

Березомир. Сколько я видел игр... сколько игр (*плача*), ах, сколько игр!

ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО

МУЗЪ.

СБОРНИКЪ

подъ редакціей **Д. Бурлюкъ** и **С. Вермель.**

СТИХИ: **Н. Асѣевъ. А. Беленсонъ. К. Большаковъ. Д. Бурлюкъ. Н. Бурлюкъ. Д. Вараввинъ. С. Вермель. В. Каменскій. В. Каневъ. В. Маяковскій. Б. Пастернакъ.**

ПРОЗА: **Н. Бурлюкъ. Д. Бурлюкъ.**

ПЬЕСА: **В. Хлѣбниковъ.**

МУЗЫКА: **Н. Рославецъ.**

РИСУНКИ: **В. Бурлюкъ. Д. Бурлюкъ, А. Лентуловъ.**

ЦВѢТНАЯ РЕПРОДУКЦІЯ: **А. Лентуловъ.**

Весна 1915 г.
Москва.

Здесь напечатана пьеса «Снезини».

Сказчич-Морочич (*натягивая гибучие ветви березовые*).

Дрожат в струнах
<Влажные>
Черные руна.
И мучоба
Вникает в звучобу,
Как девушка в любой...
Я пьян собой.

Береза, подобная белокрылым гуслям, звукает. Воздушатый пальцами, незримый остается звучило. С разных концов, зыбля жалами и телами, приползают слепоглазые, слухатые <змеи> *и, угрожающе шипя, подымаются по стволу.*

Сказчич-Морочич. Ай!

Падает, роняя струны, умерщвленный кольцами слухатаев. Змеи расползаются, свершив свое дело.

Молчанийные сестры. Он шел развязать поясы с юных станов. Плачемте, сестры. Омоем лицо и немвянные волосы в озере отрадин. Плачемте, немые!

Березомир. Нет у гуслей гусляра. Умолкли гусли. Нет и слухчих змеев. Тише! Тише, люди!

Няня-леший взлетает на воздух и, пройдясь колесом и прочертив рукой, полной светлячков, знак, — исчезает.

Березомир (*глухо завывает*). О, стар я... и я только растение, лесина... стар я. И не страшны люди...

Предводимые юношей, вылетают навстречу людям Слепини и Немини, старательно повязывают уста немовыми и слеповыми повязками. Люди, разговаривая между собой, проходят.

Молодой рабочий (*радостно, вдохновенно*). Так! и никаких, значит, леших нет. И все это нужно, чтобы затемнить ум необразованному человеку...

Снегич-Маревич подлетает и бросает в рот снег. Бросает за воротник, где холодно, бросает в зубы говорящим. Снезини прилетают и опрокидывают подолы снега над людьми.

Второй человек (*спокойно*). И вообще ничего нет... кроме орудий производства (*Снегич-Маревич бросает в рот снег*). Однако здесь холодно. Идем. Итак, вообще ничего нет...
Некий глас. Отвергнувшие — отвергнуты. (*И Снезини, и Березомир, и Снегич-Маревич, — все вздрагивают и с ужасом прислушиваются*). Отвергнувшие — отвергнуты (*с глухой настойчивостью*).
Вещежонка (*помавая снегообразной старой головой*). Это о них, об ушедших... о них (*склоняется все ниже и ниже к земле головой*).
Березомир. А — стар я о чужаках...

Снегини и Любоч с новой силой отдаются ранним русальям.

Бес. Кто холит корову? Бес. Кто отвечает за нее? Бес. А ты что делал? Ставил сети? Ловил снегирей? Пухляков?
Бесенок. Колоколец худо звучал, хозяин не нашел, волк поел...
Бес. Вот тебе, голубчик... вот тебе (*наламывает березовые прутья*).
Березомир. На доброе дело и веток не жаль.
Бесенок. Не буду, дедушка... Ой, больше не буду. Миленький, дорогой!
Березомир. Это не повредит... малец еще...

Отдыхая, Снегини и Снегич-Маревич прилегли на стволах.

Липяное бывьмо. Милые, сладка нега белых тел.

Пробегает заяц и, встав на задние ноги, бьет лапами. Слепиня повязывает глаза и так играет с пушным комком зимы. Пробегает с раной на боку волк, брызгая кровью на снег.

Все. Ой, волченька, милый волченька, бедун ты наш, горюн ты наш извечный.
Морозный тятька. Это так, нельзя оставить пути лечобы.

Волк садится и жарко облизывается языком. Снезини прикладывают к ранам снеляжные ткани. Волк порскает дальше. С диким воем проносятся борзые.

Березомир (*больно хлещет их ветвями*). Вот вам, голубчики!

Снезини садятся на шеи и ускакивают вдаль. В охабне мороза, поскрипывая сосновыми стволами, в метелях сорочек пляшут Снежак и Снегуня-Снежамица.

Снежак. Рукавицы снегоборные сладки, плечики поскрипывают...

Показывается черный <охотник> с черной сосулькой в руке.

Снежак. За дело, белые товарищи!

Разводит упругие прутья и те, звонко наслаждаясь, хлещут по разгоряченному красному лицу.

Древолюд. Ха-ха-ха!

Размахивает от радости <белочерными> руками и искажает смехочевом старое серое лицо.

Снегунья. А эта хворостиночка тебе не нужна?

Ловко подставляет ветвь, и охотник, задыхаясь и делая безумные глаза, падает с ружьем на снег. Ружье дает выстрел.

Липовый парень. Ай больно, больно...

Дрожит, подымая над снегом ружье. Барин, задыхаясь, уходит назад.

Древолюд. Ха-ха-ха! Кривит рожу. Ну и потешен честной народ.

Белый мужик. Но что это? Пробежали морозные рынды. Стучат снеговицами, секирами, ищут. Осматривают. Бирюк провыл. Вышел снежный барин: летучи-полетучи зимние, белые волосы. Морозень охабень морозит, бороду, чешет в затылке.

Белый боярин. Честной народ! Ушла она. Как дым в небо, как снег в весну. Ушла. Истаяла.

Все. Кто? Кто?

Снежные мамки. Да Снезимочка же, Снезимочка!

Все. Снезимочка... Снезимочка...

Морозный барин (*понурив морозяную голову*). Снезимочка... Куда?

Снежные мамки. Да в город же, в город ушла...

Все (*в раздумьи*). В город... город...
Березомир (*с глубоким вздохом*). В город... Снезимочка...
Лесная душа. В город...
Белая старица. В город... Бор дымохвоен, узкоствольный. Пол покрыт зыбким толпомеховым мохом. Там всю ночь шалят развратноухие шалые зайчишки, там бегают воленогие лисы и завалили<сь> в берлоги <терпеливые, походношубые> медведи.
Снегязи. Нас принесут в <пере> ряб<ичей> и <в> туле <кун>. Нас принесут в ёлках.
Дубичи и елкичи. Нас срубят.
Лесная душа. Снезимочка... Снегляночка... Снеговушка...
Снегомужье. Ушла...
Березомир. Чудны дела Божии. Рогожало.
Зайчик. Я проскакал сейчас по ее следам до балки Снегоубийц, где к ее следам присоединились большие, мужские.
Снегун. Мужские?
Все. Ах... Ах...

У Снегуна на белых прекрасных глазах навертываются большие крупные слезы.

Ворон. Снимите с моих уст немину (*Немини поспешно снимают с ворона неминную повязку*). Врешь, мелкий воришка, вырезатель липовых карманов, обкрадыватель полушубков у всех липовых парней.
Рында. К делу!
Заяц. Сам ты врунишка! Ишь какой, ушатый!
Ворон. Это не были следы. Это были найденные лапти, которые висели на кусту у поляны «Ясные зайцы». Она сняла их.
Снегун. Бедная ты моя девочка! (*Льет сосульками слезы*).
Снежные мамки. Век ли будем мыкать свое горе? Век, грущун, будем горевать?
Снегун (*машет рукой*). Она же ушла к Ховуну, ведомо...
Снежак и Снежачиха (*плачут*). Ушла Снегляночка, нет Снезиночки.

<Ледини> ходят с ледочашами и собирают слезы, проливая их потом в ручьи.

Печальн<оокий> Лешак (с свирелью).

Нега
Снега
О, не у тех!
В опашне клеста,
В рядне снегиря
Тайна утех.
Лики горят,
Пьяны уста,
Коль том<я>ги сердцем.
Ах! <видно>, пьян зимак,
Когда <виден> зимы мак.

Снежак (*утирая слезы*). Вы, пухляки, порхучие по лозам и лесам, позовите-приманите густосвистных снегирей, зовет их снежок.

Пухляки, перепархивая и посвистывая, улетают.

Снегири. Мы здесь, Снегей.

Снежак. Вы попадете в сети, вы сядете в темные клети. Вы увидите Снезимочку, вы расскажете мне.

Снегири. Мы знаем твою волю, Снегей.

Садятся на ветки куста, напоминая чуть красные губы на белом снегу. Снежак и Снежачиха плачут. Ледини собирают слезы.

Лешачонок (*поймав уроненную тень света, поет*).

За́реву
Снегиря
Нет
Негиря...
Я зареву!

Заливается смехом и, роняя снежную дуду, убегает.

Березомир (*ловит его, сечет, покряхтывая*). А я его прутом... прутом... по заднишке... по заднишке...

Занавес.

1908

ГОСПОЖА ЛЕНИН

Голос зрения. Недавно кончился дождик, и на концах потемневших ветвей висят блестящие капли.

Голос слуха. Тишина. Слышно, что кем-то отворяется калитка, кто-то идет по дорожкам.

Голос зрения. Из-за деревьев взлетела вспугнутая кем-то птица.

Голос рассудка. Кажется, тем же, кто отворил калитку и кого шаги слышны.

Голос слуха. Она испуганно издает свист.

Голос внимания. Но что это?

Голос слуха. Раз-два... раз-два... размеренно раздаются шаги.

Голос зрения. Своей неторопливой походкой приближается...

Голос рассудка. ...доктор Лоос.

Голос воспоминания. Давно мы его не видели.

Голос зрения. Он весь в черном. Шляпа низко надвинута над голубыми смеющимися глазами. Как всегда его белокурые усы зачесаны кверху, а лицо свежо и самоуверенно красно. Он приближается, и губы его хотят что-то сказать.

Голос слуха. Он говорит: «Добрый день, госпожа Ленúн. Не правда ли, сегодня прекрасная погода?»

Голос беспристрастия. Выражение его лица ожидает ответа.

Голос зрения. Его лицо и рот принимают смеющееся выражение.

Г-жѣ Ленинъ.

Голосъ зрѣнія Недавно кончился дождикъ и на
кончикахъ потемнѣвшихъ вѣтвей висятъ блестящія
капли.
Голосъ слуха Тишина; слышно, что гдѣ-то
отворяется калитка. Кто-то идетъ по дорожкамъ.
Голосъ зрѣнія. Изъ-за деревьевъ взлетѣла
вспугнутая кѣмъ-то птица.
Голосъ разсудка Кажется, тѣмъ-же, кто
отворилъ калитку и чьи шаги слышны.
Голосъ слуха. Она испуганно издаетъ свистъ.
Голосъ вниманія. Но что это?
Голосъ слуха. разъ-два разъ-два. размѣренно
раздаются шаги.
Голосъ зрѣнія. Своей неторопливой походкой
приближается ... [illegible]
Голосъ разсудка. д-ръ Лоосъ
Голосъ воспоминаній. Давно мы его не видали.
Голосъ зрѣнія Замѣтьте: онъ весь въ черномъ.
Шляпа низко надвинута надъ голубыми

Беловой автограф. Частное собрание.

Голос рассудка. ...которое извиняет молчание.
Голос осязания. Он пожимает руку.
Голос слуха. Он говорит: «Как ваше здоровье?»
Голос рассудка. Необходимо ответить. Ответь: «Мое здоровье превосходно, благодарю вас. Как и раньше...»
Голос жалости к себе. В этих словах было выражение страдания, заставляющее меня говорить.
Голос слуха. Он говорит: «Надеюсь...»
Голос рассудка. Не хочу слушать, что он говорит. Сейчас он станет прощаться.
Голос зрения. Губы не перестают двигаться. Он смотрит мягко, просяще и вежливо.
Голос догадливости. Он что-то доказывает.
Голос рассудка. Не хочу слушать, что он доказывает. Сейчас он станет прощаться. Пусть глаза его смотрят мягко и с участием. Все же он не получит ответа.
Голос зрения. Он делает движение рукой.
Голос рассудка. Необходимо протянуть ему руку. О, как несносен этот обряд!
Голос слуха. Губы его шевельнулись.
Голос зрения. Его черный безукоризненный котелок зачем-то поднялся с своего места, поплыл в воздухе, качнулся и опять опустился на свое место — мягкие рыжеватые волосы. Он повертывается и уходит.
Голос рассудка. О, восхитительный миг!
Голос зрения. Его воротнички блестят за деревьями.
Голос слуха. Его шаги хрустят в конце сада.
Голос обоняния. К запахам сада после дождя прибавляется его запах.
Голос слуха. Калитка щелкнула.

Голос рассудка. Скамейка прохладна и вся полна каким-то сознанием тишины.
Голос зрения. Желтый, красный, влажный песок. Темный широкий носок с белым светиком. Чьей-то тростью начертанный круг. Семечки.

Голос сознания. На озере теперь много уток.

Голос воспоминания по звуковому сходству. Кто-то утоп.

Голос воспоминания по сосуществованию. Женщина в синем с желтым печальным лицом. Около нее стоял мальчик и плакал.

Голос рассудка. Зло велико, но с ним никто не борется.

Голос разума. Только в уединении родятся великие мысли. Нужно молчать. Нужно молчать.

Голос зрения. Желтый мелкий песок. Прилетевшие голуби. Улетевшие голуби. Желтый песок.

Голос слуха. Ну вот, все смолкло.

Голос осязания. Вот пошевельнулось тихо плечо, за ним тронулся локоть и выпрямляющиеся пальцы руки встречают завязанный холодный узел рубашки. Ноги босы и в них входит холод.

Голос слуха. Раздаются шаги!

Голос догадливости. Сейчас повернут! — ко мне?

Голос слуха. Повертывается ключ.

Голос ужаса. Опять будут бить?

Голос сознания. Да, опять будут бить.

Голос воли. Но ни одно слово не будет произнесено.

Голос предостережения. Глаза не должны смотреть на них.

Голос слуха. Дверь открывается.

Голос зрения. Мне видны их ноги. Они приближаются! Они стали вокруг.

Голос слуха. Они говорят: «Барышня, будьте добры перейти в другую комнату. Господин врач...»

Голос воли. Не обманете... я знаю...

Голос осязания. Волосы натянуты. Отдельным волосам больно.

Голос слуха. Они бранятся как на улице. Они говорят: «Держи за ноги, возьми за голову. Неси».

Голос осязания. Они несут. Больно. Умираю.

Голос сознания. Всё погибло. Мировое зло.

Голос слуха. Он спрашивает: «Больная переведена в новое помещение <?>»

<1908>

III

МУДРОСТЬ В СИЛКЕ
(Лесное утро)

Пеночка зеленая. Прынь! пуырэб, пуиреб сэ, сэ, сэ!
Овсянка золотистая. Кри ти-ти-ти-и-и.
Дубровник. Вьор, вьор виру-сък, съек, съек!..
Вьюрок. Тьорти-ед игреди!
Пеночка зеленая. Прынь! пуиреп, пцыреп, пуиреп сэ, сэ, сэ!
Славка черная. Беботеу-вевять!
Лесное божество (*в распущенных стеклянно-волнистых волосах*).

Но знаю я, пока живу,
Что есть «уа», что есть «ау».
(*Целует склоненного ребенка*).

Птица. Отэу, отэу!..
Ворона. Каа-а!

<1913>

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ И СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

АРХИВЫ

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Творения, 1914 — Хлебников В.В. Творения 1906—1908 гг. М. <Херсон>: Изд. «Первого журнала русских футуристов», 1914 <конец 1913>.

Ряв!, 1914 — Хлебников В. Ряв! Перчатки 1908—1914 гг. СПб.: Изд. «ЕУЫ», 1914 <декабрь 1913>.

Изборник, 1914 — Хлебников В. Изборник стихов 1907—1914 гг. СПб.: Изд. «ЕУЫ», 1914 <февраль>.

Ошибка смерти, 1917 — Хлебников В. Ошибка смерти. М. <Харьков>: Изд. «Лирень», 1917 <ноябрь 1916>.

Настоящее, 1926 — Велемир Хлебников. Настоящее. Поэма. Альвэк. Стихи. Силлов. Библиография. М.: Изд. В.В.Хлебниковой, 1926.

СП — Собрание произведений Велимира Хлебникова. Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Ред. текста Н. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде. Т. I. Поэмы. 1928; Т. II. Творения 1906—1916. 1930; Т. III. Стихотворения 1917—1922. 1931; Т. IV. Проза и драматические произведения. 1930; Т. V. Стихи, проза, записная книжка, письма, дневник. 1933.

НП, 1940 — Хлебников В. Неизданные произведения. Поэмы и стихи / Ред. и коммент. Н.Харджиева. Проза. Ред. и коммент. Т.Грица. М.: Художественная литература, 1940.

Творения, 1986 — Хлебников В. Творения / Общая редакция и вступительная статья М.Я.Полякова. Сост., подготовка текста и коммент. В.П.Григорьева и А.Е.Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

СС — Хлебников Велимир. Собрание сочинений: В 6 тт. / Под общей редакцией Р.В.Дуганова. М.: ИМЛИ РАН. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904–1916. 2000; Т. 2. Стихотворения 1917–1922. 2001; Т. 3. Поэмы 1905–1922. 2002.

СБОРНИКИ

Садок судей I, 1910 — Садок судей. СПб.: Изд. «Журавль», 1910 <апрель>.

Пощечина общественному вкусу, 1913 — Пощечина общественному вкусу. М.: Изд. Г.Л.Кузьмина, 1913 <декабрь 1912>.

Садок судей II, 1913 — Садок судей II. СПб.: Изд. «Журавль», 1913 <февраль>.

Дохлая луна, 1913 — Дохлая луна. 1е изд. М. <Каховка>: Изд. Лит. К° футуристов «Гилея», 1913 <август>.

Рыкающий Парнас, 1914 — Рыкающий Парнас. СПб.: Изд. «Журавль», 1914 <январь>.

Первый журнал русских футуристов, 1914 — Первый журнал русских футуристов. М.: Изд. К° футуристов «Гилея», № 1–2, 1914 <март>.

Весеннее контрагентство муз, 1915 — Весеннее контрагентство муз / Сб. под ред. Д.Бурлюка и С.Вермеля. М.: Студия искусства театра, 1915 <май>.

ИППК, 1988 — Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

Любовник Юноны (С. 7). — Впервые: Дохлая луна, 1913 (первая половина, строфы 1—17) и Творения, 1914 (вторая половина, строфы 18—23 под названием «Сын Юноны»). Печатается по полному тексту в СП, II, 1930.

Возможно сюжетно-тематическое сопоставление с мифологическим романом «Сатиресса» (СПб., 1907) близкого к кругу символистов А.А.Кондратьева (1876—1967) на тему любви божественных существ к людям: «Мальчишка с берегов Атраска был ко мне искренне привязан, тоненький и страшно ласковый. Дома жилось ему худо... Мать немилосердно его колотила... Это ложь, будто я [Сатиресса] убила его своими пылкими ласками... Это был мой последний любовник из человеческого племени». Ср. также стихотворение «Нимфа, преследующая отрока» (Ал.Кондратьев. Стихи. Книга 2-я. СПб., 1909):

О, мой мальчик, куда убегаешь? Постой!
Все равно не спасешься, лишь в чаще лесной
Исцарапаешь нежные ноги.

. . .

Полонила мне душу твоя красота.
И к устам твоим нежным я с дрожью уста
Приближаю, склоняясь несмело.

Юнона — см. СС, 2. С. 513. См. в пьесе «Боги», 1921.

Ср. близкие к этому имени словообразования Хлебникова 1907—1908 гг.: «юниня», «юник», «юникане» и др., связанные одновременно с семантическим гнездом *юн, юный*.

Трясуха обл. — лихорадка.

Купава — см. СС, 1. С. 459.

Овен црк. — баран, овца; жертвенное животное.

Осокорь — тополь.

Завабить — от *вабить* обл. — заманить, обольстить.

Дреколье — палка, кол.

Вотще — см. СС, 3. С. 433.

Голубооблачное диво — возможно, намек на Геру (см. на С. 377), явившуюся по воле Зевса перед влюбленным в нее фессалийским царем Иксионом в виде облака; от связи Геры с Иксионом произошли кентавры.

Внучка Малуши (С. 12). — Впервые: Дохлая луна, 1913. Вошла в СП, II, 1930. В первой публикации тексту предпослан сценарный план поэмы: «Охота. Поход Владимира. Полет в Питер. Восстание училиц.» Печатается с несколькими смысловыми конъектурами по первой публикации. Написана летом 1909 г. в Святошине под Киевом, где в то время жили родные Хлебникова. В письме В.В.Каменскому в Пермь 8 августа 1909 г. из Святошина: «Написал "Внучка Малуши", которой однако вряд ли могу похвастаться» (НП, 1940. С. 358).

Сюжет поэмы восходит ко времени княжения святого Владимира (умер в 1015 г.) — одного из героев киевского цикла былин о богатырях — и продолжает традицию их поэтической обработки Жуковским, Пушкиным, Катениным, А.К.Толстым и др.

Малуша — в «Повести временных лет» ключница (рабыня) княгини Ольги, вышла замуж за Святослава и родила будущего крестителя Руси Владимира; таким образом, внучка ее (дочь Владимира) — героиня поэмы, которой Хлебников, следуя за Пушкиным, дает имя Людмила.

Сварог — божество огня в славянской мифологии.

Леший — см. СС, 3. С. 442.

Белун — языческое божество у белорусов, податель богатства и плодородия; см. это имя в словотворческой прозе «Песнь Мирязя».

Стрибожич — потомок Стрибога, языческого божества восточных славян; в «Слове о полку Игореве» ветры названы «Стрибожи внуци».

Смердич — потомок смерда, т.е. человека низкого происхождения.

Кера — по А.Н.Афанасьеву, древним грекам смерть являлась демоническим существом Керою (греч. «кер»— смерть, порча, рок); возможна семантическая связь греческой «керы» и славянской «кары».

Лун — вероятно, от «лунь» острый, ясный взгляд (словарь Фасмера) или краткая форма от «лунный» по образцу «полный/полн».

Робичич — имеется в виду князь Владимир, от замужества с которым вначале отказывалась язычница Рогнеда (см. СС, 1. С. 215), говоря: «Не хочу розути робичича» («Повесть временных лет»).

Путина обл. — путь, дорога.

Тур — дикий бык, зубр; с образом Буй тура (Яр тура) связан мотив оборотничества богатырей в былинах из «Древних Российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым»:

А тут таковой Всеславьевич
Он обернулся гнедым туром — золотые рога...

Епанча — широкий плащ без рукавов, накидка.

Князь хозарский, хан; <далее *жид Хайм* > — государство хазар (тюркоязычного народа, частично принявшего иудаизм) в VI—X вв. располагалось от нижней Волги до северных отрогов Кавказских гор и в Крыму; разгромлено Святославом в 964—965 гг. Верховный правитель хазар носил титул кагана; в хазарских источниках ивритское имя Хаим отсутствует. См. Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874; Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. Среди сказочных персонажей поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» — «младой хазарский хан Ратмир». Темы хазар Хлебнков касается в статье «Кто такие угро-россы?» (1913).

Кычет — от *кыкать* др.-рус. — издавать жалобные звуки; кричать (например, о лебедях в «Слове о полку Игореве»).

На шум гречанских звонниц — в связи с походами язычников-славян на столицу христиан-греков Царьград (Константинополь).

Керея (кирея) — верхняя одежда типа кафтана.

Вои — см. СС, 1. С. 475.

О, есть ли что мечей поюнней? — см. стихотворение «И есть ли что мечей поюнней...» (СС, 1. С. 180).

Кому врага в <ага> бою побити...— по мнению Х.Барана (Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 76), слово «ага» в тексте СП, II напечатано ошибочно; однако оно есть и в тексте «Дохлой луны». Возможно, Хлебников заинтересовался словом *aVa* из др.-иран. яз. со значением «этот», приведенным в словаре Срезневского в связи со словамн «оный» н «овый»; оно могло быть нспользовано сознательно, поскольку корни языка скифов искали в иранских языках.

Табити — скифское женское божество, почиталась царицей скнфов; названа в «Истории» Геродота; изображена на золотых бляшках из кургана Чертомлык (см. СС, 1. С. 523).

Ирпень — приток Днепра, вблизи Киева.

Барыба — мифологический образ из книги стихов С.Городецкого «Ярь» (см. СС, 2. С. 540, а также примеч. к пьесе «Девий бог»).

Повздорить с молодым — нмеется в виду Христос как «молодой», новый бог, заменивший «старых» языческих богов славян.

Тать — см. СС, 1. С. 469.

Власт — от *власти* др.-рус. — владеть.

Берегини — русалки, живущие на возвышенных берегах рек.

Вейдавут (по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона) — герой и жрец, установивший культы в прибалтийском язычестве. См. СС, 3. С. 436.

Древяница — см. СС, 3. С. 440.

Сизарь — порода голубей, сизый голубь.

Протори др.-рус. — издержки, убытки.

Пивень — см. СС, 1. С. 517; СС, 2. С. 588.

Сени, мои сени... — народная песня «Ах вы, сени, мои сени».

Турман — голубь-вертун (Даль).

Исакий — Исаакиевский собор в Петербурге.

Они летят <и далее> — мотив сказочного перемещения в пространстве и времени навеян поэмой А.К.Толстого «Поток-богатырь» (1871), в которой былинный герой после пира у князя Владимира засыпает на 500, а потом еще на 300 лет и просыпается в новой столице Российского государства:

В третий входит он дом, и объял его страх:
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое *общее дело*:
Потрошат чье-то мертвое тело.

Туга др.рус. — печаль, горе.

О солнце там, о солнце тут!... — сравнение в «Слове о полку Игореве» князей Игоря и Всеволода с двумя солнцами: «Два солнца померкости...» («Два солнца померкли...»).

Ваю — двойственное число от «вы», то есть «ваши»; см. в «Слове о полку Игореве»: «Ваю храбрая сердца...» («Ваши храбрые сердца ...»).

Вапно обл. — известь, побелка, краска.

Вапить обл. — красить, украшать.

Сол устар. — посланник, посол (Даль).

Черево др.рус. — внутренности.

Челпанов Георгий Иванович (1862—1936) — основатель и директор Московского психологического института.

Чиж Владимир Федорович (1855—?) — ученый-психолог и практикующий московский психиатр.

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк. См. СС, 2. С. 513—514.

Каутский Карл (1854—1938) — теоретик-марксист германской социал-демократии и II Интернационала.

Бебель Август (1840—1913) — один из руководителей германской социал-демократической партии.

Габричевский Георгий Норбертович (1860—1907) — ученый-микробиолог.

Зернов Дмитрий Николаевич (1843—1917) — ученый-анатом или Зернов Сергей Александрович (1871—1945) — ученый-зоолог.

Пассек Вадим Васильевич (1808—1842) — историк, этнограф или Пассек Василий Васильевич (1816—1864) — ученый-историк.

И и Э (С. 25) — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913. Включена в СП, I, 1928. Печатается по первоисточнику с исправлением допущенной в нем ошибочной нумерации главок.

Сюжетной основой «И и Э» послужил материал повести Г.Уэллса «A story of the Stone Age», печатавшейся по-русски в нескольких переводах. Хлебников, по-видимому, читал ее в переводе известного народовольца и ученого Н.А.Морозова (1854—1946), который привлекал его внимание на протяжении всей жизни (см. СС, 3. С. 475 и примеч. к пьесе «Мирско́нца»). Герои повести «50 тысяч лет назад: рассказ из каменного века» (1909) — юноша Уф-Ломи и девушка Юдена, опасаясь за свою жизнь, бегут из родного племени и после ряда злоключений возвращаются в него; юноша становится вождем племени, но через «много лун после этого» его убивают и съедают, как и его предшественника.

В отличие от натуралистической трактовки полуживотного существования каменного века в повести Г.Уэллса, романтическая символика Хлебникова допускает в этом сюжете не только Жреца, но и спасительную Деву.

Векша — см. СС, 1. С. 520.

Белохвост — хищная птица (орлан-белохвост).

Мык — см. СС, 3. С. 453.

Небесные чины — ангелы, носители божественной воли.

Первобытные племена имеют склонность давать имена, состоящие из одной гласной — имена героев поэмы напоминают об этнологических наблюдениях Миклухо-Маклая над языком папуасов Новой Гвинеи, в котором могут «образовываться слова из чисто инстинктивного восклицания человека», например, одногласные обозначения мужчины и женщины. См. в кн.: Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия на берег Маклая. М., 1956. С. 374. Выдающегося русского путешественника Н.Н.Миклухо-Маклая (1846—1888) Хлебников

упоминает в своей автобиографической заметке 1914 г. (см. НП, 1940. С. 352) наряду с Н.М.Пржевальским (СС, 3. С. 433) в связи с их общим происхождением из запорожских казаков.

Гибель Атлантиды (С. 40) — Впервые: Садок судей II, 1913. Включена в СП, 1, 1928. Печатается по беловому автографу (РГАЛИ) с зачеркнутым первоначальным названием «Потоп острова».

Входит в круг произведений русской литературы, разрабатывавших «апокалиптическую» тему.

Так, в первом номере журнала «Аполлон» М.Волошин писал: «XX веку, первый год которого совпал с началом раскопок Эванса на Крите, кажется, суждено... заглянуть уже по ту сторону звездной архаической ночи и увидеть багровый закат Атлантиды» («Архаизм в русской живописи. Рерих, Богаевский и Бакст»). Цит. по кн.: Лики творчества. Л., 1988. С. 275.

В общих чертах сюжет поэмы восходит к известному мифу об Атлантиде, содержащемуся в диалогах Платона «Тимей» и «Критий». Непосредственно замысел ее связан с картиной Л.Бакста «Terror antiquus», представленной в январе 1909 г. на выставке, организованной С.К.Маковским в помещении Первого кадетского корпуса на Васильевском острове, и интерпретацией картины Вяч.Ивановым в статье «Древний ужас». В частности, Вяч.Иванов писал: «Гибнет великая блудница языческого апокалипсиса, все переносившего в прошлое, как христианский апокалипсис все переносит в будущее, — пророчествованию в Памяти, как христианство пророчествует в Надежде,— гибнет Атлантида...» (Вяч.Иванов. По звездам. СПб., 1909. С. 402).

Актуально-символический смысл поэмы раскрывается в контексте интенсивных хлебниковских занятий 1911—1912 гг. по числовому определению законов исторических событий и соответствующего предсказания «падения государства» в 1917 г. (см. диалог «Учитель и ученик», 1912).

Фрагмент из начального монолога Жреца («Походы мрачные пехот,/ Копьем убийство короля <...> И уважение к числу/ Растет, ручьи ведя к руслу.») является одним из ранних поэтических утверждений Хлебникова числовой «осады времени». Ср. стихотворение 1911 г. «Числа» и примеч. к нему (СС, 1. С. 486), а также примеч. к стихотворению 1919 г. «Над глухонемой отчизной: "Не убей!.."» (СС, 2. С. 518).

Из статьи Хлебникова 1915 г. «Мы и дома»: «Сказки — память старца? Иль детское ясновидение? Другими словами, я думал: потоп и

гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен думать — будет» (СП, IV. С. 286).

Отроча — см. СС, 1. С. 503.

Локоть устар. — старинная линейная мера.

Зеницы арх. — глаза.

Плывет глава, несет лицо... — образ, навеянный мифом о Горгоне Медузе; ср. в стихотворении В.Брюсова «Лик Медузы» (1905):

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор — кровавый, взор — горящий,
Волоса — сплетенье змей.

Из цитированной выше статьи Вяч.Иванова: «Древность излюбила трагический миф; все возвышенное в драме и лирике, в живописи и ваянии было воспроизведением роковых участей, личиной ужаса. Но искусство позволяло безнаказанно взирать на голову Горгоны» (С. 406).

Созвездье Водолея — см. СС, 2. С. 546.

<Разговор душ> (С. 49) — Впервые: НП, 1940 (под названием «Сердца прозрачней, чем сосуд...»; по беловому автографу, контаминированному с первыми сорока четырьмя строками из черновой редакции — см. на С. 291). Печатается по Творениям, 1986, под названием «Любовь приходит страшным смерчем...» (с добавлением конъектуры заголовка и двух конъектур, имеющих смысловую функцию уточнения действующих лиц драматической поэмы).

В композиционной структуре поэмы (возможна соотнесенность ее с произведением И.Анненского «Рождение и смерть поэта. Кантата», 1899) логически вычленяются три «вокальные» партии: «мужская» («Голос из сада» и «Первый голос»), «женская» («Другой голос» и «Второй голос»), а также лирическая партия alter-ego автора — «воина песни» («Тень в саду»). V часть — дуэт двух партий, «мужской» и «женской».

В примечаниях к указанным публикациям поэмы даются варианты ее заглавия, зафиксированные в автографе: «Люди в вечернем саду», «Разговор душ», «Военная песнь», «Мотылек и меч и гроб», «Симфония». Ни одно из названий не закрепилось, но использование в качестве названия первой стиховой строки («Сердца прозрачней, чем сосуд...» или «Любовь приходит страшным смерчем...») достаточно формально для большого по объему и принципиально важного текста, что объясняет конъектуру, тем более, что «Разговор душ» не только

прямо соответствует содержанию поэмы, но и характерен вообще для Хлебникова (ср. такие его названия, как «Разговор двух особ», «Разговор Олега и Казимира», «Разговор» — подзаголовок диалога «Учитель и ученик»).

Датировать поэму дает возможность помета на автографе с указанием лета 1911 г. в усадьбе Алферове и переписки всей вещи в конце 1912 г. (Творения, 1986. С. 680). В помете указана и авторская характеристика ее метода: «Написано по закону "окрошки"», то есть соединения в новое единство старых тем и стиховых фрагментов. Так, в поэме просматриваются частушечные строфы «Тело — кружева изнанка» (СС, 1. С. 269), мотивы поэмы «Песнь мне» (СС, 3. С. 38), стихотворения «Мы желаем звездам тыкать...» (СС, 1. С. 414), вариации строк из пьес «Маркиза Дэзес», «Чертик», драматической сцены «Управда» и т.д. С другой стороны, <«Разговор душ»> дает начало мотивам нескольких поздних вещей, например, XIX плоскости «Зангези» («Кто сетку из чисел/ Набросил на мир...») и II-й части поэмы «Ладомир» («Море вспомнит и расскажет/Грозовым своим глаголом...»); фрагмент из VIII части поэмы («Я видел — бабр сидел у рощи...») записан в 1922 г. в качестве самостоятельного стихотворения (СС, 2. С. 397).

Идейно-содержательная доминанта текста вырастает из соединения патриотической ноты в духе поэмы «Песнь мне» («Так не склоню пред вами я колен, / Судители России» — ср. с названием «нововременского» памфлета В.Розанова «Погребатели России», 1909) и характерного для художественного авангарда XX века максимализма в отрицании общепринятых эстетических норм («Мы — юноши. Мечи наши остро отточены. / Раздавайте смело пощечины»). Оставшаяся по неизвестной причине неопубликованной при жизни Хлебникова, поэма <«Разговор душ»> инициировала название первого и наиболее дерзкого коллективного манифеста молодых новаторов искусства — «Пощечина общественному вкусу» (см. на С. 37). Ср. оставшийся недоработанным индивидуальный манифест («кричаль») Хлебникова 1912 г., направленный против мэтров и тенденций текущей литературы: «Мы хотим девы слова, у которой глаза — зажги снега... бессмысленно вступать в словесную битву с людьми словесной промышленности. Их, как изменников, нужно брать рукой, защищенной перчаткой, и тогда русская словесная нива будет выполота от пауков... Искусство сейчас терпит жестокую власть вражды к России... Это было до тех пор, пока русский народ не заявил своей власти над русским словом... Мы обвиняем <старшие поколения в том>, что <они> дают младшим чашу бытия отравленной... Мы, Россия завтра, говорим: будет!... Мы

протянули наш меч, чтобы выбить преступную чашу. Это восстание молодежи» (НП, 1940. С. 334).

Любовь приходит страшным смерчем — перифраз строки В.Брюсова «Любовь находит черной тучей» из стихотворения «Любовь», 1900.

Пролубь обл. — прорубь (Даль).

Кружок голубеньких полосок — венчик на лбу покойного.

Оснуя — от *основать*, утвердить.

Хоть и низок Севастополь... — имеется в виду оборона Севастополя в Крымскую войну 1854—1855 гг. (СС, 1. С. 270, 494). Вся частушечная парадоксальность строф диалога имеет сходство с гротескными стихами Игната Лебядкина, героя романа Достоевского «Бесы»:

«Любовь пылающей гранатой
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий.

— Хоть в Севастополе не был, и даже не безрукий, но каковы же рифмы!»

Ср. «военно-исторические» строфы в любовных стихах Хлебникова 1915 г. (СС, 1. С. 359, 427—428).

Ах, *Казбек давно просился ...* — по поводу русско-кавказских отношений XVIII—XIX вв. Ср. со стихотворением Лермонтова «Спор» (1841).

Дибич-Забалканский Иван Дмитриевич (1785—1861) — командующий русской армией в войне 1829 г. с Турцией.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — главнокомандующий Грузии в 1816—1827 гг.; руководил военной кампанией против горцев Кавказа.

Кремля белого Казани — символ мусульманского присутствия в России; см. примеч. к поэме «Хаджи-Тархан» (СС, 3. С. 446—447).

Плевна, Шипка — места ожесточенных сражений русских войск с турками за освобождение Болгарии в 1877—1878 гг.

Измаил — крепость, взятая штурмом войсками Суворова в русско-турецкую войну 1787—1791 гг.

Царьград — см. примеч. на С. 347.

Нарва и Полтава — символы поражений и побед русской армии Петра I в Северной войне со шведами в начале XVIII в.

Прага — предместье Варшавы, которое русские войска штурмовали в 1794 г. и в 1831 г.

Грозд — кисть плодов (Даль).

Капище — языческий храм, кумирня.

И пророчества те, что начертит Египет — по-видимому, имеется в виду глубоко волновавшая Хлебникова эпоха египетского фараона-реформатора Аменофиса IV. См. «Свояси» (СС, 1. С. 7) и повесть «Ка» (1915).

Гонитель туч, суровый Вырей ... — см. СС, 1. С. 131, 249, 460.

Твой лоб молнии били... — см. на С. 194 сцену с Мамонтом в пьесе «Чертик»; ср. стихотворение «Жизнь» (СС, 2. С. 40).

Лаз — звериная тропа, звериный след.

Ермак — см. СС, 1. С. 255, 490; СС, 2. С. 577.

Кучум (?—1585) — последний правитель Сибирского ханства, побежденный казачьим атаманом Ермаком в 1584 г.

Ян Собеский — см. СС, 2. С. 582.

Пояс казацкий с узорной резьбой ... — см. на С. 211 вариант строки в пьесе «Маркиза Дэзес». См. также СС, 1. С. 205.

То к свету солнца Купальского ... — см. СС, 3. С. 38, 433.

Раздавайте смело пощечины — в прозе «Ка^2» Хлебников объясняет этот императив «пощечиной», которую пушкинский Руслан дал страшной бородатой голове: «...время тем, кто дал однажды головехолму лихую пощечину, вынуть спрятанный голубой меч. Иногда неплохо быть пушкинианцем. Через него можно посмотреть на будущее» (см. СС, 1. С. 519).

Понятовский Юзеф (1763—1813) — польский генерал, сражавшийся с русскими на стороне Наполеона. При отступлении французской армии утонул в реке Эльстер.

Юнак серб. — богатырь, герой сербских народных песен и баллад.

Мы жребия войн будем искать... — мотив 5-го паруса сверхповести «Дети Выдры» (1913) с акцентуацией национального пафоса: «Бойтесь русских преследовать, / Мы снова подымем ножи / И с бурями будем беседовать / На рубежах судьбы межи».

Все ходит сокол... — вариант «Песни мальчика на кладбище» в пьесе «Чертик» см. на С. 199.

Лесная тоска (С. 66) — Впервые: СП, I, 1928. Печатается по рукописи последней редакции 1921 г. (РГАЛИ) с внесением уточнений в последовательность партий Вилы и Лешака.

Поэма написана осенью 1919 г. в Харьковской психиатрической больнице (см. СС, 2. С. 515). На С. 293 см. впервые печатающуюся полностью первоначальную редакцию поэмы, рукопись которой принадлежала профессору В.Я.Анфимову. К тридцатилетнему юбилею его

врачебной, педагогической и научной деятельности в Краснодаре, где он жил последние годы, в местной газете были напечатаны различные материалы, в том числе: очерк М.Луценко «Стихи необычного пациента» («Красное знамя». 1936. № 115. 21 мая) и «первая часть поэмы “Лесная тоска”, озаглавленная женским именем Вила, взятым поэтом из древней литовско-славянской мифологии» (там же. № 116. 22 мая).

В СС, 2. С. 57–58 см. выделенные в самостоятельные стихотворения два фрагмента из первой и второй редакций поэмы.

Мотив пойманной в сети русалки, возможно, имеет как литературный источник — валашскую сказку «О маленькой фее и молодом чабане» из «Легенды о Марко» М.Горького (Песня о соколе. Песня о буревестнике. Легенда о Марко. СПб., 1906), так и живописный — картину А.Бёклина «Zwei fishende Pane» («Рыбалка двух леших»), репродукция которой на почтовой открытке сохранилась среди бумаг Хлебникова (Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. Т. 1. М., 1997. С. 80). С картиной швейцарского художника сопоставим и черновой вариант поэмы «Вила и леший» (ж. «Творчество». Владивосток, 1920. № 1; публикация Н.Асеева):

В мешок серебряных ячеек
Попавши рыбой, завоплю.
Рыбак мохнатый, с крылий шеек
Чешуек мелких налеплю
Тебе на бедра и копыто.
Рыбак, рыбак, щади меня!
Как мог пришлец чужого быта
Набросить сетку из ремня?

. . .

И могучая, босая... — в драматической поэме Я.Полонского «Лесные чары» цитируется «Русалка» Пушкина: «Очнусь русалкою холодной и могучей» (Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений. Т. 5. СПб., 1896. С. 87).

Светлых рыбок вместо денег... — ср. в «Русалке» Пушкина: «Со дна реки собрать ему те деньги» («Днепровское дно»).

Копытце (копытник) — травянистое растение, листья которого напоминают по форме конское копыто.

И отдаленную звезду... — перекличка со стихом А.К.Толстого «И в небе каждую звезду» из поэмы «Иоанн Дамаскин». (См. СС, 3. С. 443).

Одолен — см. СС, 1. С. 518.

Крученый паныч укр. — вьющееся растение ипомея.

Водяной бугай — выпь.

Клуня обл. — место для сушки снопов и молотьбы.

Ля! — гляньте, глядите. (См. СС, 2. С. 221).

К первой редакции:

Нети — «Неть — имя смерти» (СС, 1. С. 501).

Плаун— водяное растение.

Сусак — зонтичное растение.

Не верь морю — нарочитое звуковое сближение с англ. *nevermore* (никогда больше), лейтмотив баллады Э.По «Ворон» (См. СС, 3. С. 452).

Морень — ср. СС, 1. С. 91.

Жинка укр. — женщина.

Взлом вселенной (С. 75) — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Чудесавль — жанровое определение, близкое к словообразованиям театральной тематики (1913): «Ужасавль», «Будеславль» и др. (см. на С. 370).

Девушка несет на ладони мой народ... — мотив ранней пьесы «Чертик»: «А вот девушка, подходящая к пропасти...» (см. на С. 197). В мифопоэтической фантастике сюжета Девушка олицетворяет Вселенную.

Пространство Лобачевского — см. СС, 2. С. 573; СС, 3. С. 251.

В живом лице прозрачные многоугольники — см. СС, 1. С. 323, 507.

Я нацарапал на синей коре / Болотной березы... — см. в автобиографии Хлебникова «Свояси»: «Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе... при известии о Цусиме» (СС, 1. С. 9); в «Слове о числе и наоборот» (1922): «Первое решение искать законов времени явилось на другой день после Цусимы, когда известие о Цусимском бое дошло в Ярославский край, где я жил тогда в селе Бурмакине. Я хотел найти оправдание смертям» (ж. «Вопросы литературы». М., 1985. № 10. С. 171; публикация Е.Р.Арензона). См. также СС, 2. С. 578.

Я понял вдруг: нет времени — об открытии «закона времени» см. в письме П.В.Митуричу (СС, 2. С. 543).

Пружины троек видел я и двоек... — об основных элементах «закона времени» в том же письме (см. СС, 2. С. 586).

И пена пошла из уст и <молнии> растерзали меня — традиционный образ пророка, экстатического глашатая судьбы; в то же время в статьях, объясняющих поиск «закона времени», подчеркивается рациональность идеи «осад»: «Они дают предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчета» («Наша основа», 1919).

Готов ты окунуться в смерть? — из той же статьи «Наша основа»: «Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия.» Ср. драматическую сцену «Внимание» на С. 283.

Кукса — рычаг, рукоятка для завертывания винта.

Помавать — помахивать, махать; манить.

И если ручку повернешь, / Спасешь любимую тобой коровку божью — то есть знанием «закона» можно воздействовать на Мировую Волю (и судьбу народа).

Ночной обыск (С. 82) — Впервые: СП, I, 1928. Печатается по рукописи (РГАЛИ), где числовой эпиграф «3^6+3^6» рядом с заглавием и датировкой, по-видимому, означает количество дней (1458) за четыре года, прошедших от событий 25 октября 1917 г. (по старому стилю) до дня написания поэмы 7 ноября 1921 года (по новому стилю). Написано в Пятигорске. В дневниковых записях она называется еще «Переворот Советов». См. календарно-числовое соотношение в «Отрывке из Досок судьбы. Лист 1-ый» (М., 1922. С. 15), предваренное общим замечанием: «Заставим заговорить костяк этих времен; оденем мясом людской жизни и дадим голос событий утесам времени в 3^n+3^n дней:

7/XI. 1917	Начало Советской власти в России.	3^6+3^6	7/XI. 1921	Сдвиг вправо, переговоры о признании долгов России.»

О значении 3^n в основном законе времени см. в письме П.В.Митуричу (СС, 2. С.586).

Вместе с тем, по разъяснению П.В.Митурича (вероятно, со слов Хлебникова), 3^6+3^6 — это 1458 ударов сердца, то есть, 18 минут,

считая в минуту 81 удар: «чтение поэмы приблизительно занимает это время» (СП, I. С. 325). См. в этой связи примеч. в СС, 1. С. 521. Ср. с пьесой Н.Евреинова (СС, 3. С. 456) «В кулисах души» (1912): «Действие происходит в душе. Время действия 1/2 минуты ... Над выпуклостью грудобрюшной преграды висит... большое сердце, бьющееся от 55 до 125 раз в минуту...» (Евреинов Н.Н. Драматические сочинения. Пьесы из репертуара Кривого зеркала. Т. 3. Пг., 1923. С. 32, 34).

Звуковая полифония «Ночного обыска», как и следующей поэмы — «Настоящее», с минимальной персонификацией действующих лиц, представляет прообраз в то время еще не существовавшей драматической формы «радиотеатра».

Небосые обл. — убогие, голытьба.

Косые жарг. — тысячерублевые купюры, на которых надпись шла наискось.

Иголка жарг. — стилет, колющее оружие, штык.

Кусок жарг. — тысяча рублей.

«*Завтра соберется совет*» — вероятно, имеется в виду консилиум врачей.

Белокурый — ср. примеч. СС, 2. С. 571 и ряд: «белые звери», «белая кость», «белая сволочь», «белый господин», «белая барышня».

Мертвые сраму не имут — см. СС, 3. С. 496.

И черная дощечка / За белою звучит — ср. описание игры на пианино в поэме «Синие оковы» (СС, 3. С. 371, 493).

В землянках светлый Богоматери праздник — цикл богородичных праздников приходится на осень; действие «Ночного обыска» относится к осени 1917 г., пику антивоенных настроений в разваливавшейся русской армии; отсюда богоборчество «убийц святых»: «Себя старик не выдал,/ Не вылез из окопа./ Запрятан в облака».

Нужду сначала кормят / Белым телом,/ А потом червей... — перифраз монолога Гамлета из IV акта трагедии Шекспира: «Мы откармливаем животных, чтобы откормить себя, а себя для червей» (Шекспир. ПСС. Т. 3. СПб., 1903).

Ашать обл. — есть, обедать (Даль).

На дверях гроба молодого <...> — аллюзия к евангельскому сюжету: «И положили Его в новом своем гробе... Была же там Мария Магдалина и другая Мария...» (Матф., XXVII: 60–61).

Дышло жарг. — шея.

Киса, моя Киса, Киса золотая — возможно, вариант блатной песни «Мурка, моя Мурка, Мурка дорогая...».

Кошка жарг. — женщина, проститутка.

Маруха жарг. — сожительница вора.

«*Из-под дуба, дуба, дуба!*» — русская народная плясовая песня.

«*Свадьбу новую справляет...*» — см. СС, 2. С. 551.

Вытравлен — татуирован.

И девушек лицо у Бога, но только бородатое — «женственный призрак» Христа (А.Блок) как интерпретация тезиса В.С.Соловьева об андрогинной природе человека (см. СС, 1. С. 468).

Бог девичий — ср. название пьесы «Девий бог».

Над надписью знакомой, судна именем — лента морской бескозырки с названием экипажа.

Арака — крепкий спиртной напиток.

Я принимаю от трех до шести — аллюзия к рассказу о последних часах Спасителя: «Был час третий, и распяли Его... В шестом же часу настала тьма по всей земле» (Марк, XV: 25, 33).

«*Одесса-мама*» — из блатного фольклора.

Настоящее (С. 103) — Впервые: Настоящее. 1926. Вошла в СП, I, 1928. Печатается по рукописи 1922 г. (РГАЛИ); первоначальное название «Замок А» (см. примеч. СС, 2. С. 577 и СС, 3. С. 464).

Идея поэмы постепенно вызревала в процессе одновременной работы Хлебникова в ноябре 1921 г. в Пятигорске над несколькими большими вещами о революции: «Ночь перед Советами», «Переворот Советов», «Прачка» и др. В бумагах Хлебникова сохранился план эпической «сверхповести», предполагавшей объединить мотивы всех этих поэм и даже выйти за их пределы: «Столица. Горячее поле. Речь. Великий князь. Прачка. Разин. Кол неба». Самая крупная из них по объему поэма «Прачка» стала основой для реализации более компактной и цельной драматической структуры «Настоящего».

В 1986 и 1989 гг. театр «Чет и нечет» (Москва) под руководством Александра Пономарева осуществил в двух редакциях постановку спектакля «Настоящее», в основу которого легли поэмы «Настоящее», «Ночной обыск» и некоторые стихотворения Хлебникова.

Единственная публикация «Прачки» — в СП, III, 1931 (с редакционным добавлением в заголовке — «Горячее поле»). В данном томе поэма «Прачка» печатается в разделе «Другие редакции и варианты» (С. 305) по очень плохо сохранившейся рукописи с несколькими слоями правки (РГАЛИ). Отсюда необходимость целого ряда лексических, синтаксических и композиционных конъектур для целостного восприятия авторского замысла.

А я ведро на коромысле... — ср. «Пусть древо водоносное...» (СС, 1. С. 101).

Глаголы висят на глаголе — игра слов: «глагол» — речь, слово и «глаголь» — виселица (см. СС, 3. С. 465).

Я буду для детей плевательница — ср. стихотворение «Слова пороли королей ...» (СС, 2. С. 172).

Созвездий книга — ср. стихотворение «Ночь, полная созвездий...» (СС, 1. С. 264).

Галах — см. СС, 2. С. 525, 568.

Кмотр обл. — кум, ср. пословицу «Идет кмотр на смотр» (Даль).

Цари, цари дрожали ... — использован распев русской народной песни «Во кузнице» (см. Гервер Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М., 2001. С. 138 и далее). Ср. также одну из агитационно-сатирических песен 1824 г. К.Рылеева (совместно с А.Бестужевым):

Уж как шел кузнец
Да из кузницы —
Слава!
Нес кузнец
Три ножа —
Слава!

Первый нож
На бояр, на вельмож —
Слава!
Второй нож
На попов, на святош —
Слава!

А молитву сотворя,
Третий нож на царя —
Слава!

Муха жарг. — пуля.

Прапор — сокращ. от «прапорщик».

Салазки — возможны два жарг. значения: «глаза» и «челюсти» (ср. в выражении «загнуть салазки», т.е. свернуть челюсть).

«Князь Игорь» — опера А.П.Бородина.

Перо жарг. — нож.

Дать капли Дона — См. СС, 2. С. 518.

Нажим — гнет, тяжесть; здесь — орудие смерти. Ср. в пьесе «Маркиза Дэзес»: «Разве не ужасен этот ножа молчания нажим».

Горячее поле — городская свалка в Петербурге, постоянно дымившаяся из-за перегнивания мусора и конского навоза; здесь ютилась бездомная голытьба (лейтмотив поэмы «Прачка»).

Бары, дело известное! Из сословья имущего — ср. финал поэмы «Ночь перед Советами» (СС, 3. С. 354).

Не белье, а облако небесное — аллюзия к «Облаку в штанах» Маяковского.

Чтоб от жен и до наложницы — из стихотворения <Каракурт> (СС, 2. С. 143).

Не так ли я, воспетый катом — ср. в поэме «Ладомир»: «Перед ста народов катом» (СС, 3. С. 237, 469).

К поэме «Прачка»:

Прачка — ср. в «Мистерии-буфф» Маяковского: «Революция,/ прачка святая,/ с мылом всю грязь лица земного смыла»; см. также СС, 3. С. 488.

Гинденбурги/ Нечистот Петербурга — от имени П.Гинденбурга (см. СС, 3. С. 462). Вариант: «Куропаткины нечистот» — от имени русского генерала А.Н.Куропаткина, который ославился поражениями в войне с Японией 1905 г.

Вы, женщины, что растворяли щедро — развитие мотива женской мести в поэме «Ладомир» (СС, 3. С. 467).

Царь — выстрел вышли! — из стихотворения «Я вспоминал года, когда...» (СС, 2. С. 312).

Смольный — см. СС, 3. С. 488.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства.

Керенский — см. СС, 2. С. 501.

Идем Мамаем... — хан Золотой Орды (см. СС, 1. С. 508). Ср. в поэме «Облако в штанах» Маяковского: «Ночь... пирует Мамаем».

Это Москвы рука / Мстила невским царям — образная интерпретация славянофильского отрицания петербургско-императорской России. Ср. стихотворение «На севере» (СС, 2. С. 576).

Хам — «черный народ», мстящий верхам; слово, неоднократно употребляемое Хлебниковым в разных контекстах, мотивировано

статьями Дм.Мережковского «Грядущий Хам» (1905) и «Еще шаг грядущего хама» (1914), в которой симптомом наступающего «хамства» назван футуризм. См. СС, 2. С. 582.

Поле Девичье — см. СС, 3. С. 465.

Отомстить за царевича — легендарное убиение малолетнего сына Ивана Грозного Димитрия в Угличе. См. СС, 2. С. 589.

Ходынка — трагедия 18 мая 1896 г. на Ходынском поле в Москве в день коронации Николая II.

Копыто помощи подав — ср. образность стихотворения «Страну Лебедию забуду я...» (СС, 1. С. 354) и обращение к Маяковскому в стихотворении «Ну, тащися, сивка...» (СС, 2. С. 371).

Петроградская сторона — рабочий район Петербурга.

Чтоб как боров зажирели / Купчин шеи без труда — см. стихотворение <Каракурт> (СС, 2. С. 143).

Гедимин (Гедиминас) — великий князь литовский XIV в.

«Зеленому поля сегодня / Я дал двести тысяч» — описание крупной картежной игры имеет эмоциональную связь со стихотворением Елены Гуро из сб. «Садок судей» (1910):

> В белом зале, обиженном папиросами
> Комиссионеров, разбившихся по столам:
> На стене распятая фреска,
> Обнаженная безучастным глазам.
>
> . . . .
>
> Но она еще на стене трепещет,
> Она еще дышит каждый миг,
> А у ног делят землю комиссионеры
> И заводят пиано-механик.

Чугунной конницей взлетев — вероятно, Триумфальная арка Главного штаба на Дворцовой площади, которую венчает колесница Победы из шестерки лошадей, статуи воинов и фигуры летящих Слав.

Про этот шест и вестника крылатого на нем — шпиль Петропавловского собора, см. СС, 2. С. 497.

Его одетый пушкой выступ — см. СС, 3. С. 423.

И незабудка только ночь / В училище его живота ночевала — сквозная тема Хлебникова: диалектика живого и мертвого в природе. Ср. стихотворение «Письмо в Смоленке» (СС, 2. С. 17, 502).

Мерзавчик — бутылка водки самой малой емкости.

II

Таинство дальних (С. 120) — Впервые: «Russian Literature». 1990. Vol. XXVII. № 4 (публикация и вступ. статья С.Я.Казаковой). Печатается по датированной чистовой рукописи (РГАЛИ), имеющей пометку: «Сурож» (старинное русское название Судака в Крыму, где Хлебников жил весной-летом 1908 г. и где состоялось его знакомство с В.И.Ивановым); см. СС, 3. С. 422.

Судя по сохранившимся черновикам пьесы (РНБ), Хлебников изначально стремился к предельной «символизации» сюжета и действующих лиц мистерии вне исторического времени и пространства, реализуя общий постулат Вяч.Иванова: «Тонкая черта разделяла спасительное и гибельное действие страшной дионисической стихии. Они [эллины] находили упоение на краю этой бездны, в урагане оргии, в душевном исступлении бога» (ж. «Новый путь». 1904. Март. С. 47).

В пьесе использована одна из основных мифологем символизма— «Жена, облеченная в солнце», восходящая к «Откровению» Иоанна. См. в статье А.Белого «Апокалипсис в русской поэзии»: «Механизированный хаос оказывается пустотой и ужасом, когда на него обращает свой взор "Жена, облеченная в Солнце". Но ее знамение еще пока только на небе. Мы живем на земле. Она должна сойти к нам на землю, чтобы земля сочеталась с небом в брачном пиршестве... Воплощенный образ Жены должен стать фокусом мистерии, воплощая в себе всеединое начало человечества...» (ж. «Весы». 1905. № 4. С. 23—24).

Ср. также мотивы драмы В.Брюсова «Земля» (1905):

Счастлив тот, кто изведал
Лезвие твоих губ,
Кто свободен, кто предал
Огню свой труп;

и «Литургии мне» Федора Сологуба:

Кто ты, светлый? Кто ты, дивный?
Жрец ли, жертва или царь?
Ты услышал вопль призывный.
Для тебя готов алтарь.

«Таинство дальних» осталось неопубликованным и даже не упоминалось среди драматических произведений Хлебникова, поскольку он, видимо, считал эту пьесу ученически зависимой от эстетики символизма. В бумагах Хлебникова находилась почтовая открытка с репродукцией многофигурной скульптуры И.Н.Жукова (1875—1948) «У об-

рыва жизни», эмоционально ассоциирующейся с мистериальной драмой — «Таинство дальних».

Сохранились фрагменты еще одного драматического произведения Хлебникова этого же периода с откровенной ориентацией на символистский театр (РНБ; публикуется впервые):

Аблокпоэма
(Гримаса в 4 жестах)
<1 часть>

Голос из темноты: Мудрый зодчий построил всё и расчислил в меру. И час настал, и не бескрайная мера нашла край. И в полночный час цари в венцах из вшей, качаясь на зыбких престолах, кому не страшны волнения <катастроф>, глухие угрозы, посылаемые небу оттуда изнутри, кому не страшны движения народные оттуда изнутри, цари в крепко сколоченных вшивых венцах, в зипунах, украшенных <нрзб> лентами, вшив<ым> парад<ом> выезжают за ворота вереницей, <нрзб> расцветая собой город липкими вонючими цветами.

Мы вывозим с собой золото, золото, вещее золото ночей.

Другой голос <(возмущенно)>: Я же уверял вас... Мы вовсе не золот<оройцы>, мы черви, черви! Здесь была девушка с простым белым телом и золотой косой. И вот [теперь нашей милостью] глаза ее пусты, а скоро не будет и мозга.

2 часть.

К могилам за ограду кладбища прокрадывается <нагло> юноша. Он проверяет работу лопаты, и вот земляной холм разрыт и зияет гробом. Глухие стуки. Крышка прочь. Да, слетает крышка. Он вынимает бессильно мотающуюся на плечах голову и осыпает поцелуями и слезами.

Что это? Из глаз скатилась слеза, осколок жемчужной тоски? Нет, белые черви скатились из пустых зениц.

<Я> : Что вы говорите? Что вы говорите? Разве может быть сходство между душой девушки и выгребной ямой? Что вы говорите!

(*Я выскакиваю, схватив себя в ужасе за волосы, возвращая на <нрзб> в отчаянии*).

И зачем тогда золотая коса?

Неся доказательством испепеленную руку... — мотив героической жертвенности, характерный для ряда текстов Хлебникова (см. СС, 2. С. 500) и примеч. к пьесе «Мирсконца».

Девий бог (С. 128) — Впервые: Пощечина общественному вкусу, 1913. Вошла в СП, IV, 1930. В «Свояси» Хлебников пишет: «В "Девьем боге" я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию... Как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно, как волна, как выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли» (СС, 1. С. 7, 9). В автобиографической заметке 1914 г.: «Напечатал ... "Девий бог", где населил светлыми тенями прошлое России...» (НП, 1940. С. 352).

Отсутствие рукописи и конкретных указаний на место и обстоятельства работы над «Девьим богом» делают датировку пьесы предположительно-условной. Во всяком случае, очевидна общая линия развития от «Таинства дальних» к «Девьему богу» дионисийских идей Вяч.Иванова (см. СС, 3. С. 427): «Оба мира (эллинство и варварство) относятся один к другому, как царство формы и царство содержания, как формальный строй и рождающий хаос, как Аполлон и Дионис — фракийский бог Забалканья, претворенный, пластически выявленный и укрощенный, обезвреженный эллинами, но все же самою стихией своей — наш, варварский, наш славянский, бог» (Вяч.Иванов. О веселом ремесле и умном веселии // ж. «Золотое руно». 1907. № 5. С. 51). Более конкретный источник мифологической идеи славянского «бога дев» просматривается в книге стихов С.Городецкого «Ярь»:

В золотые леса
На твои голоса,
Осень, осень, идем.
В гуще темных лесов,
В груде желтых листов
Мы Барыбу найдем.
Камень божий, валун
Ты нам, лес-рокотун,
Укажи у себя,
Чтобы бабий наш бог
Доносить нам помог,
Малый плод не сгубя.
(«Барыбу ищут»)

В словотворческих записях Хлебникова 1908 г. есть «Девичий бог», «Бог девизны», «Девичий град». Возможно влияние собственно фольклорных мотивов Семика («Девичьего праздника»), когда пели песни с припевом: «Лелий, лелий, лелий зеленый и ладо мое» и следующими за ними Ярилинскими игрищами, «древним праздником наших вакханалий», по замечанию М.Н.Макарова (см. в кн.: Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1885. С. 199, 213). Скорее всего, Хлебникову был известен сюжет трагедии Еврипида «Вакханки» о Дионисе и его спутницах — вакханках (пер. И.Анненского, 1894), косвенно отраженный в рассказе В.Ребикова (см. СС, 3. С. 462) «Орфей и Вакханки» («Русская музыкальная газета». СПб., 1909. № 1. С. 6).

Вероятно, настоянием самого автора пьеса «Девий бог», весьма далекая от прямых эстетических устремлений новых друзей Хлебникова, была включена в их боевой сборник «Пощечина общественному вкусу».

А.Е.Крученых вспоминал о своих тогдашних отношениях с Хлебниковым: «Я настойчиво тянул его от сельских тем и "древлего словаря" к современности и городу. — Что же это у вас? — укорял я, — "Мамоньки, уже коровоньки ревмя ревут." Где же тут футуризм? — Я не так написал! — сердито прислушиваясь, наивно возражал Хлебников, — у меня иначе ...Признаться, разницы я не улавливал и прямо преследовал его Мамонькой и коровонькой...» (Наш выход. М., 1996. С. 51).

Адресат авторского посвящения не раскрыт.

Оксамит — бархат.

Кика — женский головной убор.

Цка — передняя часть кики, унизанная жемчугом или камнями.

Мык — см. СС, 3. С. 453.

Фермакопея — возможно, искаженное Пантикапей (совр. Керчь).

Бабил — Вавилон (библ. Babel).

Лель — см. СС, 1. С. 457; СС, 2. С. 521, СС, 3. С. 480. Ср. изображение Леля в рисунках В.М.Васнецова к постановке «Снегурочки» Римского-Корсакова, а также в картине К.А.Коровина «Северная идиллия» (упоминание художника в СС, 1. С. 323).

Полк устар. — толпа.

Бирючи — см. СС, 2. С. 514. Ср. также среди указанных выше рисунков В.М.Васнецова.

Улететь сорокой — в народных поверьях проклятая птица, в которую обращаются ведьмы.

Лал — см. СС, 3. С. 424.

Онучи — обвертки на ноги под лапти.

Сулея — сосуд для вина или масла.

Леуна — см. СС, 1. С. 450.

А он, божественный, имеет вид оленя, и снова между нами его лунная, с двумя гончими, воительница — перекличка с мифологическим сюжетом об Актеоне и Артемиде (см. примеч. к «крымским» стихам 1908 г. — СС, 1. С. 467, 469).

Аспарух (С. 157) — Впервые: Ряв! 1914. Вошла в СП, IV, 1930.

В апреле 1911 г. Хлебников из Алферова написал в Петербург М.В.Матюшину (НП, 1940. С. 359) о высылке «Аспаруха», «Девьего бога» и двух прозаических вещей условно украинской тематики — «Велик-день» и «Смерть Паливоды» — для задуманного раньше авторского сборника (Хлебников предлагает названия: «Дідова хата» или «Черный холм»). Идея сборника не осуществилась.

Условная датировка пьесы связана с окрепшей к 1908 г. общей славянской установкой Хлебникова. Ее герой — князь Аспарух — погибает, обольщенный «обычаями» эллинов. Теме верности «русским обычаям», «славянским богам» посвящена пьеса «Снежимочка».

Исторический Аспарух (ок. 644 г. — ок. 701 г.) — хан первого Болгарского царства — возглавлял движение протоболгар, народа тюркского происхождения, обитавшего первоначально в пределах Хазарского каганата, на Балканы. Хлебникову, видимо, была важна этимология имени Аспарух — «имеющий светлых коней» из др.-иран. *asра *конь* и *rauk *свет, светлый*. Ср. в черновых набросках Хлебникова 1920 г.: «От Аспа к Аспаруху мосты кладу» (РГАЛИ) как свидетельство его эволюции к «азийству».

Собственно сюжет пьесы заимствован из рассказа Геродота (История, IV, 76—80) о судьбах скифских царей Анахарсиса и Скила (сер. V в. до н.э.), казненных соплеменниками за измену скифским обычаям и поклонение эллинским богам.

О философском смысле этой «маленькой трагедии», выходящем за рамки геродотовой истории, см. в кн.: Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М., 1990. С. 206 и далее.

В декабре 1989 г. Драматический театр «Стефан Киров» города Сливен (Болгария) показал спектакль «Маленькие трагедии» В.Хлеб-

никова в постановке Александра Пономарева, куда вошли «Аспарух», «Госпожа Ленúн», «Мирскóнца», «Боги» и «Ошибка смерти».

Ольвия (Борисфен) — античный город (VI в. до н.э. — IV в. н.э.) на берегу Днепро-Бугского лимана, неподалеку от современного Николаева.

Парубки укр. — см. СС, 3. С.440.

Облыжно — ложно, несправедливо.

Диана — см. СС, 1. С.467.

Снежимочка (С. 164) — Впервые: Весеннее контрагентство муз, 1915 — отрывок из ранней редакции пьесы, озаглавленный «Снезини (деймо в 3-х деинах). 1906. Первый вариант». Републикация в СП, IV, 1930. Название отрывка и неверная датировка принадлежат Д.Бурлюку, готовившему сборник к печати и располагавшему только частью черновика пьесы. Вероятно, Д.Бурлюк предполагал поместить полный текст пьесы во втором томе «Творений» Хлебникова, первый том которых вышел в конце 1913 г. в Херсоне. 18 апреля 1914 г. Бурлюк обратился к Хлебникову с письмом: «Напиши большой роман — прозой и стихами — всади в него "Снежимочку" и ее присылай! всё будет отпечатано» (НП, 1940. С. 393). Ввиду наложенного Хлебниковым запрета на это издание (см. его «открытое письмо» — СП, V. С. 257), второй том «Творений» не вышел. «Снежимочка» была предоставлена А.Э.Беленсону для второго сборника «Стрелец», издание которого задержалось на целый год. Поэтому, готовя сборник «Весеннее контрагентство муз», Бурлюк писал В.Каменскому из Москвы в Петроград 2 марта 1915 г.: «Нажми Беленсона насчет... высылки им пьесы Хлебникова "Снежимочка". Не откладывай, книга идет в печать!» (НП. 1940. С. 393). Однако окончательный текст пьесы Бурлюк не получил.

Поскольку публикация отрывка имеет свой историко-литературный интерес, см. <«Снезини»> с несколькими исправлениями и конъектурами на С. 330 в разделе «Другие редакции и варианты».

Публикация полного текста пьесы в последней редакции состоялась в НП, 1940 (с несколькими купюрами превентивно-цензурного характера). В рукописи заглавие пьесы: «Снежимочка. Рождественская сказка. Подражание Островскому» — зачеркнуто. Позже вписано: «Рождественская сказка». Заглавие «Снежимочка» с подзаголовком «Рождественская сказка» Н.И.Харджиев восстановил на основе переписки Хлебникова и его перечня драматических произведений, составленного в 1917 г. (См. НП, 1940. С. 394). С восстанов-

ленными купюрами пьеса вошла в Творения, 1986. Печатается по рукописи (ИМЛИ).

«Снежимочка» написана во второй половине 1908 г. в Петербурге; пьеса тесно связана со словотворческими опытами Хлебникова в стихах и прозе и воодушевлена идеями «славянского возрождения». В обозначении частей пьесы использованы словотворческие новообразования: *деймо* — из «действие» и «письмо», *вводьмо* — из «введение» и «письмо» (образец: др.рус. *зреимо* от «зрети» — пространство, доступное взгляду); в ранней редакции *деина* — из «действие» и «картина».

В первоначальный текст пьесы с небольшими изменениями вошли отрывки из стихотворения «Облаки казались алыми устами...» (СС, 1. С. 133–134, 468).

Приводим по НП (С. 395) конец II дейма, вычеркнутый в автографе, но очень важный для понимания концепции пьесы:

Пристав. Так вот что...

Городовой. Слушаюсь.

Пристав. Э-э-э...

Городовой. Так точно.

Пристав. Подождите. Присядьте. Вы знаете, законы несколько опаздывают. Кто мог придумать? (*Показывая на стул*). Присядьте! Будьте добры!

Служащий. Ваше имя?

Снежимочка. Снежна. Так звали меня в лесу. Еще что?

Служащий. Вероисповедание?

Снежимочка. Я? Я — лесная.

Служащий (*осклабляясь*). Благодарю вас. Больше ничего не надо.

Уходят из участка.

Дух уличной <толпы>. Она... Она... Снежимочка...

Толпа оглашает воздух восторженным криком: Снегурочка! Воздушный белый дух! Урр-ра, ур-ра! (*Уходят*).

Сюжет «Снежимочки» восходит к пьесе А.Н.Островского «Снегурочка. Весенняя сказка» (1873) и к одноименной опере Н.А.Римского-Корсакова (1881), неоднократно упоминаемой в пьесе. Возможно, это связано с успехом оперы в Париже (премьера 7 мая 1908 г.) и смертью композитора 21 июня 1908 г. В пьесе Хлебникова прослеживается воздействие драматургии З.Гиппиус, А.Блока и фольклорной прозы Ремизова (особенно «Гуси-лебеди», «Купальские огни», «Воробьиная ночь», «Снегурушка» из кн. «Посолонь», 1907).

В письме от 10 января 1909 г. В.В.Каменскому Хлебников интересуется именно мнением А.М.Ремизова: «Что говорит Ремизов о моей "Снежимочке"? Если будете, ... то не поленитесь, спросите» (НП, 1940. С. 354—355).

В рукописной тетради Хлебникова (РГАЛИ), относящейся к периоду 1908—1909 гг., записан план предполагаемого общественно-литературного мероприятия: «Славянский вечер. Речи Вячеслава Иванова, Сергея Городецкого, Велимира Хлебникова. О путях славийского возрождения... Исправление русской личности... Пьеса...»

Вероятно, Хлебников думал о возможности постановки «Снежимочки» хотя бы на домашней сцене ивановской «Башни» (СС, 3. С. 426). Но в письме родителям от 28 ноября 1908 г. он писал: «Петербург действует как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства» (СП, V. С. 284).

Весной 1913 г. в «Декларации первого всероссийского съезда Баячей будущего», подписанной А.Крученых, К.Малевичем и М.Матюшиным, было заявлено о создании нового театра — «Будетлянин» и о подготовке нескольких «дейм» к постановке в нем. Назывались: «Победа над солнцем» Крученых, «Железная дорога» Маяковского, «Рождественская сказка» Хлебникова (ж. «За 7 дней». СПб., 1913. № 28). Две первые пьесы увидели свет рампы в декабре 1913 г. в Петербурге. Постановка хлебниковской «сказки» не была осуществлена. Находясь летом 1913 г. в Астрахани, Хлебников включился в работу по реализации идеи «Будетлянина». Его вкладом в общее дело стал своеобразный пролог, предназначавшийся, по-видимому, ко всем готовившимся представлениям. Прозвучал этот пролог («Чернотворские вестучки») только в постановке пьесы Крученых и тогда же, в декабре 1913 г., был опубликован в кн.: «Победа над солнцем. Опера А.Крученых, музыка М.Матюшина» (рисунки К.Малевича и Д.Бурлюка).

Чернотворские вестучки

Люди! Те, кто родились, но еще не умер<ли>. Спешите идти в *созерцог* (или *созерцавель*) «Будетлянин»!

Созерцавель поведет вас.

Созерцебен есть вождебен, сборище мрачных вождей.

От *мучав* и *ужасавлей* до *веселян* и нездешних *смеяв* и *веселогов* пройдут перед внимательными *видухами* и *созерцалями* и *глядарями*: *минавы*, *бывавы*, *певавы*, *бытавы*, *зовавы*, *величавы*, *идуньи*, *судьбоспоры* и *малюты*.

Зовавы позовут вас, как и полунебесные *оттудни*.

Минавы расскажут вам, кем вы были некогда.

Бытавы — кто вы, *бывавы* — кем вы могли быть.

Малюты, *утроги* и *утравы* расскажут, кем будете.

Никогдавли пройдут, как тихое сновидение.

Маленькие *повелюты* властно поведут вас.

Здесь будут *иногдавли* и *воображавли*.

А с ними *сно* и *зно*.

Свироги и *песноги* утрут слезу.

Воин, купец и пахарь, за вас подумал *грезничий*, *песнило* и *снахарь*!

Беседни и *двоиры-певиры* пленят вас.

Силебен заменит *хилебен*.

Первые *созерцины* — тогда-то. *Созерцавель* есть *преображавель*.

Грозноглагольные, скоропророчащие *идуты* — потрясут.

Обликмены деебна в полном *ряжебне* пройдут, направляемые *указуем*-волхвом игр в чудесных ряжевах, показывая утро, вечер *деес*, по замыслу *мечтахаря*, сего небожителя *деин* и *дея деес*.

В детинце *созерцога* «Будеславль» есть свой *подсказчук*. Он позаботится, чтобы *говоровья* и *певавы* шли гладко, не брели розно, но, достигнув *княжебна* над *слухатаями*, избавили бы *людняк созерцога* от гнева *суздалей*.

Смотраны, написанные *худогом*, создадут *переодею* природы.

Места на *облаках* и на *деревьях* и на *китовой мели* занимайте до звонка.

Звуки, несущиеся из *трубарни*, долетят до вас.

Пользумен встретит вас.

Грёзосвист пениетвора наполнит *созерцебен*.

Звучар<и> повинуются *гуляру-воляру*.

Семена «Будеславля» полетят в жизнь.

Созерцебен есть уста!

Будь слухом <ушаст> *созерцаль*!

И *смотряка*.

Несмотря на очевидную эпатажность этой «кричали», сознательно провоцировавшей эмоции зрительской аудитории, в ней реализованы действительные художественные устремления словотворчества Хлебникова. См. два его письма, адресованные А.Крученых в августе 1913 г. (СП, V. С. 299—300) с перечнем и толкованием своего *зерцогного* (от «созерцать»), то есть театрального словаря.

См. статью: Дуганов Р. «Жажда множественности бытия» (о драматургии Велимира Хлебникова) // ж. «Театр». М., 1985. № 10.

В марте 1999 г. Российский академический молодежный театр (Москва) поставил спектакль «Шаман и Снегурочка» по мотивам «Снегурочки» Островского, «Снежимочки» Хлебникова и русским обрядовым песням (автор спектакля Александр Пономарев).

Незенный — неземной от *зень* (см. СС, 2. С. 500).

Посестра обл. — подруга, названная сестра (Даль).

Жаруй— прибавить жару, ретивости, страсти.

Палешница — палица, дубинка с утолщенным концом.

Помавать — см. прим. на С. 357.

Русалия — весенний языческий праздник у восточных славян.

Пухляк — разновидность синиц.

Рында устар. — оруженосец, телохранитель.

Бирючий — от *бирюч* — см. СС, 2. С. 514.

Ховун — от *ховать* укр. — прятать; отшельник.

Каутский — см. прим. на С. 348.

Ныне отпущаеши раба твоего — иронически-кощунственное в данном контексте употребление слов праведного Симеона, узнавшего о рождении Христа Господня (Лука II: 25—34).

Народный дом — общедоступный оперный театр в Народном доме императора Николая II, где часто давали «Снегурочку» (в августе 1908 г. прошло два спектакля).

Опашень — верхняя мужская одежда.

Рядно — см. СС, 1. С. 526.

«Благословляй или роси яд...» — четверостишие вошло и в статью «Курган Святогора», 1908.

Цветень, Сечень — в старинном русском календаре период цветения (апрель-май) и пик зимних холодов (январь).

К первому варианту <«Снезини»>:

Порскать — гнать зверя, натравливать криками гончих на зверя.

Охабень — длинная верхняя одежда.

Кун (куна) — шкурки меха как старинная денежная единица.

Госпожа Ленúн (С. 180) — Впервые: Дохлая луна, 1913. Вошла в СП, IV, 1930. Написана, предположительно, в 1908 г. и исправлена для публикации в 1913 г. Промежуточную редакцию пьесы (собр. Вяч.Вс.Иванова) см. на С. 337 в разделе «Другие редакции и варианты».

Печатается с учетом исправлений, указанных в НП, 1940. С. 455. Перечень действующих лиц дополнен, исходя из текста пьесы. Персонажи: «Голос сознания» и «Голос понимания» встречаются в сцене 1909 г. «Происшествие в помещичьей усадьбе...» (см. С. 261). Непосредственное влияние на пьесу оказала драматургия М.Метерлинка (1862—1949), прежде всего четыре небольшие драмы о смерти и роке: «Слепые», «Непрошенная», «Там, внутри» и «Смерть Тентажиля». В.Шершеневич в обзоре «Литературные тени» писал: "Госпожа Ленин", как нам кажется, перевод, хотя это не обозначено» (газ. «Нижегородец». 1913. № 272. 19 декабря). Ср. также микрорассказ В.В.Кандинского (1866—1944) «Почему?» («Пощечина общественному вкусу». С. 83) из его книги «Klänge». München, 1911.

См. статью: Старкина С.В. Драма Хлебникова «Госпожа Ленúн» в свете экспериментальной психологии В.Вундта (к постановке проблемы «Хлебников и позитивизм») // Russian Literature. 1995. Vol. XXXVIII. № 4.

Автокомментарий Хлебникова в «Свояси»: «В "Госпоже Ленин" хотел найти "бесконечно-малые" художественного слова» (СС, 1. С. 9).

В черновом автографе одной из последних поэтических вещей 1922 г. «Вы, привыкшие видеть жизнь...»:

Вы видали, как разложение слова
На мелкие земельные владения
Зарницей лени
Оглавила «Госпожа Ленин»?

. . .

А Ленин оглавил разложение
Пространства России, торг и труд
В их мелкие единицы.

(См. Перцова Н.Н., Рафаева А.В. О последней записной книжке В.Хлебникова // Вестник Общества Велимира Хлебникова 2. М., 1999. С. 82).

В декабре 1990 г. в Хельсинки (Финляндия) состоялась постановка пьесы «Госпожа Ленúн» авангардной группой режиссера Annette Arlander.

Ленúн — наличие смыслового аспекта фамилии можно предположить, исходя из хлебниковской «*зарницы лени*» и «бездействия» как героев Метерлинка, так и героини Хлебникова. Но фамилия героини маркирует и общую «нерусскость» пьесы, обнаруживая близость с немецкими словами — Lehnwort *заимствованное слово*, entlehnen—

заимствовать и топонимом Lehnin — небольшим городком близ Потсдама, известного так называемым «ленинским пророчеством» об исторической судьбе Германии (См. энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

Лоос голланд. Loos — хитрый, лукавый; ложный; нем. Los — судьба, участь.

Не находите ли вы, что сегодня хорошая погода? — ср. в стих. «Опыт жеманного» (СС, 1. С. 135), опубликованном в «Дохлой луне»: «Я нахожу, что очаровательная погода».

Чертик (С. 184) — Впервые: Творения, 1914. Это издание, подготовленное Давидом и Николаем Бурлюками и вызвавшее протест Хлебникова и запоздалое«запрещение на выход» (см. на С. 368), содержит множество искажений текста пьесы и неверную дату написания: 1906 г. Рукопись пьесы не сохранилась. Исправления текста возможны лишь с той или иной степенью достоверности. Частью они были сделаны в СП, IV, 1930 и более последовательно в Творениях, 1986.

Вне поля зрения редакторов этих изданий остался композиционный дефект первопечатного текста. В начале пьесы вторая реплика Молодого человека, сразу же после появления Черта, перебивается вклинившимся в нее целым эпизодом, в котором Молодой человек со своей возлюбленной отправляются в полет по петербургскому небу. Затем реплика Молодого человека, уже улетевшего, продолжается, и только тут он высказывает Черту свое желание улететь с возлюбленной, которую он ожидает. Черт обещает исполнить его приказание. По всей вероятности, композиционное смещение объясняется нарушением порядка листов рукописи при переписке или наборе в типографии: третий лист оказался вторым. Это подтверждается тем, что объемы смещенных кусков текста практически равны. Обратная их перестановка восстанавливает реплику Молодого человека и естественную последовательность событий: Молодой человек призывает Черта, они беседуют, появляется возлюбленная и пара улетает...

В данном издании «Чертик» печатается по первой публикации в реконструированной композиции, с несколькими конъектурами и исправлением дефекта в конце пьесы, где в эпизоде на пустыре были перепутаны части реплик Военного и Черта. Исправлена «Песнь мальчика на кладбище» по тексту поэмы <«Разговор душ»>. Однако в тексте пьесы остается ряд «темных мест», еще не проясненных.

Написан «Чертик» в октябре-ноябре 1909 г. в связи с выходом первого номера журнала «Аполлон» (24 октября), на что прямо указывает подзаголовок: «Петербургская шутка на рождение “Аполлона”».

В письме отцу 13 ноября 1909 г. Хлебников писал: «Я член “Академии стиха”, очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах. Одна моя вещь будет напечатана в февральском номере “Аполлона”, другая — драма — может, будет поставлена на сцене» (СП, V. С. 287—288). Драма (речь могла идти о «Снежимочке» или «Чертике») сцены не увидела; публикация в «Аполлоне» тоже не состоялась.

Название пьесы повторяет название рассказа А.Ремизова «Чертик», получившего первое место на конкурсе журнала «Золотое руно» (1907) на тему «Дьявол». Подзаголовок пьесы иронически перекликается с названием оды Г.Р.Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779):

Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.

. . .

Я подумал в изумленьи:
Знать, родился некий бог.

Отношения Хлебникова с поэтами круга «Аполлона» стали темой двух его сатирических поэм: «Передо мной варился вар...» и «Карамора № 2-ой» (см. СС, 3. С. 424—432).

Просторы смерьте . . . Смерти — см. СС, 3. С. 445; мотив пьесы «Маркиза Дэзес» (С. 217) и поэмы <«Разговор душ»> (С. 65).

Смерть шествует с нами ... Снами — ср. у И.Анненского: «Сила Господняя с нами / Снами измучен я, снами» (Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 183). Подобная игра характерна также для стиля шуточных пьес философа и поэта Владимира Соловьева (1853 — 1900). О том, что игра слов есть вызов логике и здравому смыслу, Хлебников намекает в «Свояси»: «Так же внезапно написан “Чертик”, походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание “умно” — а не заумно понять слово привело к гибели художественного отношения к слову» (СС, 1. С. 9).

Волынский переулок — от Большой Конюшенной, где был дом А.П.Волынского (см. СС, 3. С. 448), до набережной Мойки, где находилась редакция «Аполлона».

... ведьмы..., оседлав Ученого, мчат его... — мотив знаменитой Вальпургиевой ночи из «Фауста» Гете (См. Леннквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб., 1999. С. 101) и его живописная вариация в декоративном панно Врубеля «Полет Фауста и Мефистофеля» (1896).

Нав — см. СС, 1. С. 462 и авторский комментарий к поэме «Внучка Малуши» (С. 22).

Перун — см. СС, 1. С. 481; СС, 2. С. 547.

Облесить степи виселицами для изменников... — возможно, намек на «столыпинскую реакцию» 1908—1909 гг., но следует иметь в виду и собственно петербургскую историю: остров Голодай и Смоленское поле издавна использовались как место казни государственных преступников. Об этом см.: Старкина С.В. Роль города в пьесе Хлебникова «Чертик. Петербургская шутка на рождение "Аполлона"» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж. Вып. 5. 1995.

Обезлесить леса — ср. приводимые Маяковским (ПСС. Т. 12. М., 1959. С. 24) и нигде более не печатавшиеся хлебниковские строки:

Леса лысы.
Леса обезлосили. Леса обезлисили.

Охабень — см. прим. на С. 372.

Мурмолка — старинная шапка с меховой опушкой.

«Последний русский» — аллюзия к ироническому описанию К.С.Аксакова (1817—1860) в мемуарах Герцена «Былое и думы» (часть IV, глава XXX): «Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок. А К.Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина, как рассказывал, шутя, Чаадаев».

...знает кое-что о *лесах, о которых не знал Геродот* — Геродот, упоминая в своей «Истории» Гилею, которая «вся покрыта густым лесом разной породы деревьев» (IV, 76) и Скифию, в которой «чрезвычайно мало леса» (IV, 61), не знал о лесах виселиц в России XX века.

Кант Иммануил (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии; постоянная мишень хлебниковского сарказма: «Кант, хотевший определить границы человеческого разума, определил границы немецкого разума» (СП, V. С. 183).

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма.

Кент — графство в Великобритании и фамилия потомственных владельцев этой земли.

Кин — фамилия английских актеров, отца Эдмунда (1787—1833) и сына Чарлза (1811—1868).

Кнут — имя норвежского писателя Гамсуна (1859—1952), очень популярного в России в начале XX века.

Обедня в день кончины Чайковского — ежегодное исполнение 25 октября Литургии св. Иоанна Златоуста П.И.Чайковского (СС, 2. С. 312 и 575), которое нередко сопровождалось скандалами (см. Гервер Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М., 2001. С. 33).

Гороховая дочь Германии — микроскоп, увеличительное стекло от нем. Linse, имеющего значения «чечевица» и «линза». Ср. в «Пружине чахотки»: «Шекспир под стеклянной чечевицей»; горох и чечевица — семейство бобовых. Оптические приборы германской фирмы Карла Цейса были широко известны в России и во всем мире.

Капетинги — династия французских королей (987—1328).

Протяжное «мяу»... — см. примеч. к поэме «Карамора № 2-ой» (СС, 3. С. 432).

Не упоминайте о коромысле — одно из ключевых в поэзии Хлебникова многозначных слов (СС, 1. С. 486).

Здание княгини Дашковой — здание Российской Академии наук, создателем и президентом которой была княгиня Е.Р.Дашкова (1744—1810).

Геркуля — Геркулес (Геракл), герой греческой мифологии, наделенный необычайной силой. Фигуры Геркулеса расположены на портике Академии художеств. «Геркулесовой» традиционно называется овсяная каша. Ср. у А.Белого: «созвездие Геркулеса» и старик, в руке которого «был сверток — синяя коробка, изображающая Геркулеса. Геркулес упражнялся гирями...» («Возврат. III симфония», гл. VIII, 1905).

Два сфинкса — см. СС, 1. С. 220, 483.

Священное слово «Ка» — в египетской мифологии бессмертный двойник человека, см. повесть «Ка».

Гера — в греческой мифологии супруга Зевса; подослала чудовищных змей к Гераклу-младенцу, ненавидя его как сына Зевса и смертной женщины.

Вступить на борьбу с чудовищами — о знаменитых подвигах Геракла: задушил немейского льва, убил лернейскую гидру, поймал керинейскую лань и т.д.

Диана — см. СС, 1. С. 467.

Темный могучий слон с еще мертвыми глазами и клыками — о мамонте из Зоологического музея.

Никодим — в христианском предании тайный ученик Спасителя из числа фарисеев; ему приписывается авторство апокрифического евангелия (сошествие Иисуса в ад), широко известного в католическом мире. В нач. XX в. критическим анализом этого текста (датируется V в.) занимался А.Немоевский (см. СС, 3. С. 475). См. Даниил Святский. Евангелие Никодима при свете звезд (историко-астрономический комментарий). СПб., 1914.

Лебяжий пух — вероятно, растение болотный пух, или белоголовица.

Заинька беленький, заинька серенький... — вариация детской народной песенки.

Волох — возможная опечатка. Волок в родит. пад. — рифма к «проволока»; ближе по смыслу исторический топоним Волхов — река в Великом Новгороде.

Белокумирный. Какой странный кумир — по-видимому, звуковая ассоциация с «Бельведерским»; подозрительно странным делает кумира *белый* цвет, так как Аполлон, согласно мифологическим сказаниям, соперничал с Гераклом — «*черносотенником*» давно прошедших времен.

Множество лягушек... — возможная аллюзия к комедии Аристофана «Лягушки»: «... Брекекекекс, коакс, коакс! Дети болотных ключей, сольем наши гимны со звуками флейты, повторим эту сладкозвучную песню, коакс, коакс — ее ведь мы пели в болотах... Меня любит и Аполлон, искусный на лире; ведь, мы ему растим тростник для лиры» (СПб., 1897. С. 467).

Этот «лягушачий» мотив подхватил и переадресовал футуристам публицист символистского лагеря Д.В.Философов (1872–1940) в одном из своих выступлений: «Футуристическая вода свободно на нас хлынула и никого не залила. Образовалась небольшая лужа в низинах литературы, и в ней заквакали лягушки. Это только выводок молодых лягушат, храбро поющих, каждый на свой лад, песни жизни» (полемическая реплика к статье В.Шкловского «Предпосылки футуризма» // ж. «Голос жизни». СПб., 1915. № 22. С. 5). Продолжение темы у Хлебникова: «Полно лягушкою квакать / В болотах Евгенья Онегина и Ленского» (СС, 2. С. 243).

Девушка, подходящая к пропасти... см. примеч. на С. 356.

Я как раненый олень... готов... простонать истину — ср. стихотворение «Трущобы» (СС, 1. С. 219, 483)

Дом утолимой печали — придел Воскресенской церкви на Смоленском кладбище, освященный во имя Божией Матери Утоли Моя Печали. Ср. в стихотворении Блока «За гробом» (1908):

Божья Матерь *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.

Око с расходящимися лучами — всевидящее око Бога — характерный для кладбищенской архитектуры мотив, изображение его есть на фасаде Смоленской церкви в Петербурге.

Военный — мотив военного ветерана (русского Спасителя) намечен в поэме «Сельская дружба» (СС, 3. С. 76).

Тырново — важный опорный пункт в русско-турецкую войну, который в июне 1877 г. перешел к русской армии.

Отведемте этого босяка в чайную... — Сходство окончания «Чертика» со сценой в погребке Ауэрбаха из «Фауста» отметила Б.Леннквист (см. выше).

Слово «Россия» в страховании — крупнейшая страховая компания «Россия». Мотив страхования усиливает тему «спасения России» в предшествующей реплике о растирании снегом пьяного босяка. Вероятно, связано с известным положением антилиберальной публицистики К.Н.Леонтьева о необходимости «подморозить Россию», то есть застраховать, законсервировать холодом, спасая от общеевропейского «гниения». Ср. концовку статьи Хлебникова «Западный друг», 1913: «Может быть, для этого Леонтьев просил кого-то заморозить Россию» (Вестник Общества Велимира Хлебникова 1. М., 1996; републикация Е.Р.Арензона). Ср. также в письме от 28.XI.1908 г. на С. 370.

Французская свобода — связано с характерным для Хлебникова отрицанием европейского либерализма: ср. прозаический фрагмент о борьбе «нищих и воров» с барами, «продающими Россию»: <кто-то> «роняет вставную челюсть. — Не правда ли, эта челюсть напоминает братство, равенство и свободу» (1908, рукопись РГАЛИ) и стихотворение «Сибирь» (СС, 2. С. 322).

Овен, Рак — см. СС, 1. С. 467.

Стакан пива принимает размер вселенной — ср. у А.Белого в «Письме из Мюнхена»: «Пиво — небо души, глубочайший религиозный символ баварца; пиво — это вырастающая даль, в которую уплывает баварец, чтобы коснуться скрытых сил души германской... Вяч.Иванов может успокоиться теперь: искони здесь совершается мистерия вокруг пивной кружки!» (ж. «Золотое руно». 1906. № 11–12. С. 116)

Маркиза Дэзес (С. 206) — Впервые: Садок судей I, 1910. Вошла в СП, IV, 1930. Печатается по НП, 1940 (где учтена авторская правка первопечатного текста). Пьеса написана в конце 1909 г. и

имеет ряд перекличек с поэмами: «Передо мной варился вар...» и «Карамора № 2-ой» (СС, 3).

Название пьесы по экзотическому иностранному имени героини, которая на самом деле — русская, содержательно соотносимо со значимым для истории журнала «Аполлон» именем Черубины де Габриак (см. СС, 3. С. 431). См. толкование имени героини в связи с фамилией героя романа Ж.Гюисманса «Наоборот»: Дез Эссент (Творения, 1986. С. 689).

«Говорящие» имена других персонажей пьесы: «Перховский» — Верховский Ю.Н., см. СС, 3. С. 439; «Делкин» — Белкин В.П. (1895—1951), расписывавший позже «Бродячую собаку»; «Глобов» — возможно, художник Судейкин С.Ю. (1882—1946), женатый на артистке Глебовой О.А., напоминают прием шутливого искажения фамилий во «Второй драматической симфонии» А.Белого, 1901 («Мережкович» — Мережковский Д.С., «Шляпин» — Шаляпин Ф.И., «Шиповников» — Розанов В.В.).

Атмосфера, царящая на разыгрываемом в пьесе Хлебникова вернисаже, близка к описываемой В.М.Гаршиным (1855—1888, см. СС, 3. С. 462) в стихотворении «На первой выставке картин Верещагина» (1876):

Толпа мужчин, детей и дам нарядных
Теснится в комнатах парадных
И, шумно проходя, болтает меж собой:
«Ах, милая, постой!
Regarde, Lili!
Comme c'est joli!
Как это мило и реально,
Как нарисованы халаты натурально».

По замечанию Р.О.Якобсона, «Маркиза Дэзес» написана под влиянием комедии Грибоедова «Горе от ума» (НП, 1940. С. 398); подробнее об этом см. в статье Л.К.Долгополова и А.В.Лаврова в кн.: А.С.Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 118—120.

Из воспоминаний А.Е.Крученых: «"Садок судей 1" — квадратная пачка серенькой обойной бумаги, односторонняя печать, небывалая орфография, без знаков препинания (было на что взглянуть!) — мне попался впервые у Хлебникова... Откровением показался мне и свежий разговорный стих его пьесы "Маркиза Дэзес", оснащенный редкостными рифмами и словообразованиями» (Наш выход. М., 1996. С. 50). В сб. В.Хлебникова «Ряв!» (1914) было включено начало пьесы до реплики: «Соседка, передайте мне вилку!».

Автокомментарий Хлебникова в «Свояси»: «Город задет в “Маркизе Дэзес” и “Чертике”» (СС, 1. С. 7); это своеобразный ответ на призывы коллег-футуристов обратиться к «современности и городу» (см. примеч. на С. 366); «город» у Хлебникова — объект насмешливого отрицания.

... в руке противника горсть спелой вишни — ср. в повести Пушкина «Выстрел»: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые вишни и сплевывая косточки...»

Лель — см. прим. на С. 366, а также СС, 3. С. 429.

Писатель — вероятно, имеется в виду М.А.Волошин (см. СС, 3. С. 432), выступавший в «Аполлоне» и как поэт, и как художественный критик.

Поэт (одетый лешим) — скорее всего С.М.Городецкий (см. СС, 2. С. 540); ср. в «Песне Мирязя»: «Я был еще молодой леший, я был Городецким, у меня вился по хребту буйный волос ...» (СП, IV. С. 12).

Распорядитель вечера — имеется в виду редактор «Аполлона», устроитель художественных выставок С.К.Маковский (см. СС, 3. С. 431); ниже, в реплике Слуги, прямо назван «Маковский» (в первопечатной редакции — «Таковский»).

«Рафаэль» — французское вино «Сен-Рафаэль», которое рекламировалось как средство профилактики от холеры, распространившейся в Петербурге в 1909 г. (в письме Хлебникова отцу 29.IX.1909: «Петербуржцы привыкли к холере» — СП, V. С. 286).

Духов болотных котелки — болотные, или водяные орехи (чилим). Возможна связь со стихотворением Блока «Болотные чертенятки» (1905), посвященным А.М.Ремизову:

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Собачки дикой коготки — репейник с колючими головками (Даль).

... в душе писателя с происхожденьем от собаки — ср. в стихотворении Ф.Сологуба «Собака одного короля» (1908):

Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

Спутник — alter ego В.Хлебникова.

Бог рати он — из каламбура Г.Р.Державина «На Багратиона»:

О, как велик, велик На-поле-он!
Он хитр, и быстр, и тверд во брани;
Но дрогнул, как к нему простер в бой длани
С штыком Бог-рати-он!

Багратион Петр Иванович (1765—1812) — русский полководец.

Смерть ездила на нем, как папа на осле — в средние века папам дозволялось ездить только на ослах и мулах.

Вабя — см. на С. 345.

Дамаск — холодное оружие из знаменитой дамасской стали.

Порт-Артур — дальневосточный форпост России: напоминание о проигранной войне с Японией в 1905 г.

Пояс казаков с железною резьбой... — см примеч. на С. 354.

Жена, облеченная в солнце — см. примеч. на С. 363; восходит к образу героини «Второй драматической симфонии» А.Белого (1902): «Он шептал, с молитвой: "Жена, облеченная в солнце, откройся знаменосцу твоему! Услышь пророка твоего!"»

Чтобы рогатую сестру горячим утолить молоком — мотив кормления имеет здесь как литературный источник («Вакханки» Еврипида в пер. И.Анненского: «...Те [вакханки] / От лани сосунка к грудям набухшим/ Прикладывали...», так и живописный: полотна Рубенса на мифологические темы «Шествие Силена», «Вакханалия» или «Сатиресса, кормящая грудью козу» — фрагмент росписи в зале виллы «Мистерий» близ Помпей, посвященном дионисийским мистериям.

Мейер — возможно, намек на В.Э.Мейерхольда.

Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор.

Папа Пий — Пий III, ставший папой в 1503 г., для которого Рафаэль сделал несколько рисунков книгохранилища Сиенского собора. Здесь скорее как самое распространенное имя римских первосвященников.

Анджело — Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец и поэт.

Рыжий поэт — см. примеч. СС, 3. С. 432.

Шенье Андре Мари (1762—1794) — французский поэт и публицист, казненный за два дня до крушения якобинской диктатуры.

О, Тютчев туч... — ср. стихотворение «О, достоевскиймо...» (СС, 1. С. 103). Все четверостишие весьма сомнительно как часть реплики «Рыжего поэта».

Погадка — комок перьев и костей, сплевываемый хищными птицами.

Пугач — ср. в СС, 1. С. 178: «И трепетал богач / При слове яростном: пугач»; (в СС, 3. С. 124: «Мила, мила нам пугачевщина»).

Синие и красно-зеленые куры / Сходят с шляп... — ср. с темой «восстания вещей» в поэме «Журавль» (СС, 3. С. 423).

Все стали камнями какого-то сада — мотив превращения героев в изваяния мог быть почерпнут из пьесы Ф.Сологуба «Победа смерти» (постановка — 1907 г.; первая публикация — 1908 г.): «Смотрите,— окаменел Хлодвиг и бывшие с ним, смотрите, — они стоят, уподобляясь иссеченному из камня изваянию. Смотрите,— плоскою картиною становится зрелище окаменевшей жизни...» (Цит. по: СС. Т. 8. СПб., 1913. С. 53–54).

Выя — см. СС, 1. С. 462.

Гот, Дье — *Бог* по-немецки и по-французски.

Не «ять» и «е», а «е» и «и»! — не «смерьте» (через букву «ять»), а «смерти»; чрезвычайно важная для Хлебникова рифмующаяся пара слов означает идею победы над смертью через измерение судьбы, рока законами времени (см. СС, 3. С. 445).

Сумен — от *сумный* (см. СС, 1. С. 462).

Ножа молчания нажим — см. на С. 361.

Нетопырь — летучая мышь.

Мирско́нца (С. 220) — Впервые: Ряв!, 1914. Вошла в СП, IV, 1930. Есть несколько подтверждений того, что пьеса была написана в 1913 г. Так, обращаясь к А.Е.Крученых летом 1913 г., Хлебников предлагал: «Напишите разгля<д>, где бы юность следовала после старости, то, что позже, было бы раньше. Вначале старики, потом младенцы» (НП, 1940. С. 367). В другом письме того же периода, хранящемся в частном собрании, Хлебников как бы излагал концепцию возможной пьесы: «Есть учение о едином законе, охватывающем всю жизнь (т. наз. Канто-Лапласовский ум). Если вставить в это выражение отрицательные значения, то все потечет в обратном порядке: сначала люди умирают, потом живут и родятся, сначала появляются взрослые дети, потом женятся и влюбляются. Я не знаю, разделяете ли вы это мнение, но для Будетлянина Мирско́нца — это как бы подсказанная жизнью мысль для веселого и острого, т.к., во-первых, судьбы в их смешном часто виде никогда так не могут поняты, как если смотреть на них с конца; во-вторых, на них смотрели только с начала. Итак, измерьте насмешкой разность между вашим желанием и тем,

что есть, смотря от второго праха, и будет, я думаю, хорошо» (Творения, 1986. С. 689).

У самого А.Крученых художественная тема «мира с конца» присутствует в примечании к стихотворению «Старые щипцы заката...» («Пощечина общественному вкусу», 1912. С. 88).

Идея истолкования времени не как обязательно прямой, невозвратимо устремленной вперед линии, развивалась в книге Н.А.Морозова (см. примеч. на С. 349) «На границе неведомого мира» (1910). Из фантастического очерка Н.А.Морозова — «Путешествие по четвертому измерению пространства»: «На обратном пути мы видели всё навыворот. Каждого нового человека встречали дряхлым стариком, но с каждой минутой нашего полета назад он делался моложе... Ведь каждый час переносил нас теперь на несколько лет в прошлое! Всякий старик делался, рано или поздно, грудным младенцем и входил в чрево матери» (Цит. по статье: Бёмиг М. Время в пространстве: Хлебников и «философия гиперпространства» // Вестник Общества Велимира Хлебникова 1. М., 1966. С. 187).

В.Тренин высказал мнение, что в пьесе «Мирсконца» воплощена «идея о возможности свободного движения во времени вперед и назад... Это идея уэллсовской машины времени» (ж. «Детская литература». М., 1939. № 4. С. 71).

В основе конфликта пьесы Маяковского «Баня» — изобретение машины времени как преодоления косности современной жизни; прообразом изобретателя Чудакова был Хлебников. См.: Дуганов Р. Замысел «Бани» // ж. «Театр». М., 1979. № 10.

Первоначальное название пьесы «Оля и Поля» было заменено на «Мирско́нца» по предложению Крученых: «... спор возник у нас из-за названия его пьесы "Оля и Поля".— Это "Задушевное слово", а не футуризм! — возмущался я и предложил ему более меткое и соответствующее пьеске — "Мирсконца", которым был озаглавлен еще наш сборник 1912 г. Хлебников согласился, заулыбался и тут же начал склонять: — Мирсконца, мирсконцой, мирсконцом. Кстати, вспоминаю, как в те годы Маяковский острил: — Хорошая фамилия для испанского графа — Мирсконца (ударение на о)» («Наш выход». С. 51). «Испанский граф Мирсконца», возможно, связан с театральной пародией В.Трахтенберга «Загадка и разгадка», поставленной в «Кривом зеркале» в 1909 г. В «сценах из испанской жизни» происходила невероятная путаница: «загадка» состояла в том, что актеры играли пьесу от конца к началу, а «разгадка» — в том, что суфлер перепутал страницы пьесы. На эту пьесу откликнулся О.Э.Мандельштам шуточным стихотворе-

нием «Актеру, игравшему испанца». (Тихвинская Л. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 227).

По поводу названия пьесы см. статью: Левинтон Г.А. Об одном ударении у Хлебникова // Сб. «Мир Велимира Хлебникова». М., 2000.

Воздвиженье — христианский праздник, отмечаемый в сентябре.

И ворон костей не заносил — ср. пословицу «Спроважу, куда ворон костей твоих не занесет» (Даль).

Дарвин Чарлз (1809–1882) — английский естествоиспытатель, автор книги «Происхождение видов путем естественного отбора». Хлебников, не раз иронизировавший по поводу дарвиновского позитивизма (см., например, в сверхповести «Дети Выдры»), отмечает в автобиографической заметке 1914 г.: «Отец — поклонник Дарвина и Толстого» (Творения, 1986. С. 642).

Козодой — птица, ведущая ночной и сумеречный образ жизни..

Муций Сцевола — герой древнеримской истории (VI в. до н.э.), получивший прозвище «Левша» (Сцевола), потому что он держал меч в левой рукой, так как правую сжег на жертвенном огне (см. СС, 2. С. 500). Мотив клятвенного сожжения руки юношей см. в пьесе «Таинство дальних».

Манлий Капитолийский — герой древнеримской истории (IV в. до н.э.), казнивший сына за нарушение дисциплины.

О ш и б к а с м е р т и (С. 227) — Впервые: Ошибка смерти. 1917. Вошла в СП, IV, 1930. Датируется по дневниковой записи: «23 ноября 1915 написал победу над смертью — «Ошибка смерти» (СП, V. С. 333). Среди многочисленных у Хлебникова образно-смысловых представлений танатологической тематики можно отметить как ступени движения к пьесе: сопоставление слов «смерить» и «смерть» в «Маркизе Дэзес» (см. С. 383); деталь автобиографической заметки 1914 г.: «Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат» (НП, 1940. С. 352); стихотворение «Жены смерти», датированное 22 сентября 1915 г. (СС, 1. С. 336) и др.

Возможный изобразительный источник пьесы — офорт «Смерть на маскараде» Фелисьена Ропса (см. СС, 1. С. 508), интерес к творчеству которого мог инициировать Н.Н.Евреинов (см. СС, 3. С. 456) — автор критического очерка и составитель альбома «Фелисьен Ропс» (1910). Присутствие образов этого бельгийского художника в сознании русского поэта впервые проанализировал С.Н.Толстой в очерке «Велимир Хлебников» (1933, 1972–76), в главе «По следу ведьмы» (Собрание сочинений. Т. 3, М., 2001.

С. 384—388). См. также: Хенрик Ба́ран. О визуальных источниках текстов Хлебникова // О Хлебникове. Контексты. Источники. Мифы. М., 2002.

Пьеса полемизирует с «Победой смерти» Ф.Сологуба (см. СС, 1. С. 427), которого Хлебников назвал «гробокопателем» и поместил в ряд проповедников смерти («Учитель и ученик», 1912).

Концептуально «Ошибка смерти» связана с «Пиром во время чумы» Пушкина. См. в письме М.В.Матюшину, посланном из Астрахани 18 июня 1913 г. в связи со смертью Е.Г.Гуро (1877—1913): «Собственно смерть есть один из видов чумы, и, следовательно, всякая жизнь всегда и везде есть пир во время чумы. Поэтому, помня Мери, следует ли поднять в честь ее чаши веселья?» (НП, 1940. С. 365).

В рецензии на «Ошибку смерти» М.А.Кузмин отмечал, что пьеса написана «необыкновенно сильными и крепкими стихами и прозой... Чем-то напоминает "Балаганчик" Блока, особенно в конце. Хлебников пользуется приемом "причудливости" (Die Laune) немецких романтиков, перешедшим по наследству к А.Блоку... При всей своей доступности, (может быть, в связи с нею) эта книга не так характерна для Хлебникова, как хотя бы "Мирско́нца" или "Дети Выдры"» (ж. «Северные записки». Пг., 1917. Январь. С. 263—264). О.Э.Мандельштам в своем стихотворении «Соломинка» использовал мотив выпивания смерти из пьесы Хлебникова, которую он назвал «трагической буффонадой». Поздний автокомментарий Хлебникова: «Ошибка смерти» — мрачная, тяжелая вещь, подводные камни...» (РГАЛИ). Из воспоминаний современника — композитора и теоретика нового искусства А.С.Лурье (1891—1966): «Эту пьесу Хлебников очень любил и придавал ей бо̂льшое значение» (А.Лурье. Наш марш // «Новый журнал». Нью-Йорк, 1969. № 94).

2 ноября 1917 г. Хлебников, В.Татлин и А.Лурье подписали «Договор» о театральном представлении: «Комплект вещей»: 1) «Ошибка Барышни Смерти» 2) «Госпожа Лени́н» 3) «13 в воздухе». Автор: В.Хлебников. Режиссер: В.Хлебников. Художественная постановка: В.Евгр.Татлин. Проиграно будет дружиной искусств в числе 13 человек. Постановка этих вещей помимо Викт.Вл.Хлебникова, Влад.Евгр.Татлина и Артура Серг.Лурье, считается нарушением их прав и обеспечивается неустойкой в 300 000 рублей. Ведение переговоров поручается Влад.Евгр.Татлину. — Велимир Хлебников. Владимир Татлин. Артур Лурье» (Цит. по статье: Давид Бернштейн. Про страницу из жевержеевского альбома, или о Катерине Ивановне Туро-

вой и Хлебникове // Терентьевский сборник. М., 1996). Эта театральная идея не реализовалась (пьеса «13 в воздухе» утеряна; см. примеч. на С. 395). Прижизненная постановка «Ошибки смерти» с участием автора состоялась в Ростове-на-Дону в августе-сентябре 1920 г. (Березарк И. Встречи с Хлебниковым // ж. «Звезда». Л., 1965. № 12. С. 176). В 1976 г. в Риме пьеса была поставлена авангардным театром «Патагруппо» (Творения, 1986. С. 690).

Тринадцатый гость — подзаголовок пьесы — контаминация «Тринадцатого апостола» (первоначального названия поэмы Маяковского «Облако в штанах», 1915) и «Каменного гостя» Пушкина.

Харчевня веселых мертвецов-трупов — ср. в стихотворении Э.Верхарна (СС, 2. С.517) «Мор« (перевод В.Брюсова):

Смерть себе спросила крови
Здесь, в трактире «Трех гробов»...

Запевало — функция Председателя из «Пира во время чумы» Пушкина; «Председатель... чумы» из статьи 1916 г. «Второй язык» (СП, V. С. 210) по смысло-звуковой ассоциации мотивировал «Председателя чеки» (СС, 3. С. 288).

Много вервий — то есть волос (вервь, по словарю Даля, нить или прядь нитей).

Мой череп... как друга стакан именной — ср. «Послание Дельвигу» Пушкина (1827):

Прими ж сей череп, Дельвиг; он
Принадлежит тебе по праву.
. . .
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу...

Корень из нет-единицы — см. СС, 1. С. 451; постоянный у Хлебникова образ мнимости как числовой сущности поэтического воображения.

Ты часы? Мы часы! — связано с репликой Арлекина из пьесы Н.Н.Евреинова «Веселая смерть»: «Мои часы сочтены... Который час?.. А мои часы не врут?»

Пьет вишневый сок из стеклянного стакана — в стихотворении Э.Верхарна «Мор»: «Смерть сидит у огня, / Пьет за стаканом стакан и качается...»; одновременно перекличка с *клюквенным соком*, брызнувшим из головы Паяца в пьесе А.Блока «Балаганчик».

Город Глупов — очерки М.Е.Салтыкова-Щедрина о «Глупове» и «глуповцах», которые легли в основу «Истории одного города» (1869); см. СС, 1. С. 356.

У меня ни капли сострадания. Я весь из жестокости — ср. в поэме Маяковского «Облако в штанах»: «У меня в душе ни одного седого волоса, / И старческой нежности нет в ней!»

Мой череп у тебя, у силача — ср. «будетлянских силачей» в пьесе Крученых «Победа над солнцем».

Свист свирелей из берцовых костей человека... — ср. «свирели» и воющие «кости» в стихотворении «Бех» (СС, 1. С. 295), а также сходные образы: «флейты из человеческих костей» в кн. Бальмонта «Белые зарницы», 1908. С. 180; поэму Маяковского «Флейта-позвоночник».

Боги (С. 237) — Впервые: СП, IV, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ). Дневниковая запись Хлебникова: «19.XI.21 года написаны боги заумью — "брувуруру"» (РГАЛИ). Особо датировано вступительное стихотворение «Туда, туда...», имеющее здесь композиционное значение эпиграфа; ср. СС, 2. С. 51, 521 и СС, 3. С. 281. См. в сверхповести «Зангези» (1922): плоскость II «Боги».

Сюжет пьесы прямо перекликается с V частью философской драмы Г.Флобера «Искушение святого Антония» (русск. пер. 1907 г.), где перед отшельником проходят идолы всех времен и народов — из дерева, металла, гранита, сшитых шкур; старые и молодые; животнообразные и человекоподобные, представая в разных метаморфозах и обличьях.

Два экспозиционных перечня персонажей не исчерпывают божественный пантеон пьесы «Боги», олицетворяющий разнообразие мировых культур. Общение богов на «заумном» языке естественно для концепции Хлебникова о разъединении мира земными «умными» языками (см. СС, 2. С. 519) и задает смысловую перспективу всей вещи, сочетая в ряде реплик «заумное» с «умным» (вариант «соединения звездного языка и обыденного»). См.: Гаспаров М.Л. Считалка богов (о пьесе Хлебникова «Боги») // сб. Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1994.

Анче-Патяй, Чомпас — верховные божества мордовского язычества; см. примеч. к поэме «Напрасно юноша кричал...» (СС, 3. С. 438).

Кали — др.-инд. «черная»; жена бога Шивы, олицетворяющая губительные силы его энергии; богиня смерти.

Велес — см. СС, 3. С.448.

Стрибог— см. примеч. на С. 346.

Ундури (Андури) — см. СС, 3. С. 444.

Локи, Бальдур (Бальдр) — боги скандинавской мифологии; хитрый и коварный Локи считается причастным к гибели мудрого и сме-

лого Бальдра («Младшая Эдда»), смерть которого становится предвестием гибели всех богов.

Пружина чахотки. Шекспир под стеклянной чечевицей (С. 248) — Впервые: СП, IV, 1930.

В данном издании датируется по черновому наброску (РГАЛИ) с пометой «21.I.22 г.»

К подзаголовку (см. примеч. на С. 377) примыкает автокомментарий в черновике — «Сокращенный Шекспир». Возможно, отправной точкой для Хлебникова стало рассуждение Вяч.Иванова о жанровых особенностях романа Достоевского, который «...отличается от трагедии тем, что ... мы имеем перед собой как бы трагедию потенцированную, внутренне осложненную и умноженную в пределах одного действия: как будто мы смотрим на трагедию в лупу и видим в ее молекулярном строении отпечатление и повторение того же трагического принципа» (В.Иванов. Борозды и межи. М., 1916. С. 21). С этим определением связана идея математических соотношений в явлениях микро- и макромиров, всегда волновавшая Хлебникова (например, «поверхность кровяного шарика равна поверхности земного шара, деленной на 365 в десятой степени» (СП, V. С. 242). Ср. в статье И.Игнатьева «Эго-футуризм»: «Разве жизнь — не сплошая борьба? Даже в нашей крови ведут непримиримую борьбу вечные враги — кровяные шарики и не будь этой борьбы — тело умерло бы» («Засахаре кры. Эдиция V». СПб., 1913). Пример еще более впечатляющий (и по смыслу и по времени) — «Двенадцать» А.Блока :

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Ср. «Рой новых воинов» мировой битвы в поэме Маяковского «150 000 000»: «спирохет на спирохете, вибрион на вибрионе».

Первый конный полк! Ноги вдевать в стремена! — ср. стихотворение «Как я увидел войну?» (СС, 2. С. 334).

Грудой пятаков, сложенных желтым скопцом — аллюзия к «Венецианскому купцу» Шекспира.

Чахотка — воин — по образцу «Аника — воин».

Распахнись, моя душа! Распахнись плечо! — ср. «Раззудись, плечо! Размахнись, рука» из стихотворения А.В.Кольцова «Косарь».

Маруха — см. прим. на С. 359.

Ракло — см. СС, 2. С. 521, 525.

Олень протыкает рогами живот задремавшего удава, съевшего его — ср. стихотворение «В каждом громком слове...» (СС, 2. С. 259).

Рукописи ...о съедобной глине — см. СС, 3. С. 471.

III

Комментарии (С. 253) — Впервые: ИППК, 1988 (публикация Н.А.Зубковой). Печатается по рукописи (РНБ). Относится к началу литературных опытов Хлебникова (досимволистского периода) и, по-видимому, примыкает к несохранившейся пьесе бытового характера «Елена Гордячкина», посланной на отзыв М.Горькому. См. сб. «Максим Горький и XX век». Н.Новгород, 1998 (публикация Л.Н.Смирновой письма Хлебникова).

Вера — совпадение с именем В.В.Хлебниковой (СС, 1. С. 460).

Софья Николаевна — совпадение с именем С.Н.Вербицкой (СС, 3. С. 428).

«Хозяин» — сельскохозяйственный и экономический журнал, издававшийся в Петербурге в 1894—1905 гг.

<Утренняя заря> (С. 256) — Впервые: СП, IV, 1930. Печатается по черновой рукописи с многочисленной правкой (РГАЛИ).

Ярыня — Ярила (СС, 1. С. 469); словоформа по образцу: Добрыня, Горыня.

Святогор — герой русских сказок и былин, конь его выбивал копытом источники ключевой воды. Ср. название статьи «Курган Святогора», 1908 (НП, 1940).

Хочу я (С. 259) — Впервые: Первый журнал русских футуристов, 1914. Вошла в СП, IV, 1930.

Приемами словотворчества примыкает к таким прозаическим вещам, как «Песнь Мирязя», «Искушение грешника» и др.

Происшествие в помещичьей усадьбе среднего достатка (С. 261) — Впервые: НП, 1940 (по беловому автографу с утраченным концом). Ср. пьесу «Госпожа Ленин».

Хмара укр. — туча.

Беспражно — беспрепятственно (др.-рус. «пражный» — порожистый).

«Ты, Смеющиеся Очи...» (С. 263) — Впервые: НП, 1940 (по черновому автографу, где записан план всей вещи: «Пчелиная драма. Улей. Жены, работницы, трутни. Рабочая трудовая жизнь. Появление мертвой головы. Самопожертвование. Замурование. Пчела. Убивший. Умирающий»).

Тема «Пчелиной драмы» связана с натурфилософским сочинением М.Метерлинка (см. примеч. на С. 373) «Жизнь пчел» (1901), окрашенным размышлениями о человеческом обществе. Ср. стихотворение «Это год, когда к нам в человечество...» (СС, 2. С. 276, 567).

Щурка — птичка из отряда ракшеобразных, вредит пчеловодству.

Пчелоед — пчелиный ястреб.

«Управда! Ты русский!..» (С. 264) — Впервые: НП, 1940.

Драматическая сцена из эпохи византийского императора Юстиниана (482—565 гг.), согласно легенде, — славянина по происхождению. См. в историческом сочинении славянофила А.Хомякова «Семирамиды»: «В первой половине шестого века взошел на престол Византии славянин, сын славянских родителей (как видно... особенно из имени матери Бегленицы) Управда... имя свое он перевел на правительственный латинский язык и назвал себя Юстинианом» (Хомяков А.С. ПСС. Т. 4. М., 1883. С. 558). В 532 г. против Юстиниана поднялось восстание под лозунгом «Ника!» («Побеждай!») — возглас зрителей на возничьих соревнованиях в цирке. Благодаря настояниям императрицы Феодоры Юстиниан отказался от бегства, и его полководцы подавили восстание, перебив около тридцати тысяч мятежников.

К началу XX века византология опровергла версию о славянском происхождении Юстиниана, но для Хлебникова здесь не было историографической проблемы: ему в данном случае важен образ — пример «русского» правителя, силой утверждающего приоритет закона над своеволием бунта. См. имя Управды в статье «О расширении пределов русской словесности» (1913) и в историко-числовой работе «Время мера мира» (1916). Подробный источниковедческий анализ данного сюжета см. в кн.: Хенрик Ба́ран. О Хлебникове. Контексты. Источники. Мифы. М., 2002. С. 81—101.

Ранами и сечами своего дяди — дядя Юстиниана, Юстин I (?—527) был по происхождению македонским крестьянином, потом солдатом, завладевшим троном в результате сложных интриг.

Перун — см. СС, 1. С. 481.

Бабр — см. СС, 2. С. 590.

То время, когда я пела и плясала — императрица Феодора, происходившая из низов общества, до замужества была певицей и танцовщицей; отсюда постоянная трансформация мотива в разных текстах Хлебникова. См. в драматической поэме <«Разговор душ»>: «Что чертог был пляской нажит / Дщерью в рубище лохматом»(С. 56), в поэме «Ладомир»: «Замок кружев девой нажит, / Пляской девы пред престолом» (СС, 3. С. 237) и др.

Твой воевода усмирил остготов — полководец Юстиниана Велисарий (504—565) вел войну с остготами в 535—540 гг.

Тройкобежцы — возницы боевых колесниц на константинопольском ипподроме.

Мудрость в силке. Утро в лесу (С. 267) — Впервые: Рыкающий Парнас, 1914; и вариант (см. на С. 341) — Первый журнал русских футуристов, 1914. Сцена вошла в СП, II, 1930.

Пример «птичьего языка», который, по В.П.Григорьеву, наряду с «безумным языком», «языком богов» и другими периферийными явлениями хлебниковского идиостиля, является не авторской речью, а чистой звукозаписью «речи персонажей», не требующей специальной интерпретации («Будетлянин». М., 2000. С. 100). Однако С.В.Сигов в статье «О драматургии Велимира Хлебникова» (сб. «Русский театр и драматургия 1907—1917 годов». Л., 1988. С. 105) утверждает безупречность драматической формы этой сцены и принципиальную необходимость и возможность понимания ее экологического смысла.

См. автоцитату из сцены в поэме «Труба Гуль-муллы» (СС, 3. С. 315), а также Плоскость I «Птицы» в сверхповести «Зангези», 1922.

Шабаш (С. 268) — Впервые: Изборник, 1914. Вошла в СП, II, 1930. Сцена очевидно связана с предварением к «Песне ведьм на Лысой горе» из книги И.П.Сахарова «Сказания русского народа»: «...есть поверие, что какой-то казак, забравшись на Лысую гору, подслушал песню ведьм; но шабашное сборище, узнавши об открытии, утопило казака в реке» (СПб., 1885. С. 99).

А<старта> — см. СС, 2. С. 513.

Втуне, всуе — напрасно.

Лох — см. СС, 3. С. 448.

Бурун — пенистая волна.

Лог — см. СС, 3. С. 472.

Ночь в Галиции (С. 271) — Впервые: Изборник, 1914 (приложение под названием «Из книги "Деревянные идолы"», литографированное П.Н.Филоновым, включало также стихотворение «Перуну» — см. СС, 1. С. 481). Вошла в СП, II, 1930. В данном издании печатается с одной смысловой конъектурой, восстанавливающей версификационный строй вступительной реплики Русалки, и с логически объяснимым переносом ремарки к первой песне Русалок.

Р.О.Якобсон вспоминал, что осенью 1913 г., знакомясь с Хлебниковым, он специально подготовил выписки из книги И.П.Сахарова «Сказания русского народа»: бесовские песни, заговоры, детские считалки и присказки. «С Хлебниковым я обсуждал внутренние законы сектантских глоссолалий и ткань непонятных логических заклинаний» (Р.Якобсон, К.Поморска. Беседы. Иерусалим, 1980. С. 7).

В статье А.Крученых «Новые пути слова (язык будущего — смерть символизму)» даются примеры «заумного языка» сектантов-хлыстов, в момент религиозного вдохновения говорящих на языке «духа святаго» (сб. «Трое». СПб., 1913 <сентябрь>).

В статье 1919 г. Хлебников писал: «Говорят, что стихи должны быть понятны. Так понятна вывеска на улице, на которой ясным и простым языком написано: "Здесь продаются..." Но вывеска не есть стихи <...> Почему заговоры, заклинания так называемой волшебной речи, эти "шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу" — суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета и является как бы заумным языком в народном слове<...> волшебная речь заговоров и заклинаний не хочет иметь своим судьей будничный рассудок» (СП, V. С. 225).

В сцене использованы отрывки из «Песни ведьм на Лысой горе», «Шабашной песни ведьм» и «Чародейской песни русалок».

Оран — от *орать* др.-рус. — пахать (СС, 2. С. 582).

Опришки — см. СС, 3. С.463.

Легини, Гуцул, Мавка (Мава) — см. примеч. к стихотворению «Гевки, гевки, ветра нету...» (СС, 1. С. 498, 499).

Лицо чернеет грубое... (С. 276) — Впервые: НП, 1940. В комментарии Т.С.Грица отмечена близость сюжета этой драматической сцены к эпизоду убийства Эхнатэна в повести «Ка», 1915 (СП, IV. С. 66–67) при стилистическом несходстве этих вещей. См. также стихотворение «Чудовище — жилец вершин...» (СС, 1. С. 234, 485) и черновой набросок «Абиссиния...»: «Самец, Обезьяний <король>... Если нельзя живым, то шкуру. Это тоже имеет сбыт... Нас

охраняет закон, а они добыча охоты белых людей. Я еду по следам знатного иностранца. Что он делал! Что он делал! Обесчещенные, погубленные целые поколения! Еще стакан вина, дюша моя! (Старику, указывая глазами на сына) Женат? Нет. Так, так, так... А что <цеце>! <Я присмотрел. Я знаю> Маленькая такая, резвая, бегает с кувшином по камням. Стук-стук. Стук. Недорого. Я сосватаю. Не надо?» (РГАЛИ). Возможным источником мотива любви обезьян к женщине в текстах Хлебникова Х.Ба́ран (Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 177) назвал рассказ Н.Гумилева «Лесной дьявол» (1911).

Сцена написана ритмизованной прозой с ощутимой тенденцией к метрике ямба. Цифрами обозначены действующие лица: I — пришелец, II — нянька, III — Верена (сестра), IV — Верен (брат).

Путик — ловчая яма.

Мыслящая печка — см. СС, 3. С. 453.

Призраки. Хоровод (С. 279) — Впервые: СП, II, 1930. Печатается по рукописи (РГАЛИ).

Композиционное нанизывание двухстрочных реплик («хоровод») использовано в большом тексте 1921 г. «Сестры-молнии» (СП, III, 1931).

Я конский череп, я на липе — скорее всего Хлебникову были известны материалы второго выпуска «Симбирского вестника», которыми пользовался Д.К.Зеленин в описании «проводов русалки» в Ардатовском уезде Симбирской губернии: «Берут липовую палку... надевают на нее головную лошадиную кость... Часов в 7 или в 8 вечера целые хороводы... собираются... к одному двору и ... начинается праздник... Русальщики идут впереди, держа покрытую пологом лошадиную голову; за ними скачут испачканные сажею парни»(Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 245).

Белены напиток — см. СС, 3. С. 429, 460.

Зой — см. послесловие к «И и Э» (С. 35).

Кнезь — см. СС, 1. С. 516.

Пря — см. СС, 1. С. 482.

Я сапожком одел чуму ... — в украинских поверьях холера (мор, смерть) носит красные сапоги; смерть — «кума» (см. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1869. С. 201, 335).

Внимание (С. 283) — Впервые: НХ, XXI , 1931 (предположительно как отрывок из несохранившейся пьесы «13 в воздухе»). Вошла в СП, V, 1933 под названием «Отрывок из пьесы».

Эта драматическая сцена примыкает к футурологическим текстам Хлебникова, начинающимся статьей-манифестом «Мы и дома. Кричаль» (1915). Ср. вступительную ремарку сцены с отрывком из указанного текста: «Как они одевались? Они из черного или белого льна кроили латы, поножи, нагрудники, налокотники <...> и, таким образом, вечно ходили в латах цвета снега или сажи <...> Вместо пера у иных над головой курилась смола».

Третьего листопада — 3 ноября.

Умирая в последний раз... — ср. в письме Г.Н.Петникову (1917): «Мы намерены умирать, зная секунду второго рождения, завещая закончить стихотворение» (СП, V. С. 314); в статье «Наша основа» (1919): «Сейчас, благодаря находке волны луча рождения, не шутя можно сказать, что в таком-то году родится некоторый человек, скажем, "некто" с судьбой, похожей на судьбу родившегося за 365 лет до него». См. примеч. к поэме «Взлом вселенной» на С. 357.

$^{1}/_{365\cdot 365}$ — Хлебников постоянно оперировал сакральным числом 365 («год богов» — 365 лет), определяя соотношение Земли и кровяного шарика как 365^{10} или высчитывая через 365 цвето-смысловые отношения в супрематических полотнах К.Малевича и т.д. (см. статьи 1919 г. «Голова вселенной» и «Колесо рождений»).

Смерть будущего (С. 285) — Впервые: СП, III, 1931. Печатается по рукописи (РГАЛИ) с авторской датировкой.

Шестого дня играй-овраги — шестого апреля (СС, 2. С. 577).

Благодарю тебя, убийца — ср. в «Балладе о камергере Деларю» А.К.Толстого:

Вонзил кинжал убийца нечестивый
В грудь Деларю.
Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво:
«Благодарю».

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 1–4 ТОМОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

I

II

III

Х55 **Хлебников В.**

Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 4. Драматические поэмы. Драмы. Сцены. 1904—1922 / Под общ. ред. Р.В.Дуганова. Сост., подгот. текста и примеч. Е.Р.Арензона и Р.В.Дуганова. —432 с.

В томе представлены драматические произведения В.Хлебникова 1904—1922 гг.

Компьютерная верстка
А.З.Бернштейн

Художник
Д.Е.Долгов

Корректор
Е.Н.Сченснович

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Подписано в печать 16.06.2003 г.

Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Печ. л. 27,0. Тираж 1500 экз.

ИМЛИ им.А.М.Горького РАН.

121069, Москва, ул. Поварская, дом 25-а,
тел. (095) 202-21-23, 291-23-01.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 8327